

В.А. Лёвшин, М.Д. Чулков

РУССКИЕ СКАЗКИ СОДЕРЖАЩИЕ

ДРЕВНЕЙШИЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ
О СЛАВНЫХ БОГАТЫРЯХ, СКАЗКИ
НАРОДНЫЕ И ПРОЧИЕ, ОСТАВШИЕСЯ
ЧЕРЕЗ ПЕРЕСКАЗЫВАНИЕ В ПАМЯТИ
НАРОДНОЙ ПРИКЛЮЧЕНИЯ



Михаил Чулков

**Русские сказки,
богатырские, народные**

«Остеон-Групп»

1780

Чулков М. Д.

Русские сказки, богатырские, народные / М. Д. Чулков —
«Остеон-Групп» , 1780

ISBN 978-5-85689-161-3

Впервые в России спустя 250 лет после первого издания в 1778 году публикуется полный свод русских сказок Василия Лёвшина и Михаила Чулкова. Печатавшиеся ранее отдельными вкраплениями в сборники, эти сказки, восхищавшие Пушкина и Жуковского, сами послужили литературной основой множества других сказок и дали массу сюжетов русским сказочникам. В нашей книге представлен полностью 10-томник сказок Лёвшина-Чулкова, вобравший в одну е-книгу почти 3000 страниц печатного текста. Эти сказки рассчитаны на много-много вечеров чтения каждая, они переходят одна в другую и обмениваются своими героями, и вполне могут быть сравнимы с «русской Шехерезадой».

ISBN 978-5-85689-161-3

© Чулков М. Д., 1780
© «Остеон-Групп» , 1780

Содержание

Предисловие. Предыстория русских волшебных сказок	6
Коротко об авторах	9
Часть первая. Сказки богатырские	16
Известие	16
Вступление	17
Богатырские сказки	19
Повесть о славном князе Владимире Киевском Солнышке	19
Всеславьевиче и о его сильном могучем богатыре	
Добрыне Никитиче	
Повесть о Тугарине Змеевиче	21
Повесть Добрыни Никитича	31
Рассказ Печенежского князя	35
Рассказ Таропа	38
Повесть о сильном богатыре Чуриле Пленковиче	47
Повесть об Алеше Поповиче – богатыре, служившем	54
князю Владимиру	
Рассказ Царь-девицы	65
Часть вторая. Сказки народные	67
Сказка I. Про вора Тимоню	67
Сказка II. Про цыгана-молодца	73
Сказка III. О Фомке-племяннике	75
Повесть о Мавранарском королевиче	79
Рассказ царевны Динары	83
Приключения Гассана Астраханского	92
Повесть древлянского князя Миловида	110
Продолжение приключений Гассана	119
Часть третья. Русские сказки	125
Продолжение приключений Гассана	125
Приключения Светомила	128
Рассказ княжны Останы	130
Продолжение рассказа Светомила	137
Конец ознакомительного фрагмента.	151

**В.А. Левшин, М.Д. Чулков
Русские сказки, содержащие
древнейшие сказания о славных
богатырях, сказки народные
и прочие, оставшиеся через
пересказывание в памяти приключения**

© Моргун Л.И. Пересказ и литературная обработка текста, 2017

Предисловие. Предыстория русских волшебных сказок

Друзья!

Вы находитесь в преддверии необычайно увлекательного чтения. Я его называю ИСТОРИЧЕСКИМ ЧТЕНИЕМ. Это означает, что предварительно в фантазии своей вы погрузитесь в далёкий-далёкий XVIII в. и уже видением человека того времени станете узнавать персонажи и события, порождённые фантазиями наших предков – тех, кого давно нет на земле, но чьи гены живут и здравствуют в наших телах и будут жить в телах наших потомков. Для истинного погружения в названные времена, необходимо дать вам некоторые представления, о которых вряд ли догадывается любой или которым мало кто придаёт значение.

Для кого сочинялись и записывались сказки? Ответ, бесспорно, неожиданный. Все сказки мира, записанные людьми до начала XIX в., предназначались исключительно взрослым людям. Литературы для детей до указанного времени вообще не существовало, а потом она ещё долго с трудом пробивала себе дорогу в мире сочинителей и признавалась делом третьеразрядным и неблагодарным. Даже прославленные сказки В.А. Жуковского или А.С. Пушкина, Антония Погорельского или С.Т. Аксакова, В.Ф. Одоевского или П.П. Ершова были написаны более для взрослых и никак не предполагали стать чтением для детей. Что уж говорить о народных историях, записанных фольклористом А.Н. Афанасьевым, или о былинах, поведанных фольклористам прославленным сказителем XVIII в. Киршей Даниловым или сказителями XIX в. Т.Г. Рябининым, В.П. Щеголёнком, И.А. Федосовой, И.А. Касьяновым и др. Всё предназначалось исключительно взрослым читателям и слушателям и было рассчитано на их понимание и на их нравственные установления. В XVIII – первой половине XIX вв. сказки признавались вредным чтением для детей, чаще запрещались или не приветствовались. Детям предназначалось религиозное и историческое чтение.

Даже полного собрания русских народных сказок в адаптации для детей у нас не существовало вплоть до середины 1930-х гг. Первым это осознал и создал такое собрание великий Алексей Николаевич Толстой. К тому времени он уже был автором эпических романов «Хождение по мукам» и «Пётр I», фантастических повестей «Аэлита» и «Гиперболоид инженера Гарина», сказочной повести «Золотой ключик, или Приключения Буратино». Сегодня мы по праву называем Алексея Николаевича первым в истории Сказочником всея Руси. И каждый из нас, нынешних, читал русские народные сказки преимущественно в переложении А.Н. Толстого. Есть, бесспорно, несколько классических пересказов других авторов, но Толстой уже навечно останется первым среди них.

Кстати, до конца XVII в. сказок как жанра вообще не существовало. Были истории, были легенды и предания. Очень часто они были весьма страшными, кровавыми и развратными. Потому что их потребителями были преимущественно воинственные рыцари, веселившиеся на буйных пирах. И на Востоке – в Китае или у арабов не было сказок, были рассказы, легенды и предания. Те же «Тысяча и одна ночь» являются собранием чего угодно вашей фантазии, но только не сказок.

Первая сказка была создана французской придворной дамой баронессой Мари-Катрин д'Онуа в царствование короля Людовика XIV. Издана она была в 1690 г. как часть авантюрного романа «История Ипполита, графа Дугласа» и называлась «Остров Блаженства». Рассказывалось в этой сказке о русском князе Адольфе, который случайно попал на остров любви и вечной молодости под названием Блаженство. Специально для этой вставной в романе истории баронесса придумала название «сказка», т. е. «точное описание, читатель ещё узнает, для чего эта история рассказана».

Вскоре у мадам д#Онуа появились бессовестные конкуренты – отец Шарль Перро и сын Пьер Перро. Кто из них написал книгу сказок, точно не известно. Скорее всего, Пьер Перро, а отец только опекал юношу. Однако в мире прославился именно Шарль Перро – предполагаемый автор книги «Сказки матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времён с поучениями». Поскольку вышедшая в 1697 г. книга предназначалась взрослым, она была длинной и нудной, но одновременно кровавой и жуткой, а потому разом оттеснила любовный лепет сказки баронессы д#Онуа. Правда, мадам не пожелала сдаваться и в том же 1697 г. издала сразу четыре тома «Волшебных сказок»! На этом соперничество закончилось – лирично настроенная дама сдалась перед кровожадным семейством Перро.

Со времени соперничества мадам д#Онуа и семейства Перро сочинительство сказок вошло в моду. Витийствовали преимущественно стареющие графинюшки, причём их сказки более походили на зачитанные до дыр рыцарские романы а-ля Алиенора Аквитанская с её куртуазной любовью – с культом восхитительной дамы и благородством покорённого её красотами героя. В таком виде пришли сказки из Франции в Россию времён императрицы Елизаветы Петровны. И именно в таком виде и понимании жанра сказки собраны они в представленном здесь десяти томике XVIII в. В.А. Левшина и М.Д. Чулкова «Русские сказки, содержащие древнейшие сказания о славных богатырях, сказки народные и прочие, оставшиеся через пересказывание в памяти приключения».

Необходимо дать ещё одно упреждающее уточнение. Несмотря на название, и Левшин, и Чулков преимущественно перерабатывали французские сказки, давая героям русские имена. Кое-что досочиняли сами. Так поступали авторы многих стран и народов того времени. Подлинное собрание народных сказок началось по всем европейским странам (включая Россию) только после первого издания двухтомного сборника «Детские и семейные сказки» немецких фольклористов братьев Якоба и Вильгельма Гримм. Книга была издана соответственно первый том в 1812 г., а второй том – в 1815 г. Именно это собрание можно считать началом мировой литературы для детей. Что касается истинно народных русских сказок, то собрание сказок В.А. Левшина и М.Д. Чулкова явно имеет весьма отдалённое к ним отношение. Сбирать и публиковать русские народные сказки фольклористы начали лишь в 1830-х гг.

Так для кого же были предназначены сказки в XVIII – начале XIX вв.?

Ответ дал А.С. Пушкин в первых же строках поэмы «Руслан и Людмила»:

Для вас, души моей царицы,
Красавицы, для вас одних
Времён минувших небылицы,
В часы досугов золотых,
Под шёпот старины болтливой,
Рукою верной я писал;
Примите ж вы мой труд игривый!
Ничьих не требуя похвал,
Счастлив уж я надеждой сладкой,
Что дева с трепетом любви
Посмотрит, может быть украдкой,
На песни грешные мои.

Итак, сказки сочинялись и записывались преимущественно для богатых девиц на выданье, развлекавшихся чтением томящих душу книжек в ожидании грядущих женихов. Они были главными потребительницами художественной литературы тех времён. Ну и страшные сказки оставались любимым чтением для дворян, жаждавших лишний раз пощекотать себе

нервы. Научившиеся грамоте дети лезли в книжки сказок примерно так же, как в наши дни лезут они смотреть припрятанную кем-нибудь из родителей порнушку.

Необходимо учитывать, что женщины (особенно девицы) рассматривались в XVIII в. как слабый во всех отношениях пол, т. е. как люди неполноценные и в умственном, и в физическом отношении. Так что не удивительно, что сочинение и записывание сказок считалось тогда делом легкомысленным и малоуважаемым, хотя в нашей России сочинительством их развлекалась даже императрица Екатерина II. Правда, делала она это под благородным предлогом – привлекать к русскому языку офранцузившихся аристократок придворного общества, поскольку раздражённые угрозы пороть на конюшне за незнание родной речи помогали мало.

Следует признать, что слову дано уникальное свойство – недоступным уму образом хранить в себе время и его скорость. А поскольку время постоянно ускоряется, записанное слово начинает отставать, и проявляется это заскучивании рассказа. То, что виделось быстрым и увлекательным современникам, через сто лет представляется нудным, затянутым, излишне сентиментальным. Не лишены этого недостатка и книги В.А. Левшина и М.Д. Чулкова. За почти 250 лет они настолько отстали от новых эпох, что нынешний публикатор собрания решился представить их в авторской адаптации современного автора – Леонида Ивановича Моргуна. Насколько удачной получилась данная версия сказок, судить читателям.

Виктор Ерёмин

Коротко об авторах

Чулков, Михаил Дмитриевич (1740–1793) – замечательный русский литератор. О жизни его сохранились чрезвычайно скудные сведения. В предисловии ко 2-му изданию его "Записок экономических" сказано, что он "в младенчестве обучался в Московском университете и, изучив одно токмо начальное основание словесных наук, взят был из оного с прочими по именному указу и определен на службу". К этим данным можно прибавить только то, что в 1790 г. Чулков был надворным советником и секретарем сената. С ранней молодости он отличался необыкновенной любовью к литературе и "писал почти беспрестанно сочинения всякого рода". Чулков был одним из самых плодовитых и разносторонних писателей XVIII в., и небесталанным. Митрополит Евгений свидетельствует, что Чулков "около 20 лет возраста своего (следовательно, в 1760 г.) отличал уже себя многими изрядными стихотворениями и романами". Первые опыты Чулкова остаются для нас неизвестными; знаем только, что в 1767 г. он издал "Краткий мифологический лексикон", да, по Сопикову, в 1766-68 гг. выпустил в 4 частях "Пересмешник, или Славянские сказки" (Евгений указывает только одно второе издание, 1783-89 гг.). В первом периоде своей деятельности Чулков чувствовал склонность к беллетристике и сатире. В эпоху сатирических журналов Чулков издавал два небольших сатирических журнала: "И то, и Сё" (1769 г.) и "Парнасский Щепетильник" (1770 г.), в которых немало следов полемической борьбы с литературными противниками: особенным его нападкам подверглись романист Ф. А. Эмин и В. И. Майков. Их осмеял он и в сатирической поэме "Плачевное падение стихотворцев" (впоследствии эта поэма вышла отдельной книгой, в СПб., без обозначения года, вместе со стихами на качели, на семик и на масленицу). В период увлечения сатирой Чулков издал первую (больше не было) часть необыкновенно популярного у наших предков романа "Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины" (ч. I, СПб., 1770). По своей внешней фабуле он является сколком с французских романов приключений; типы, выводимые в романе (ухаживатель Ахаль, Светон, секретарь), часто встречаются в сатирических журналах. Надо предположить, что обстановка жизни Чулкова содействовала возникновению в нем склонности изучать песни, сказки, обряды и суеверия народные. В его журналах заслуживают внимания и стиль, по изобилию пословиц и поговорок приближающийся к народному, и нередкие этнографические заметки, и народные песни. После издания журналов Чулков обращается к большому сводным трудам этнографического характера. Первым таким трудом было "Собрание разных песен". Мы знаем, что первые две части этого собрания были напечатаны по распоряжению императрицы Екатерины II и были готовы в 1776 г. (приводимое всюду указание на то, что собрание песен Чулкова в 4-х частях было напечатано в 1770-75 гг., неверно, ибо 19 июля 1776 г. Чулков ходатайствовал о разрешении императрицы печатать и остальные части сборника; см. "Архив дирекции Императорских театров", отд. II, стр. 101, СПб., 1892). Первое издание песен, сделанное Чулковым при сотрудничестве Михаила Попова, в настоящее время не находимо и мы знаем о нем только по последующим. Второе издание было сделано Н. И. Новиковым в 1780-81 гг.; оно было дополнено двумя частями и в литературе известно как "Новиковский песенник" ("Новое и полное собрание российских песен, содержащее в себе песни любовные, пастушеские, шуточные, простонародные, хоральные, свадебные, святочные, с присовокуплением песен из разных российских опер и комедий"; впоследствии издание повторялось). Чулков заносил в свое собрание не только народные песни, которые, можно догадываться, он не записывал со слов, а списывал с тетрадей грамотеев, но и модные романсы современных ему авторов и арии из комических опер. Значение сборника Ч. велико: до него не появлялось такого богатства народных песен, и он первый стал печатать песни без изменений и поправок стиля. В истории изучения русской народности Чулкову

принадлежит почетное место. Собираение песен современникам его казалось по меньшей мере делом совершенно излишним, если не вредным: даже митрополит Платон отозвался о песнях, переизданных Н. И. Новиковым, как "о сумнительных". В 1780 г. Чулков приступил к новому этнографическому собранию, значительно низшему по своей научной ценности. В 1780-83 гг. в университетской типографии у Новикова были отпечатаны в 10 частях "Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся через пересказывание в памяти приключения". Чулков отличался большой любовью к памятникам народного творчества, но не обладал этнографическим пониманием, которое, впрочем, в то время еще и не привилось; он считал вполне возможным обращаться с былинами и народными рассказами по своему усмотрению. Ни одна из тех повестей, "которые рассказываются в харчевне", не занесена им в подлинном виде: он изменял, переделывал, дополнял их по рыцарским романам, по изданиям "Bibliothèque bleue". В 1782 г. вышел его "Словарь русских суеверий", который был переиздан в 1786 г.; под заглавием: "Абевега русских суеверий, идолопоклонничества, жертвоприношений, свадебных, простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч.". Для своего времени это был замечательный этнографический труд, которым в наше время находил возможным пользоваться А. Н. Афанасьев, в своих "Поэтических воззрениях славян на природу". От занятий этнографией Чулков перешел к занятиям историей промышленности и юриспруденцией. Труды Чулкова по истории торговли до сих пор совершенно не оценены. Им написано и по повелению императрицы за счет ее кабинета издано огромное "Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до настоящего и всех преимуществ, узаконений и т. д.". (М., 1781–1788, 7 частей, в 21 томе; величайшая библиографическая редкость). Труд Чулкова основан на изучении архивных материалов и для истории нашего торгового законодательства имеет важное значение. В 1788 г. появилось извлечение из этого труда: "Краткая история российской торговли" (М.). Из "Описания" же извлечены "Словарь учрежденных в России ярмарок, изданный для обращения в торговле" (М., 1788) и "Наставление необходимо нужное для купцов, а особливо для молодых людей" (М., 1788). К области практической экономии относятся "Записки экономические для всегдашнего исполнения в деревнях прикащику и рачительному эконому" (М., 1788; 2-е изд., 1790). Чулкову одному из первых пришла в голову мысль популяризовать русские законы и издать справочную юридическую книжку. В 1791–1792 гг. вышел в 5 книгах его "Словарь юридический или свод российских узаконений, временных учреждений суда и расправы". В первой части узаконения были расположены в азбучном порядке, во второй – в хронологическом, с Уложения по 1790 г. (первая часть была переиздана в Новгороде в 1796 г.). Затем Чулковым был начат "Сельский лечебник, или Словарь врачевания болезней, бывающих в роде человеческого, в роде скотском и птиц домашних" (при жизни автора вышло в Москве, в 1789-90 гг., 4 части; после его смерти, в 1803 г., вышла 5-я). Остальные напечатанные труды Чулкова: "Похождение Ахиллесово под именем Пирра до осады Троянской" (СПб., 1709; 2-е изд., М., 1788, по Сопикову); "Оберон, поэма Виланда в 14 песнях" (перевод с немецкого, М., 1787); "Переложение в стихах прозаического с французского перевода писем Петрарки к любнице его Лори" (указание самого Чулкова; по росписи Сопикова эта книга неизвестна). В рукописях остались многие сочинения Чулкова, как проект вечного мира, примечания об экономических крестьянах, проект о заведении купеческого банка, словарь русского языка, словарь земледелия, скотоводства и домостроительства, поэма в девяти песнях о Самозванце Гришке Отрепьеве и др. Добавим еще сообщение Чулкова о том, что его комедия, до нас не дошедшая, под заглавием: "Как хочешь, назови", представлялась неоднократно в придворном театре в С.-Петербурге. Общей оценки деятельности Чулкова не существует; он был в своем роде Ломоносовым, конечно, меньших размеров. Его труды энциклопедического характера принесли большую пользу русскому обществу; труды по истории русской тор-

говли составляют солидное ученое исследование; этнографические его своды сыграли большую роль в истории изучения русской народности.

Биографические сведения о Чулкове см.: Новиков, "Опыт исторического словаря" (перепечатан в книге П. А. Ефремова, "Материалы по русской литературе"); предисловие при 2-м изд. "Экономических Записок" (М., 1791; перепечатано Забелиным в "Летописях русской литературы и древности", т. I, М., 1859, стр. 198–200); заметка А. Фомина, "К биографии Чулкова" ("Книговедение", 1894, N 7–8, стр. 16); "Словарь" митрополита Евгения (1845, ч. 2-я; перепечатано в "Русской поэзии" Венгерова, вып. V, стр. 872; здесь же перепечатка отзыва А. Н. Пыпина о Чулкове; примечания историко-литературные и библиографические А. Лященко, вып. VI, стр. 408); заметка в "Историческом Вестнике" (декабрь 1893). Оценка этнографических трудов Ч. у А. Н. Пыпина в "Истории русской этнографии" (т. I, стр. 65–69). Данные о Ч. разбросаны у Афанасьева, "Русские сатирические журналы" (стр. 7-10, 258 и др.); у Галахова, в "Исторической хрестоматии" и "Истории русской словесности"; у Булича, "Сумароков и современная ему критика" (стр. 269, 272). См. также Лонгинов, "Библиографические Записки" ("Современник", 1856, июль, N 8, стр. 19); его же заметку ("Русский Архив", 1870, стр. 1348; к ней дополнение, там же, стр. 1935); М. А. Дмитриев, "Мелочи из запаса моей памяти" (стр. 9, 28); Батюшков, "Сочинения", изд. Л. Майкова (т. II, стр. 398); Державин, "Сочинения", изд. Грота (т. II, 214; III, 117, 119; IV, 49, 746). Библиографические указания о сочинениях Ч. см. у Губерти (т. I, N166; т. II, N 27, 129), у Остроглазова (NN 196, 264, 291), у Бурцева. В новейшее время перепечатаны: "Плачевное падение стихотворцев", в "Русской поэзии" Венгерова (вып. V), и "Пригожая Повариха", в "Обстоятельном библиографическом описании" Бурцева (т. V, СПб., 1901, стр. 156 и сл.). Портрет – у Ровинского, "Словарь" (т. III).

П. Щеголев. 1903 г.

Левшин, Василий Алексеевич (1746–1826), статский советник, тульский помещик, член Вольно-экономического общества; родился 6 августа 1746 г., умер в Белеве 29 июля 1826 г. На службу поступил в 1765 г. в Новотроицкий кирасирский полк, с которым участвовал в первой турецкой кампании. Дослужив до чина поручика, он покинул военную службу и перешел на гражданскую, будучи, избран судьей в г. Белев. В 1803 г. он был назначен по особым поручениям к статс-секретарю А. А. Витовтову. В 1818 году Левшин вышел в отставку с чином статского советника.

Левшин с ранних лет имел склонность к наукам, в особенности экономическим, которая не покидала его и на старости лет. Литературная деятельность его носит главным образом переводной характер, но кроме переводов им были изданы и оригинальные произведения по самым разнообразным отраслям знания. Им написано также довольно много драматических произведений, из которых некоторые в свое время ставились в тогдашних театрах. Много его статей по самым разнообразным вопросам – агрономическим, экономическим, физическим и др. помещены в Трудах Вольно-экономического общества, в издававшемся в Москве "Экономическом Магазине" и других журналах того времени. По своей литературной деятельности Левшин познакомился и с другими литераторами; между прочим он был знаком с А. Т. Болотовым, с которым состоял в дружественной переписке, с Новиковым, по поручению которого переводил многие произведения, с Карамзиным, Ключаревым и другими литераторами того времени. В свое время, как литератор и переводчик, он пользовался известностью и отличался удивительным трудолюбием. Всех его сочинений как оригинальных, так и переводных по экономическим, физическим, романическим и религиозно-нравственным отделам литературы считается около 90. За свои многочисленные переводные и оригинальные труды он был избран членом многих русских и иностранных обществ, как-то: С.-Петербургского вольно-экономического (1791 г.), С.-Петер-

бургского филантропического (1804 г.), Общества испытателей природы, основанного при Московском университете (1808 г.), С.-Петербургского вольного общества любителей словесности, науки и художеств (1818 г.), Московского общества сельского хозяйства (1821 г.), Королевского Саксонского экономического общества (1795 г.) и Неаполитанской академии наук (1807 г.). Кроме того, за те же труды он был награжден орденом Анны 2-й ст. и Владимира 4-й ст., получил от государя 5 бриллиантовых перстней, а от экономического общества за решение задач 17 медалей золотых и 4 серебряных.

Из его сочинений и переводов известны следующие: "Визири, или Очарованный лавиринф", повесть восточная, 3 ч., перев. с немец., М., 1779–1780 г.; "Утренники влюбленного", М., 1779 г.; "Библиотека немецких романов", перев. с немец., 3 ч., М., 1780 г.; "Нравоучительные повести из записок девицы Унси" ("Городская и деревенская библиотека", 1785 г., X); "Дворянин-слуга и барышня-служанка" (там же, 1786 г., XII); "Мегмет Али", повесть турецкая, перев. с франц. (там же, 1786 г., XII); "Траян и Лида", трагедия в 5 д. в стихах, СПб., 1780 г.; "Фраскатанка", шутилая музыкальная драма в 3-х д.; с итальянского, СПб., 1780 г.; "Гаррик, или Английский король, сочинение, содержащее в себе примечания на драмы и проч., с историко-критическими замечаниями и анекдотами на лондонские и парижские театры", М., 1781 г.; "Идиллии и пастушеские поэмы Геснера", с немец., М., 1787 г.; "Торжество любви", драма в 3-х д., М., 1787 г.; "Приключения графов Ромфельдов" ("Городская и деревенская библиотека", 1786 г., XII); "Вечерние часы или древние сказки славян древлянских", в 6 ч., М., 1787 г. Соч. Чулкова (псевдоним Л.); "Зеркало для всех, или Забавная повесть о древних авдеранцах, в которых всяк знакомых без колдовства увидеть может", 2 ч., Калуга, 1795 г.; "Наида", сказка гр. Гамильтона, перев. с франц., СПб., без года; "Предопределение человека" – из сочинения Спальдинга, перев., М., 1779 г.; "Димитрия Кантемира, бывшего князя в Молдавии, историческое, географическое и политическое описание Молдавии, с жизнью сочинителя", перев. с немец., М., 1789 г.; "Полное наставление о строении всякого рода мельниц водяных, ветряных, паровых, также скотскими и человеческими силами в действие приводимых, по которому каждый может оные устраивать". Собрал В. Л., 2 ч., М., 1817 г.; "Полное наставление, на гидростатических правилах основанное, о строении мельниц каждого рода: водяных, также ветром, горячими парами, скотскими и человеческими силами в действие приводимых, по которым каждый хозяин может производить"; перев. с немец., 6 ч., М., 1810–1811 г.; "Естественная история для малолетних детей" Георга Раффа, перев. с немец., изд. I и II, СПб., 1785 и 1796 гг.; "Пансальвин, князь тьмы. Быль? Не быль? Однако ж и не сказка". Перевод с немецкого, М., 1809 г. Автором этой книги считают Альбрехта, который написал ее в угоду П. А. Зубову; на немецком языке она появилась в 1794 году. В ней под вымышленными именами выведены кн. Потемкин, императрица Екатерина II, графиня Брюс, граф Орлов, гр. Н. И. Панин, граф Румянцев и др.; "Историческое сказание о выезде, военных подвигах и родословии благородных дворян Левшиных", М., 1812 г. Почти все экземпляры этой книги сгорели в 1812 году во время исторического московского пожара; уцелели лишь единичные экземпляры; упоминается только в каталоге Чертковской библ. и у Сопикова; "Словарь ручной натуральной истории, содержащий историю, описание и главнейшие свойства животных, растений и минералов". Перевод с франц., 2 ч., М., 1788 г.; "Чудеса природы, или Собрание необыкновенных и примечания достойных явлений в целом мире тел, азбучным порядком расположенное", сочинение Сиге де ла Фона; перев. с немец., 2 ч., М., изд. I – 1788 г. и изд. II – 4 ч., 1822–1823 гг.; "Врач деревенский, или Благонадежное средство лечить самого себя, также свое семейство, своих подчиненных и домашний скот лекарствами самыми простыми и наскоро составленными". Перев. с франц., М., 1811 г.; "Новейший и полный конский врач, содержащий в себе: руководство коновалам ла Фоссово, вновь исправленного русского коновала Эвестова, выписки рецептов из сочинений других авторов и проч.". Составил и издал В. Л., 5 ч., СПб., 1819–1820 гг.;

"Псовый охотник, или Основательное и полное наставление о заведении всякого рода охотничьих собак вообще и особенно: о выдержании и обучении оных, о корме их, о болезнях, лекарствах и предохранительных средствах от оных и проч.", 2 ч., М., 1810 г.; "Карманная книжка для скотоводства, содержащая в себе: опытные наставления для содержания разных домашних животных, воспитания оных и лечения их обыкновеннейших болезней простыми домашними средствами". Издал В. Л., М., 1817 г.; "Садоводство полное, собранное с опытов из лучших писателей о сем предмете", 4 ч., М., 1805–1808 г.; "Опытный садовник, или Замечания для жителей южных стран России о садоводстве и прочем для них полезном, с присовокуплением выписки из Шапталева сочинения об искусстве выделывания, сберегания и усовершенствования виноградных вин". Издал В. Л., СПб., 1817 г.; "Цветоводство подробное, или Флора русская для охотников до цветоводства, или Описание донныне известных цветов всякого рода, с подробным наставлением для разведения и содержания оных, как выдерживающих нашу зиму на открытом воздухе долговечных и однолетних домашних, так и иностранных". Собрал В. Л., М., 1826 г.; "Огородник, удовлетворяющий всем требованиям, до сего относящимся, с приложением: подробного описания всех огородных растений, с их отродиями, признаками, их врачебными силами, и наставления, как должно оных разводить и содержать", М., 1817 г.; "Календарь поваренного огорода, содержащий в себе подробное наставление для содержания и произращения всех родов огородных овощей, кореньев и трав", М., 1810 г.; "Всеобщее и полное домоводство, в котором ясно, кратко и подробно показываются способы сохранять и приумножать всякого рода имущества, с показанием сил обыкновеннейших трав и домашней аптеки, и проч.". С франц., 12 ч., М., 1795 г.; "Управитель, или Практическое наставление во всех частях сельского хозяйства". Перев. с немец., 6 частей, Москва, 1809–1810 г.; "Ручная книга сельского хозяйства для всех состояний". Перев. с немец., 8 частей, М., 1802–1804 г.; "Полная хозяйственная книга, относящаяся до внутреннего домоводства как городских, так и деревенских жителей, хозяев и хозяек", 10 ч., М., 1813–1815 гг.; "Хозяин и хозяйка, или Должности господина и госпожи во всех видах и всех частях, до домоводства относящихся", соч. Христиана Гермесгаузена; перев. с немец., 16 ч., М., 1789 г.; "Повар королевский, или Новая поварня, приспешная и кондитерская для всех состояний, с показанием сервирования стола от 20 до 60 и больше блюд и наставлением для приготовления разных снедей". Перев. с франц. В. Л., а часть 4-я – его сочинение, 4 ч., М., 1816 г.; "Полный винокур и дистиллятор, или Обстоятельное наставление к выгонению вина и деланию разных водок, разных ликеров, вод и и проч.", соч. Филиппа Врейтенбаха, с присовокуплением сочинения Эйтельвейна. Перев. с немец., 4 ч., М., 1804–1805 г.; "Экономический и технологический магазин для художников, заводчиков, фабрикантов, мануфактуристов и ремесленников; также для городских и сельских хозяев и хозяек, любителей садов, цветоводства и проч.", 8 ч., М., 1814–1815 гг.; "Русский полный фабрикант и мануфактурист", 3 ч., М., 1812 г.; "Красильщик, или Обстоятельное наставление в искусстве крашения сукон, разных шерстяных, шелковых, хлопчатобумажных и льняных тканей, пряжи и проч.", 4 ч., М., 1819 г.; "Красочный фабрикант, или Наставление для составления всякого рода красок, служащих для разной живописи, разного рода украшения и расписывания на масле и других веществах", М., 1824 г.; "Совершенный егерь, или Знание о всех принадлежностях к ружейной и прочей полевой охоте, с приложением полного описания о свойстве, виде и расположении всех обитающих в Российской Империи зверей и птиц". Перев. с немец., 3 ч., СПб., 1779 г.; "Книга для охотников до звериной, птичьей и рыбной ловли, также до ружейной стрельбы", 4 ч., М., 1810–1814 гг.; "Загадки, служащие для невинного разделения праздного времени", М., 1773 г.; "Словарь натурального волшебства, в котором много полезного и приятного из естественной истории, естественной науки и магии азбучным порядком предложено". Перев. с немец., 2 ч., М., 1795 г.; "Словарь коммерческий, содержащий: познание о товарах всех стран, названиях вещей главных и новейших,

относящихся до коммерции, также до домостроительства; познание художеств, рукоделий, фабрик, рудных дел, красок, пряных зелий, трав, дорогих камней и проч.", перев. с франц. В. Л., М., 1787–1792 гг.; "Поваренный календарь, или Самоучитель поваренного искусства, содержащий наставление к приготовлению снедей на каждый день в году, для стола домашнего и гостиного", 6 ч., СПб., 1808 г.; "Труды Василия Левшина", 2 ч., М., 1796 г.; "Труды Василия Левшина и Ивана Фр. Керцелия на 1793 г.", Калуга, 1793 г.; "Гарстлей и Флоринчи", драма в 5 д., М., 1787 г.; "Жизнь князя Потемкина", 2 ч., СПб., 1811 г.; "Собрание писем и анекдотов, относящихся до жизни графа Суворова", М., 1809 г.; "Жизнь графа Шереметева", СПб., 1808 г.; "Жизнь Нельсона", соч. Вуейта, с немец., 2 ч., СПб., 1807 г.; "Послание русского к французолюбцам вместо подарка на новый 1807 г.", СПб.; "Слуга двух господ", ком. с франц., СПб., 1805 г.; "Граф Вольтрон", ком. Коцебу, М., 1803 г.; "Ода императору Александру на день коронования", М., 1801 г.; "Открытые тайны древних магов и чародеев, или Волшебные силы природы, в пользу и увеселение употребленные" Галле; с немец., 6 ч., М., 1798–1804 гг.; "Кто старое помянет, тому глаз вон", ком. в 3-х д., М., 1791 г.; "Сильван", лирическая ком. в 1 д., с франц., М., 1788 г.; "Юлия", лирическая ком. (Монвиля), с франц., М., 1789 г.; "Беглец", драма Седена, с франц., Калуга, 1793 г.; "Король на охоте", комическая опера в 3 д., Калуга, 1793 г.; "Свадьба г-на Волдырева", комическая опера в 1 д., Калуга, 1793 г.; "Своя ноша не тянет", комическая опера в 2 д., Калуга, 1794 г.; "Мнимые вдовцы", комическая опера в 3 д., Калуга, 1794 г.; "Обрадованная Калуга и Тула, на случай прибытия его высокопревосходительства Евгения Петровича Кашкина, 1793 г. в декабре", пролог, 1794 г. и "Основания сельского хозяйства" А. Таера, 2 ч., М., 1828 г.

Евгений, митроп., "Словарь русских светских писателей", ч. 2, стр. 5–6. – "Роспись российским книгам для чтения из библиотеки А. Смирдина". – Геннади, "Справочный словарь о русских писателях и ученых", стр. 224–227. – "Северная Пчела", 1826 г., № 106. – "Москвитянин", 1843 г., № 5.

Русский биографический словарь А. А. Половцова

М. Д. Чулков
РУСКІЯ СКАЗКИ,

МММ
СОДЕРЖАЩІЯ

Книга
Древнѣйшія Повѣствованія о слав-
ныхъ Богатыряхъ Сказки народ-
ныя, и прочія оспавшіяся чрезъ
пересказываніе въ памяти
Приключенія.

И. А. А.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

М. М. М.



ВЪ МОСКВѢ,

**ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова, 1780 года.**

Часть первая. Сказки богатырские

Известие

Издать в свет книгу, содержащую в себе отчасти песнопения, которые распевают в каждой харчевне, кажется, был бы труд довольно суетный, но я надеюсь найти себе оправдание в нижеследующем.

Романы и сказки были во все времена и у всех народов, и они оставили нам старейшие сочинения древних людей и древних обрядов каждой страны, и потому удостоились быть запечатлены на письме, а в новейшие времена просвещенные народы почтили их собранием и опубликовали их.

Помещенные в Парижской Всеобщей Библиотеке романов повести о рыцарях, есть ни что иное, как богатырские сказки, и французская *Bibliothèque Bleue*, содержит сказки, которые у нас рассказывают в простом народе. С 1778 г. в Берлине также издается «Вивлиофика»¹ романов, содержащая между прочим два отделения: «Романы древних немецких рыцарей» и «Романы народные». Россия также имеет свои романы, но они хранятся в памяти. Я решил не подражать издателям, прежде меня начавшим издавать подобные предания, и издаю эти Русские сказки с намерением сохранить эти народные древности и поощрить людей, имеющих время собрать всё их множество, чтобы собрать Библиотеку русских романов.

Надо полагать, что все имеющиеся приключения русских богатырей имеют по себе отчасти дела бывшие, и если вовсе не верить им, то можно усомниться и во всей древней истории, которая по большей части основана на сохранившихся в народной памяти сказках. Впрочем, читатели, если захотят, могут отличить истину от легенды, свойственной по древнему обыкновению песнопениям, в чем однако еще никто не преуспел.

Наконец, к удовольствию любителей сказок, включил я сюда таковые, которых никто еще не слыхивал, и которые вышли в свет впервые в этой книге.

¹ «Вивлиофика» – библиотека.

Вступление

Мы опоздали научиться грамоте и потому лишились сведений о славнейших наших русских героях древности, которым надлежит быть в народе прославившимся в свете своей храбростью. Их подвиги состояли в основном в оружии и в их завоеваниях. Насилие времени истребило их из памяти, так что нам не осталось известий иных, кроме как из времён Великого князя Владимира Святославича князя Киевского и всея Руси. Монарх этот, устрашивший греков и варваров великолепием своего двора, расточительством огромных сокровищ на великолепные народные и государственные здания, на привлечение к своему двору великих ученых мужей и храбрых могучих богатырей, которых он не забывал награждать за их заслуги. Такая щедрость возвеличила славу его: со всех сторон стекались к нему богатыри со всех стран Славенских. Войска его стали непобедимы, и войны, которые он вёл, были ужасны для врагов, поскольку служили у него и сражались под его знамёнами великие богатыри: Добрыня Никитич, Алёша Попович, Чурило Пленкович, Илья Муромец и дворянин Заолешанин. С их-то помощью побеждал князь греков, поляков, ятвягов, косоогов, болгаров, радимичей и херсонян.

Ну и удивительно ли мудрому государю, имеющему таких богатырей, покорять различные великие народы, хотя бы прежде некоторые из них и весь мир бы завоёвывали? Ибо в старину сражались не по нынешнему – тогда было довольно одной силы и бодрости духа. Придёт ли войско неприятеля численностью от двухсот до трёхсот тысяч, и всякий монарх не имеющий такого же числа рати, вынужден был откупаться от неприятеля золотом, либо покоряться ему.

Но не так было с Владимиром – он посылал навстречу врагу одного лишь богатыря, и – горе, горе наступающим! – «Не вихри, не ветры в полях подымаются, не буйные крутят пыль чёрную: выезжает то сильный могучий богатырь Добрыня Никитич (или иной кто-нибудь) на своём коне богатырском, с одним только своим Таропом-служгой².

На самом на нём доспехи ратные, позлащённые, на бедре его висит меч-кладенец в полтора пуда, в правой руке копьё булатное³, на коне сбруя «красна золота», на руке висит шелковая плеть «того ли шелку Шемаханского». Он, завидев силу поганую⁴, покрикивает богатырским голосом, посвистывает молодецким посвистом, от того сыр-бор преклоняется и лист с деревес опускается. Он бьёт коня по крутым бедрам, богатырский конь разъяряется, мечет из-под копыт по сенной копне, бежит в поля – земля дрожит, изо рта пламя пышет, из ноздрей – дым столбом. Богатырь гонит силу поганую, где конём свернёт, там улица, где копьём махнёт – нету тысячи, а мечом хватит – гибнет тьма людей.

Поэтому нет ни чего удивительного в том, что из множества великих народов, некогда наступавших на Россию не осталось ни единой живой души. Подобной несчетной силы, с какой в старину наступали цари Персидские наступали на Грецию, мало было бы, чтобы управиться с нею одному богатырю. Не нужно было храбрым грекам терять жизни свои, защищая Фермопилы, довольно было бы послать одного Чурилу Пленковича, и он, заслонив тот узкий путь своим щитом, поморил бы всех с досады, ибо сломить его было бы невозможно. Жаль, что Александр убрался со свету заблаговременно, – не нужно было бы ему упиваться вином до смерти – было бы и без того кому унять его проказы. Послать бы лишь

² Из этого видно что в старину повсюду господствовал вкус странствующих рыцарей, и слуги богатырские ничего не значили, кроме конюших и оруженосцев, каковые бывали и у рыцарей галльских или немецких. (Прим. автора.).

³ Русские богатыри почитали за стыд сражаться чем-либо, кроме ручного оружия, ибо убивать пращей или стрелой не вменяли в приличное человеку храброму, а потому луков не заводили, таковыми пользовались лишь их слуги. (Прим. автора.).

⁴ Россияне всех некрещеных называли «чудью поганой». (Прим. автора.).

к нему Илью Муромца, тот бы на коне своём поспел бы дней за пять в Индию⁵, догнал бы его за Гангом и, приторочив к седлу своему, как славного Соловья-Разбойника, привез бы его в славный Киев-град, где заставил бы его сухари толочь.

Из всего сказанного очевидно, что Владимиру вовсе не было нужды содержать миллионное войско, кроме как для монаршего великолепия; ведь со своими богатырями он легко мог бы завоевать весь свет, если бы его от этого не удерживала врождённая добродетель.

Но поскольку не в одной Русской земле водились в те времена сильные богатыри, то и хлопот нашему князю от них было предостаточно. Однако от них он избавился благодаря своей удалой дружине, как вы увидите из дальнейших повестей о его славных богатырях, сокрушивших всех Исполинов, Полканов и прочих чуждых русскому духу богатырей того времени⁶.

⁵ Илья Муромец происходил от простых родителей; был уроженцем города Муром и до 20 лет не владел ногами. По особому приключению получил он вдруг и ноги и невообразимую силу. Купил он шелудивого жеребёнка, вывалял его в тридцати утренних росах и учинил конём богатырским. На этом коне отправился он в Киев, служить Великому князю Киевскому, и поспел из Мурома в Киев между заутреней и обедней. Во время этого пути, который продолжался непроходимыми лесами, он победил славного Соловья Разбойника. Прозвище своё он получил по чрезмерно громкому свисту, от которого ни один не человек не в силах был устоять на ногах. Он опустошил многие страны, но этот свист не помог ему против Ильи Муромца: тот сбил его с ног одним ударом плети, и приторочив в седлу, привёз его в Киев. А затем на глазах у князя и убил его одной пощёчиной. (*Прим. автора.*)

⁶ В продолжении этих повестей все места, отмеченные этими знаками будут содержать точные слова древнего слога российских поэм или богатырских сказок, поскольку я, ради гладкости чтения, вынужден был большей частью переложить их на нынешнее наречие. (*Прим. автора.*)

Богатырские сказки

Повесть о славном князе Владимире Киевском Солнышке Всеславьевиче и о его сильном могучем богатыре Добрыне Никитиче

Во времена своего неверия Владимир имел множество жен, среди них болгарыню по имени Милолика. То была женщина чрезвычайной красоты, как можно судить из её описания, поскольку пишут о ней, что она имела «брови собольи, походку павлиную, а грудь лебединую и проч.», – довольно будет сказать, что не было её краше во всей Русской земле, и во всей колеснице поднебесной, а следовательно, и не было никого возлюбленнее, чем она для её царственного супруга. Она была взята в плен волжскими разбойниками вблизи своей столицы, города Богорода, вместе со своими мамками, няньками и санными девушками и ради её великой красоты была доставлена к Владимиру, который с первого взгляда был настолько поражен её прелестями, что предпочёл её всем прочим своим жёнам и освободил всех 800 наложниц, заключенным ради него в Вышграде, чем и завоевал сердце этой гордой красавицы.

Дни супругов текли в совершенной радости, и завоёванные войском победы приносили им несметные богатства, мир умножал изобилие, а подданные любили своего государя, который в ответ обращал на них свои внимание и милость. Так и должно было быть, ибо покой души его происходил от сердца, удовлетворенного любовью. С этого обстоятельства и начинается наша повесть.

Однажды Владимир сидел в своих златоверхих теремах со своей супругой Милоликой и своими боярами, за дубовыми столами, за убранными скатертями, за сахарными яствами, ибо день тот был праздничным и вспоминался в честь славной победы над греками. Внезапно послышался тревожный звук ратного рога. Великий князь опечалился, сложил руки на груди, и задумался. От этого и все бояре его приуныли и буйны головы повесили. Один лишь Святоряд, воевода Киевский, сидел не унывая. Вот он встаёт, выходит из-за стола дубового, не допив чары зелена вина, не доев куска сахарного. Он подходит к князю Владимиру, склоняет чело до полу и говорит бодрым голосом: «Ты гой еси, Владимир князь Киевское Солнышко Всеславьевич! Не прикажи казнить, рубить, прикажи слово вымолвить. От чего ты, государь, прикручинился? О чем ты так запечалился? Пусть даже пришла чудь поганая под твой славный Киев-град – разве у тебя нет сильной рати? Прикажи, государь, послать проведать, кто смеет наступать на землю Русскую?»

На эту речь князь Владимир отвечал и лёгкой улыбкой: «Благодарю тебя за твоё обо мне усердие. Однако опечалился я не от ужаса: побивал я и войска сильные, разорял и города крепкие, и не один царь пал от рук моих. Мне самому война уже наскучила, жаль мне вас, моих подданных, хотел я прожить с вами мирный век, не хотел я лишь крови человеческой. Но раз уж так учинилось, пошлите двух сильных витязей проведать кто осмелился встать перед Киевом. Кто посмел трубить в боевой рог перед князем Владимиром? Не в бой ли он меня зовёт или просто тешится?»

Святоряд откланялся, вышел из терема златоверхого на красное крыльцо и призвал из дворца государева славных витязей. Из собравшихся он выбрал двоих, которые пришлись ему по сердцу и послал их сказать слово княжье.

Славные витязи надели сбрую ратную, сели на добрых коней и выехали в чистое поле. Но там они не увидели ни силы ратные, ни войска великого, а увидели они лишь один белый

шатёр. Подъезжают они к тому белому шатру и видят коня богатырского роста необъятного. Конь же, завидя их, перестал есть пшеницу белую-ярую⁷, начал бить копытом во сыру землю, и заговорил человеческим голосом: «Встань, пробудись, сильный могучий богатырь, Тугарин Змеевич! К тебе идут послы из града Киева».

Посланные изумились, видя такие странности, но еще более удивились, заслышав пробуждение самого богатыря, ибо чих его уподобился бурному дыханию. Шатёр заколебался и из него показался исполин чрезвычайного роста. Голова его была с пивной котёл, а глаза – с пивные ковши. Витязи не оробели, но исполнили то, что им было велено. Не дойдя до шатра, оба поклонились и начали свою речь посольскую:

«Гой ты, еси, удалой молодец! Ты скажи, поведай нам, как зовут тебя по имени, как величают по отчеству? Царь ты или царевич? Король или королевич? Или ты из иных земель грозен посол?⁸ Или ты сильный и могучий богатырь? Или ты поленица⁹ удалая? – Прислал нас к тебе Владимир князь, Киевское Солнышко, Всеславьевич, велел проведать кто посмел так встать перед Киевом? Кто мог так трубить перед Владимиром? Служить ли ты пришел князю нашему или переведаться решил с его витязями? Если ты служить пришел, то не честь богатырская стать на лугах княжеских без спроса. Следовало бы тебе послать к нему и о себе доложить. Если же ты решил испытать свои плечи могучие, то уносил бы ты подале свою буйну голову; не одолеть тебе Русь славную. Не в твою пору богатыри славные погибали здесь, перед Киевом; клевали их тела черные вороны, таскали кости их серые волки. Хоть и убьёшь ты здесь богатыря русского, на его место встанут тысячи, а за тысячей – и сметы нет.

Исполин рассердился от таких угроз, глаза его засверкали пламенем; он запыхтел как мех кузнечный и из ноздрей его посыпались искры огненные. Воскричал он громким голосом, словно вдали гром прогремел: «Ой вы глупые ребятишки, неразумные! Посворачиваю я вам буйны головы с могучих плеч. Как посмели вы вести передо мною такие речи? Счастье вам быть посланцами – не топтать бы вам травы-муравы. Вестимо дело, что послов не секут, не рубят. А потому подите вы назад к князю Киевскому и скажите, чтобы учинил он вам опалу великую. Научу я его быть вежливым. Позабудет он как красть княжон болгарских. Не богатырская честь на словах грозить. Покажу я вам её былью, правдою. Я дал крепкое слово князю Болгарскому привезти ему голову Владимира. Скажите вы своему князю: прогневался на него князь Болгарский, грозный Тревелий¹⁰, и не нет ему спасения. Ладное ли дело – похищать княжну славного рода? Если Милолика ему полюбилась, шел бы он в услужение к Тревелию, брату её, и по заслугам его бы князь пожаловал. А ныне уже не имеет он родства, не наглядится он на слёзы Милоликины. Я сдержу своё слово крепкое, богатырское, оторву я его буйну голову с могучих плеч. И не сокроют его леса тёмные, не спасут горы высокие, мне не надобно ни злата-серебра, ни камней самоцветных, надобна мне только кровь Владимира.

Окончив речь свою, исполин подхватил близ лежащий камень, величины необъятной, и примолвя: «Не скажу я вам как меня зовут по имени, как величают по отчеству, покажу я лишь вам каковы мои мышцы крепкие, каковы руки сильные». И с этими словами подбросил он камень вверх, легко, как легкое пёрышко, и скрылся тот за облаками.

Посланные с невероятным ужасом смотрели на это невероятное происшествие, дожидались с полчаса обратного падения камня и, не дождавшись, поехали восвояси.

⁷ Первая примета богатырских коней в том, что они ничего не едят, кроме пшеницы. (Прим. автора.).

⁸ «Грозен посол» значит то, что в старину редко посылали послов, кроме как для объявления войны; причём обыкновенно употребляли ругательные слова и угрозы. (Прим. автора.).

⁹ Поленица – поленицы, жен. 1. В русском былевом эпосе богатырь (мужчина или женщина; нар. поэт.). Поленица удалая. 2. собир. Ватага удалцов (обл. и устар.). (Толковый словарь Ушакова. 1935)

¹⁰ ...Князь болгарский... Тревелий... – болгарский князь Тервель жил в VIII веке, но уже на Балканах, а не в Волжской Болгарии. (Прим. автора.).

По приезду были они немедленно приведены к великому князю и доложили ему всё виденное ими и слышанное.

Князь изумился и пожалел, что столь пренебрежительно отнесся к шурина своему Тревелию, не дал ему знать о своем бракосочетании с его сестрой, хотя бы через посольство. Но изумление его обратилось в ужас (впрочем, ему не свойственный), когда при названии богатырским конём имени Тугарина Змеевича, княгиня Милолика пролила горячие слёзы и с рыданием возопила: «Погибли мы с тобой, возлюбленный мой супруг! Нет нам спасения от гнева брата моего! Нрав его лютый, и посланный им богатырь Тугарин имеет крылья и зачарованного коня. Когда он сидит на коне, ему не в силах навредить никакое оружие. Он опустошил было всё царство Закамское, принадлежащее царю Болгарскому, если бы тот не вошел с ним в мирное соглашение и не пообещал меня ему в супруги. Но поскольку я не могла помыслить без трепета, что достаюсь чудовищу, и намерена была бежать из отечества, то нарочно поджидала случай, изобретая самые отдаленные и тайные места для прогулок. На счастье моё, я была похищена волжскими разбойниками, и досталась тебе, возлюбленный мой князь. Посему сам рассуди какова должна быть лютость Тугаринова против тебя, когда ты овладел его наречённою невестой. Но я леденею от ужаса, когда представляю себе всю силу этого чародейского чудовища. Я должна была рассказать тебе все эти ужасные подробности, чтобы ты послушал меня, оставил бы своё княжество и спасался со мною за Буг-реку. Ибо только там не действует его волшебная сила. А я с тобою, возлюбленный супруг, буду счастлива даже в самых далёких пустынях. Однако если ты проявишь упорство и воспротивишься моему совету, то молю тебя немедленно лишиться меня жизни, ибо не в силах я буду видеть твою неизбежную гибель!»

Владимир долго уговаривал её отбросить свои страхи и представлял ей отменные воинские заслуги своих витязей, многочисленность своего воинства и крепость Киевских стен. Однако ни в чём он не преуспел, красавица предалась жесточайшему отчаянию, и только пообещав склониться к бегству мог он ободрить её и привести в состояние рассказать что-либо более подробное о его неожиданном противнике.

Итак, Милолика начала:

Повесть о Тугарине Змеевиче

Я рождена от болгарского князя Богориса и хазарской княжны Куриданы Чуловны, в городе Жукошине, где в летнее время мои родители обыкновенно проводили несколько месяцев. Этот город лежит на луговой стороне Волги и тем самым доставляет большие выгоды к разным забавам. Рыбная ловля и звероловство по рощам на Волжских берегах были лучшей утехой моей матушки. Особенно когда она была вынуждена проводить дни без Богориса, отзываемого войнами против неприятелей. Однажды случилось так, что обры объявили нам войну¹¹. Отец мой не хотел дожидаться вступления их войска в наши области и предварил их поход своим наступлением. Куриdana, мать моя, по обыкновению искала способ разогнать грусть своими развлечениями. Через Волгу были перекинута сети, и рыбаки погнались рыбу болтами в многочисленных лодках. Сама мать моя плыла в позолоченной ладье со всеми придворными и телохранителями. Вдруг на другой стороне реки стоящие горы с ужасным грохотом расступились и наружу показался дивный исполин, едущий на двух крылатых конях, запряженных в колесницу из кованной стали.

Он слетел к реке и поехал по воде, как посуху прямо к ладье княгини. Тот час же послали к нему спросить кто он и откуда, и как смеет подъезжать к княжеской ладье без

¹¹ ...обры объявили нам войну... – обры (Авары, греч. Ἀβάροι, Ὀυαρῶννιται; лат. Avari; др. – русск. Обры) – кочевой народ азиатского происхождения, переселившийся в VI веке в Восточную Европу и создавший там могущественный Аварский каганат (VI–IX вв.). Численность пришедших в Европу аваров оценивалась в 20 тыс. человек. (Прим. ред.).

доклада. Но этот исполин был великим чародеем, который до той поры никому не показывался и известен был в народе только благодаря производимым им в древности подвигам. Он просто дунул на посланную к нему лодку, и перевернул её вверх дном, так что посланцев едва смогли спасти. Ввиду такого явно враждебного поступка вся княжеская стража выпустила в него тучу стрел. Но те не долетели до него и переломанные попадали в воду. Между тем чародей приближался, все пришли в великий ужас; единым словом он остановил ладью, и руки гребцов стали бессильными и не могли пошевелить вёслами.

Когда злодей ступил на ладью, открылись его намерения: он хотел похитить княгиню, мать мою, ибо тотчас же бросился к ней с распростертыми объятиями. Но сколько раз он к ней ни приближался, столь же раз был отвергаем прочь и корчами своими показывал, что его опаляет невидимый огонь. Про себя он бормотал какие-то варварские заклинания, которых никто не мог разобрать, и которые, конечно же, были магическими, но ничто не помогало. Наконец, злодей пал на колени и изъяснял моей матери всю жестокость своей любви к ней, обещал ей множество утех, владычество над всем светом, если она предастся в его руки, что может добиться только снятием с себя талисмана. Этот талисман матушка моя, Куридана, носила на шее. Он был повешен при самом рождении её некой покровительствующей ей волшебницей; и, услышав, что тот защищает её от похищения, она подумала, не поможет ли этот талисман удалить прочь этого мерзкого чародея, вынула она талисман наружу и выставила против глаз его. Чародей переменялся в лице, страшная синева разлилась по нему, пена била из рта его. Он силился воспротивиться, но был ударен о землю, после чего, вскочив, изрыгнул великие угрозы. «Не думай, – рычал он, – что этим ты спаслась от рук моих: я принужу твоего супруга предать тебя во власть мою! Я пошлю такие казни на землю вашу, кои отомстят тебе за твое презрение и поспешат навстречу моим желаниям! Верь мне: я клянусь Чернобогом, я или погибну, или достигну моего намерения! Вскоре увидят меня пред стенами Боогорда».

Проговорив это, заскрежетал он страшно зубами и исчез со своей колесницей.

Куридана возвратилась домой в великом ужасе и не смела долго медлить в таком страшном соседстве; в тот же день она переехала в укрепленный город Боогорд и не смела выходить из теремов своих.

Наутро появился на полях городских страшный двоеглавый крылатый дракон Зилант¹²; который опустошал всё пламенным своим дыханием и пожирал стада и людей, по несчастью ему встречающихся. Земледельцы оставили свои работы, пастухи не смели выгонять стада свои, сам приезд в город стал опасен, и трепет рассеялся повсюду. Множество отважных людей, покушавшихся спасти отечество свое от этого чудовища, погибли ужасной смертью и были растерзаны этим лютым змием. Зилант же заявлялся каждое утро к самым стенам города и с мерзким рычанием человеческим голосом кричал следующее: «Богорис! Отдай мне жену свою, или я опустошу всю землю Болгарскую, все царство Закамское!»

Родитель мой, услышав о таковом несчастье, оставил успехи побед своих и вынужден был, спешно заключив мир, ускорить с возвращением в свое государство. Страну свою он нашел в самом жалком состоянии: поля и деревни запустели, жители разбежались. Тут курились пожженные нивы; здесь трепетали остатки тел сожженных людей и животных; в столице его народ пребывал в унынии, никто не смел выйти за двери; голод и смерть царили повсюду.

Объятия нежной супруги не могли истребить в отце моем помышления о всеобщем несчастье. Сама матушка моя умножала скорбь души его, представляя себя на жертву в

¹² Зилант на болгарском языке значит дракон, или, по-славенски, смок. Этот крылатый змий жил близ города Казани, в горе, которая по имени его прозвана Зилантова гора, и ныне стоящий на оной монастырь именуется Зилантов. Доныне еще показывают пещеру, где жило это чудовище, изображение которого осталось на гербе Казанского царства, и память о нем вкоренена во всех тамошних жителей. (Прим. автора.).

спасение отечества. Можно ли было принять такое предложение супругу, полагающему в ней все своё благополучие? Но следовало чем-нибудь спасти народ! Богорис и Куридана были великодушны: он хочет идти сразиться и победить или погибнуть, а она вознамерилась искупить жизнью своею его и отчество. Княгиня против воли княжеской созвала верховный совет. Тот повелел советникам удалиться, не слушать предложения женщины, обещает защитить себя и их одной своею неустрашимостью, но Куридана их останавливает. Она показывает им гибель всеобщую, происходящую за неё одной; рисует им весь ужас происходящего и согласна одна за всех пойти на съедение Зиланту. Уговаривает их не повиноваться в таком случае их монарху. Вельможи благодарили ее, превознося похвалами. Богорис угрожал, метался и не знал, что предпринять. Любовь и добродетель сражались внутри него.

Время было утреннее. Зилант был уже под стенами города; вскоре страшный свист его донесся до чертогов княжеских; слова «Богорис, отдай мне жену свою» повторялись по чертогам в жутком отголоске. Куридана мужественно встала, обняла нежно любимого супруга, попрощалась с ним навеки и вышла. Богорис со всем своим великодушием не мог вынести вида столь поразительного, не мог ни удержать ее, ни воспротивиться, ибо силы его оставили и он пал без чувств. Куридана останавливается, проливает слезы, возвращается к мужу, целует напоследок бесчувственного супруга и предается вельможам. Те же в рыданиях употребляют во всеобщую пользу бесчувствие своего государя, подхватывают на руки свою избавительницу и несут её к городским воротам. Алтари курятся, и коленопреклоненные жрецы возносят к бессмертным богам моления о спасении своей героини.

Весь город в слезах провожал бедняжку за ворота и оставил снаружи.

* * *

Между тем Богорис пришел в себя; не увидел рядом своей супруги, и обнаружил себя всеми оставленным. Отчаяние охватило его. Он выхватил меч свой, вознёс его на грудь свою, не желая пережить свою возлюбленную, которую полагал уже растерзанной чудовищем. Но невидимая рука вырвала меч из рук его. Княжеские чертоги наполнились светом, подобным утренней заре, и перед князем предстала женщина в белом одеянии. Величие и милость сияют из престарелых черт её лица. Она возвестила ему: «Богорис! Приди в себя! Добродетели твои не должны допускать к тебе подобного отчаяния? Не волнуйся о безопасности о своей супруги: к ней не сможет прикоснуться чудовищный Зилант. Но чтоб уверить тебя в истине слов моих, знай, что я волшебница Добрада, родственница и подруга покойной твоей тещи княгини Кегияне. Я присутствовала при рождении твоей супруги и, предвидя возможную опасность от чародея Сарагура, повесила ей на шею талисман, который защищал её до сегодняшнего дня от его происков, как и ныне охраняет её от Зиланта, ибо он и есть тот самый чародей, принявший на себя вид страшного змия. Едва с возрастом в Куридане начали развиваться прелести, увидел её Сарагур и с первого взгляда смертельно влюбился. Тотчас вознамерился он похитить ее, но талисман препятствовал желаниям его. Я была права в рассуждении о безопасности супруги твоей, но Сарагур не оставил меня в покое. Проведав, что я защищаю Куридану, и не имея силы покорить меня явно, он делал мне со злобы разные пакости тайным образом, так что наконец я была вынуждена наказать его. Я своей магией и своей превосходящей над ним властью заперла его во внутрь Волжских гор и, заключив судьбу его ужасными заклинаниями, от коих и сам Чернобог трепещет, в золотую рыбу, повергла её на дно Волги, ибо не думала, чтоб из-за глубины того места в реке кто-либо способен был выловить ее. Сарагур же без того не мог освободиться из тюрьмы своей, пока не попадет рыба эта в чьи-либо сети. И подумалось мне, что рыба из металла не попадет никогда в западню. В число заклинаний входило и то, что Сарагур, если и высвободится из неволи, не сможет уже вредить людям, не превратившись в Зиланта, но

в таком случае он уже не обретёт никогда прежнего своего вида и вынужден будет вскоре окончить жизнь свою. По воле несчастного случая белуга проглотила волшебную золотую рыбу, и когда супруга твоя в отсутствие твое выехала на рыбную ловлю, та самая белуга и попалась ей в сети. Чародей тогда же и вырвался из заточения и, подумав, что заклинание мое, удерживавшее его, не могло исчезнуть иначе как ввиду моей смерти, то и вознамерился княгиню похитить. Но к досаде своей увидел, что покушения его бесплодны, отчего пришел в такую злобу, что пожелал лучше лишиться человеческого вида, чем оставить без отмщения мнимую свою обиду. Он превратился в Зиланта и решил опустошить всё государство Болгарское или погибнуть. Ты же, дорогой князь, не ведаешь, что имеешь при себе несравненное сокровище. Твой меч на самом деле составлен из могучих талисманов древними египетскими мудрецами и, оказавшись утрачен в сражении египетским фараоном Сезострисом, достался твоему праотцу – он-то и есть истинный бич на всех чародеев и их колдовства. Удары его неотвратимы, все волшебные чары исчезают от его прикосновения, и именно ему одному-то ты и обязан всеми своими победами. Ступай, истреби чудовищного Сарагура; тебе предопределено низвергнуть его в самый ад. Он, завидев тебя, испустит пламя, но для уничтожению его довольно одной фляжки воды из реки Буга. – Она подала ему флягу. – Немедленно облей ею себя и смело ступай на врага; но постарайся одним ударом срубить ему обе головы, поскольку, если ты отсечешь ему только одну, Сарагур хотя лишится от сего жизни, но успеет уйти от тебя в свою нору, где исчезающая в нем чародейная сила произведет на свет яйцо. Он снесет его, а потом умрет. Из трупа его будут произведены на свет зачарованные латы, которых ничто не сможет пробить, кроме твоего меча. Из отсеченной его головы вырастет каменный конь, который оживет в то время, когда злые духи это яйцо высидят, и выйдет из него исполин Тугарин, именуемый так потому, что туго рос, ибо выведется он чрез десять лет, но, вылупившись из яйца, он в одну минуту достигнет совершенного своего возраста. От этого Тугарина, с которым в силе и злобе никто из смертных не сравнится, предстоит великие напасти, хотя не тебе и не княгине твоей, ибо вы окончите век свой в благоденствии, но дому твоему, потому что Тугарин, имея врожденную ненависть к болгарам, начнет опустошать твоё государство; и сын твой Тревелий вынужден будет искать с ним мира. Но мир не сможет воспоследовать, кроме обещания ему дочери твоей в невесту, ибо он, не выдав ее, при самом рождении своем почувствует (через влияние страсти покойного отца своего) чрезмерную к ней любовь. Сын твой, при недолгом с ним обращении, заразится его злобою и станет лютейшим тираном, так что если не поспешить с убийством Тугарина, Тревелий погибнет в бунте от рук своих подданных. Убить же Тугарина не сможет ничто, кроме меча твоего, но и ты правды обо всём этом не должен открывать никому, кроме супруги своей Куриданы. Она может открыть правду о том своей дочери, а та – своему супругу, ибо в книге судеб определено истребление Сарагурова племени некоему Славенскому богатырю, не рожденному матерью; и чтоб сын твой не владел твоим мечом, для чего и должно будет тебе повесить его, одержав победу над Зилантом, в своей оружейной палате, перемешав его в куче других мечей. Судьба же доставит его в руки тому, кому надлежит. Внимай, Богорис! От одного твоего исправного удара зависит избавление дома твоего, или, впрочем, беда Болгарии неизбежна».

С этими словами облик Добрады покрылся светлым облаком и она исчезла, а Богорис, сев на коня, поспешил на избавление супруги и отечества.

У городских ворот он увидел Зиланта, устремившегося на мою матушку, но тот был вновь удерживаем невидимой силой. Царь поспешил; чудовище видит его обнажающим меч и испускает пламя, сожигающее все окрестности. Все встречающееся ему погибает. Сам Богорис почувствовал жар и вылил на себя священные воды Буга-реки. В одно мгновение пламя лишается своего жара, и меч уже занесен для удара... Но Зилант приподнялся на хвосте, и князь не мог отсечь ему ничего, кроме одной головы. Та упала и окропившись черной

ядовитою кровью и превратилась в камень. Чудовище испустило страшный рев и пустилось в бегство; Богорис настиг его, но Зилантовы крылья унесли его от ударов. Боевой конь князя мчался подобно ветру через поля, через речку, до самой горы; князь побуждал его прервать полет змиев и погубить его чародейную силу, он почти зацепил мечом и вторую голову, но чудовище скрылось в пропасти, похоронив там и труп свой и саму память о Сарагуре.

Родитель мой огорчился, видя старания свои безуспешными, но, подумав, счел произошедшее неминуемым определением судеб. Он оставил провидению будущий жребий государства своего и радовался, что освободил его от опустошителя. По возвращении он нашел Куридану невредимой и освободил её от тревог о себе. На досуге он передал ей всё, сказанное ему Добрадой и, как ему и было завещано, определил меч свой в оружейную палату. Остаток века их прошел в благоденствии. Я узнала предстоящую мне судьбу от Тугарина из уст моей родительницы и получила данный ей некогда Добрадой талисман, а брат мой Тревелий – тогда же получил болгарский престол.

Страх перед храбростью моего отца Богориса не скоро исчез из памяти наших неприятелей, это принесло болгарам много лет мира. Брат мой был государь правосудный и любим подданными. Нежность его ко мне составляла все мое утешение, мы не могли быть ни часу порознь.

Однажды, прогуливаясь с ним, услышали мы, что на полях близ Боогорда произошло чудное приключение в природе. Тревелий поехал туда, взяв и меня с собою. Мы увидели камень, имеющий точное подобие коня, который рос ежеминутно, так что на наших глазах достиг чрезмерной величины. Все удивлялись этой мнимой игре природы, но я, вспомнив слышанное от матушки моей о сказанном волшебницей Добрадой, поняла, что приближается начало моих бедствий, связанных с рождением Тугарина. От этого я пришла в столь великий ужас, что заметив это, брат мой счел, что я занемогла, и поспешил возвратиться. Едва успели мы отъехать сажен с двести, как почувствовали сильное землетрясение. Близстоящая Зилантова гора расселась надвое, и из расщелины появился страшный, в броню облаченный исполин; который невероятными шагами прошествовал к каменному коню, так что мы не успели еще ста сажен отъехать, как великан положил уже свою руку на коня. В мгновение ока тот вспыхнул жарким пламенем и ожил, что мы поняли по его необычайному голосу, ибо тот заржал так громко, что все лошади в колесницах наших попадали.

Только представь себе, сколь велик был трепет, всех тогда охвативший, и насколько он умножился, когда все мы увидели исполина, восседавшего на коне и скачущего с распростертыми руками прямо на нас. Какое тут спасение?! Всеобщий ужас не оставлял сомнений в том, что всем нам предстоит очутиться в пасти этого чудовища. Но убежать не было средств. Отчаяние возвратило нам мужество, и многие метнули стрелы в приближающегося великана, но те отскакивали от него, как от камня. Одна только стрела, выпущенная Тревелием ударила его в нос столь сильно, что он чихнул и, подхватив её, проглотил. После чего протянул было руки, желая схватить меня, но вдруг отдернул их назад так, словно обжегся, ибо стал дуть и плевать себе на ладони. Вторичное и третичное покушение его сопровождалось такой же неудачей, отчего великан пришел в великую ярость и, отъехав несколько назад, изрыгнул клятвы и ругательства. Пена была клубом изо рта его, подобного печному устью, и он с досады изгрыз себе пальцы в кровь. Наконец страшным голосом, от которого все принуждены были заткнуть уши, прокричал он моему брату: «Слушай, Тревелий! Вижу я, что мне не возможно взять сестру твою насилем, и для того я даю тебе три дня срока, в которые ты должен будешь её уговорить, чтобы она отложила свои чары и добровольно согласилась быть моей женой; в противном же случае я из государства твоего сотворю непроходимую пустыню: города и деревни разорю и выжгу, всё живущее поем, а тебя самого разорву по суставам». Сказав это, он повернулся на своем коне и поскакал, дыхнув пламенем, отчего

близстоящий дуб в мгновение обратился в пепел. Так он и скрылся в лесах, окружающих реку Каму.

Я пришла в себя не прежде, как в моих чертогах, и увидела брата моего, сидящего против меня в безмолвном ужасе. Тогда лишь поняла я, какая грозила мне опасность, если бы я не имела на себе талисмана, которому обязана была моим избавлением, и с той поры решила ни на минуту его с себя не снимать. Ведала я, чем можно бы спасти отечество мое, но помнила запрещение волшебницы, что с открытием тайны о таинственном мече стану неизбежной жертвой объятий великана. Этого было довольно для того, чтобы наложить на меня молчание, и брат мой, требующий моего совета, не получил в ответ кроме горьких слез, с которыми сообщал он свои, и, наконец, не зная, что начать, заключил требовать совета в Елабугском¹³ оракуле, находящемся неподалеку от столичного города, на берегу реки Камы. Мы отправились в это святое место; по принесении в жертву обожаемому змию двух черных быков, введены были мы в капище. Брат мой задал вопрос: чем можно избавиться от нападения исполина Тугарина? Жрецы окружили божественного идола с кадилами, воспели песнь Чернобогу и с коленопреклонением просили о явлении через ответ средства к спасению их отечества. Идол поколебался и глуховатым голосом отвечивал: «Беды, терпение; поражение и победа; мечи, стрелы; утро вечера мудренее».

Ни князь, ни я, ни сами жрецы не могли растолковать этих божественно хитрых слов; однако уверяли нас, что точно такого ответа они и ожидали, что он очень хорош и непременно должен сбыться.

«Но что ж я должен предпринять согласно ему?» – вопрошал Тревелей.

«Последуйте ему в точности, ваше величество», – отвечивал верховный жрец. Мы не смели спорить с переводчиком Чернобога и отправились восвояси без всякого наставления, однако с надеждою.

Собран был тайный совет. Советники рассуждали, изыскали, спорили, опровергали, доказывали и заключили, что с исполином следует сражаться, не давать ему ни ногтя моего, и наутро, по точной силе и разуму божественно не понимаемого ответа, отправить против Тугарина тысячу пращников, тысячу стрельцов, имеющих большие стрелы, и две тысячи вооруженных в панцири всадников. Что было заключено, было и исполнено: до свету еще выехал этот отряд. Целый день искали неприятеля, провозвестник охрип, крича противника – Тугарин не появлялся. На другой день провозвестник начал укорять исполина в трусости, однако недолго пользовался этой дерзостью. Тугарин выехал, и ужас остановил слова на устах глашатая. Воины, видя, что должно начинать сражение без предисловия, ибо провозвестник молчал, пустили в него тысячу камней и тысячу стрел. Тугарин в это самое время очнулся, потому что едучи дремал, и зевнул; все камни и стрелы попали ему в рот, и он, не чувствуя, откуда сие происходит, харкнул и выплюнул их вон, сказав: «Какое множество здесь мух!»

Изумились воины, сочли, что он чародей, и порешили выпустить в него еще по тысяче камней и стрел в самый нос, ибо прекрасно знали, что этот способ отнимает силу у всякого чародея. Усугубили они свои крепость и искусство; выстрелы были произведены столь удачно, что разбили исполина нос до крови. Тугарин увидел, что произошло это не от мух, и пришел в великий гнев.

«О, так против меня выслано войско! – вскричал он голосом, подобным грому. – Итак, я должен с болгарами поступать по-неприятельски!»

¹³ Этот оракул, или прорицалище, находилось близ городка Елабуги, при речке Тойме, впадающей тут же в Каму, которого до сего дня еще видны каменные развалины, известные под именем Чертова городища. В нём жрецами содержался обожаемый великий змий, которому людей давали на съедение, вместо жертвы (см.: «Записки путешествий капитана Рычкова», лист 44 и 45). – «Журнал, или Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства 1769 и 1770 годов» Н. П. Рычкова, известного русского путешественника. (Прим. автора.).

Сказав это, начал он хватать руками воинов по десятку и больше и глотать целиком. Не было им спасения, все погибли, только человек с двадцать поспешно удалились на конях, в числе коих был и глашатай. Исполин, видя, что неловко ему ловить их с лошади, соскочил и побежал на четвереньках; в минуту достигнув беглецов, одним зевком он всех захватил и проглотил. Увидев, что уже никого не осталось, подумал он, что напрасно не оставил одного, чтоб приказать к Тревелию свои угрозы. Но заметил, что нечто у него под носом шевелится (то был бедный глашатай, который, держа в руках копье, не попался в рот исполину, ибо копье воткнулось тому в нос, когда он хватал их зевком, и окостеневшие руки удержали провозвестника висющим на копье), он снял его пальцами и, увидев, что это человек, посадил его на ладонь и, отдув из обморока, наказал ему следующее:

«Я оставляю тебе жизнь. Скажи ты своему князю, что я даю ему еще один день; если по прошествии его не согласится он отдать за меня сестру свою, то я в один месяц опустошу всю его землю. Ты видел, как я управляюсь с его воинами: целое войско его мне сделает затруднения не больше, чем эта кучка».

После этого опустил он его бережно на землю, но бедный провозвестник, со всею принятою в рассуждении его осторожностью, оглох от разговоров Тугариновых. Он явился ко двору и рассказал о происшедшем. Отчаяние умножилось, не знали, что делать, советы продолжались целую неделю, а между тем исполин опустошил почти всё Закамское царство. Крайность принудила брата моего вспомнить, что он князь, и забыть, что он родственник. Он заключил предать меня на избавление отечества и возвестил мне то в горчайших слезах. Послано было умиловать Тугарина и возвестить согласие на его требование. Исполин побежден был страстью, чтобы отвергнуть эту цену предлагаемого мира; он перестал поджигать селения и пожирать живущих и шествовал гордо к Боогорду. Князь Тревелий со множеством вельмож встретил его за городскими воротами; я была в отчаянии. Я вынуждена была дать мое слово, но с тем, что получит он мою руку не прежде, как приняв от какой-нибудь милосердной волшебницы вид и рост обыкновенного человека, поскольку мне было известно, что подобное случиться может не так легко. Я между тем могла убежать, дабы брат мой не сорвал с меня талисмана, ибо, невзирая на всю его ко мне горячность, мне следовало ожидать, что он лучше согласится лишиться сестры, чем дать себя разорвать по суставам. Любовь действовала в исполине и принудила без всякого размышления дать мне согласие. Он поклялся Чернобогом¹⁴, что не приступит к браку иначе, как на моих условиях, и не только оставит неприятельские поступки против болгаров, но с сего часа вступает в услужение Тревелию. Радость в народе началась всеобщая; и поскольку исполина нельзя было ввести во дворец, отвели ему место в садах, где и задали ему великолепный пир. Тысяча быков была изготовлена для Тугарина, каковых он и съел до последней косточки. Сто печей хлебов и сто бочек вина, двести куф¹⁵ пива убрал он на закусках, ибо за один раз совал он в рот по целой печи хлебов и куфу выпивал одним глотком.

Предсказание Добрады исполнилось. Брат же мой полюбил чудовищного Тугарина до крайности и из добродетельного государя сделался тираном. Не проходило и дня без пролития человеческой крови. Я терпела ужасные гонения и искала случая убежать. Не прошло и двух месяцев, и съестные припасы в государстве чрезвычайно вздорожали. Исполин из любви к Тревелию согласился кушать воздержаннее и довольствовался вместо хлеба и мяса одними дровами. До похищения моего на стол Тугаринов перерубили уже великие леса, и непроходимые леса Закамские превратились в великие степи. Наконец случай спас меня от бедствий: и я была похищена волжскими разбойниками.

¹⁴ Чернобог – то ж, что Плутон, или бог ада. Клятва им была ненарушима. (Прим. автора.).

¹⁵ Куфа – ж. кухва вор. немецк. чан, кадь, бочка; мера в 30 кварт. Кварта – единица объема жидкостей и сыпучих веществ, применяемая в некоторых странах, равная 1/4 галлона или 2 пинтам (немного больше литра). (Прим. ред.).

«Подумай же, дражайший супруг, – промолвила княгиня Милолика, окончив свою повесть, – какая предстоит тебе опасность от Тугарина, когда он не только грозный мститель за Тревелия, но и ревнующий соперник твой! Однако только бегство за Буг-реку спасет тебя от его злобы. Я со своей стороны в безопасности: талисман делает его силу надо мной бездействующей». Затем увещивала она супруга поторопиться с бегством.

Владимир сетовал: невозможно было ему оставить государство свое на опустошение. Монарх, которого трепетал весь восток, который покорил всех враждующих соседей, который прославился своими добродетелями не меньше храбрости, мог ли он пуститься в бегство от одного богатыря? В сто раз легче для него была бы смерть. Но чем было ему возразить слезной просьбе милой жены? Чем противостоять чудовищу, укрепленному чародейством? Таковы были помышления, стесняющие его душу. Рассуждая о средствах к спасению, вспомнил он, что киевские стены при создании своем были кладены на извести, разведенной на священных водах реки Буга. Этого довольно было, подумал он, к пресечению исполина входа во город, и подобное же слышал он и от верховного жреца. Обрадовался Владимир, поспешил утешить тем свою княгиню и доказать ей, что безопаснее для него остаться в городе, чем выступить из оногo. Милолика успокоилась, и не оставалось Владимиру, как только изобретать способ погубить исполина. Собран был военный совет, там изложены были обстоятельства, сказанные княгиней о Тугарине, и предсказание Добрады, что погибнет неприятель от руки богатыря, не рожденного матерью. Советники рассуждали, голоса разделились: одни советовали наслать на неприятеля всех киевских ведьм, другие предлагали крикнуть клич всем сильным и могучим богатырям, один только вельможа Святорад не соглашался ни на то, ни на другое. Он представлял князю, что он не больно-то верит колдовству и думает, что чужие богатыри не так скоро съедутся, чтоб упредили разорение, могущее произойти от исполина, так что лучше всего выбрать лучших витязей из своих и совокупными силами ударить на исполина. Владимир почти согласен был с его мнением и хотел только спросить совета верховного жреца. Пошли в Перуново капище, потребовали молитв и наставления, чем избавиться от угрожающего бедствия. Жрец обещал всё; он лишь попросил на полчаса сроку; заперся в кумирнице и, выйдя, сказал:

– Внимай совету богов, Владимир: потребно исполина Тугарина, рожденного змием, поймать, связать ему руки и ноги и принести богам в жертву.

– Но как такое может быть, великий отец? – говорил Владимир.

– Должно лишь поймать и связать его, чадо мое! – отвечал жрец.

– Сего-то мы и не разумеем, – примолвил Владимир.

– Тогда беды на вас великие и гнев богов, если вы его не поймаете, – сказал жрец и пошел во внутрь капища делать приготовления к сожжению исполина.

Владимир же возвратился в недоумении и повелел Святораду кликать клич: кто выищется, чтобы отважиться выйти на исполина.

Множество выбралось витязей. Каждый желал по одиночке сражаться с исполином, поскольку в храбрых людях в России нет недостатка. Всякое преимущество рождает зависть, следовательно и в чести. Никто не хотел уступить друг другу чести сражаться первому. Спорили, бранились, и чуть не дошли до драки, если бы искусный Святорад, подоспев, не доказал витязям, что они спорят понапрасну, что безумно сразиться с исполином со лба в лоб, что для победы потребно великое искусство, где силы не равны, и уговорил их напасть на богатыря совокупными силами.

Витязи выехали и увидели шатер исполина. Конь его показался им горою; тот ел, по обыкновению, белую ярую пшеницу, а Тугарин спал. Приметили они это по храпу его, подобному шуму вод на Днестровских порогах и заключили напасть на него до его пробуждения. Они слышали, что конь его зачарованный и говорит человеческим голосом, почему и начали красться исподтишка. Но осторожность коня обмануть оказалось весьма трудно.

Конь заржал при их приближении, но богатырь продолжал спать. Они поспешили; конь закричал вторично, но опять Тугарин не пробуждался. Погибель была очевидна, хотя конь кричал, ревел и бил ногами в землю, и тут... исполин пробудился было, но поздно было, ибо больше тысячи копий и мечей ударили в него со всех сторон, и одним только заколдованным своим латам обязан он был своею сохранностью, поскольку никакое оружие не пробивало их. Все копья и мечи переломались или отпрыгнули прочь. Исполин вскипел яростью, схватил двоих витязей, которые прежде ему попались в руки, и проглотил. Все устремились в бегство; великан же вскочил, сел на коня, погнался за ними, хватал почти руками, но не жалел и лошадей, и все спаслись за стенами города. За сто сажен от стен остановился конь Тугаринов. Исполин рассердился, избил коня, соскочил с него и побежал пешим, думая перескочить стену и истребить киевлян с их князем. Но чудная сила вод реки Буга, освятившая стены этого города, явила тогда свое действие: исполин по приближении обжегся исходящим от стен невидимым пламенем, рассвирепел ещё более и поклялся преодолеть всё и опустошить эту землю. Он покушался вторично, и в третий раз и обжегся весь, так что весь заревел от боли. Не в силах преуспеть, излил он ярость свою на окрестности; изрыгнутое им пламя опалило все поля и ближние деревни. Он пожирал людей и стада и не думал переставать, доколе не истребит всякую русскую тварь.

Между тем Владимир, взиравший со стен городских на происходящее, увидел чудо, произошедшее от стен киевских и опустошение, причиняемое исполином в государстве, равно как и невозможность удержать ярость Тугарина, поскольку даже отборные его витязи не могли победить врага. Он радовался бы, что сам в безопасности внутри города, если бы не был добродетелен, но, взирая на гибель своего государства, пролил он слезы и пошел к верховному жрецу просить его об учреждении всеобщих молитв для умилоствления богов. Рассказал он жрецу про неудачу покушения и про страшную силу исполина, про производимые им опустошения и попросил об учреждении искупительных молитв.

– Так вы не привели на жертву этого Тугарина? – воскликнул жрец с досадой.

– О том-то, батюшка, я и хочу просить богов, чтоб они открыли нам средство истребить его; ибо силы его сверхъестественны, – сказал Владимир.

– Истребить, то есть убить до смерти, а не принести в жертву? – изумился жрец. – Чадо! Боги гнушаются всяким бездушным приношением, его живым к алтарю привести следует и связанного.

– Но я сообщал вам, что это невозможно и что...

– Нет ничего, ничего невозможного, приведите только его и не забудьте приказать связать его покрепче: боги уже досадуют, что их столь долгое время лишают вкушения сей сладкой жертвы, и за то послали на вас в казнь сего исполина.

– Святой отец! – сказал Владимир с досадой. – Казнь эта богами послана была прежде, нежели получил я приказ привести исполина им на жертву. Следственно...

– О князь! Велико твоё хуление, но да не осквернюся...

Своё последнее слово жрец сказал уже за дверями и оставил Владимира в немалой досаде.

В недоумении и горе князь возвратился в свои чертоги и вновь принялся возносить моления к бессмертным о спасении своего отечества, но боги не внимали просьбе его, и Тугарин продолжал опустошал прекрасные окрестности Киева. Недоумевали, что делать, и огорченный государь изливал скорбь свою в недра любезной своей супруги, которая также не осушала очей своих, источающих потоки слез. Весь Киев стенал, и не было никого, кто не терпел бы урона от этого нашествия: каждый потерял либо родственника, либо имение, случившихся вне стен киевских. В такой чрезвычайной напасти требовалась помощь только сверхъестественная.

Между тем Тугарин учинил новый пожар за городом. Все придворные выбежали на переходы чтобы вновь стать свидетелями ярости исполина и вдруг услышали, что широкие ворота заскрипели и на двор выехал смелый витязь. Доспехи на нем были ратные, позлащенные. В правой руке он держал булатное копье, на бедре висела острая сабля. Рассказывали о нём так: «Конь под ним, как лютый зверь; сам он на коне, что ясен сокол. Он на двор въезжает не спрашивая, не обсылая. Подъезжает к крыльцу красному, сходит с коня доброго и отдает коня слуге верному. Сам идет в чертоги княженицкие, златоверхие. Слуга привязывает коня посреди двора, у столба дубового, ко тому ли золоту кольцу, а своего коня к кольцу серебряну». По всему придворные заключили, что новоприезжий должен быть роду непростого.

Между тем незнакомец входил во внутрь чертогов. Вельможи останавливают его и спрашивают с обыкновенною тогдашних времен вежливостью:

– «Как звать тебя по имени? Как величать по отчеству? Царь ли ты, царевич или король, королевич, или сильный могучий богатырь, или из иных земель грозен посол?» – и прочая.

Приезжий не удовлетворил их любопытству и отвечал:

– Если мне сказать вам о всем, то уже самому князю донести нечего, – и просил, чтоб учинили о нем доклад. Не смели его больше утруждать, донесли князю, и он впущен был пред очи Владимира.

На вопрос княжий, что он за человек и какую до него имеет нужду, отвечал он:

– Я называюсь Добрыня, Никитин сын, уроженец Великого Новгорода, и приехал служить тебе, великому государю.

– Но как ты пробрался в славный Киев-град? И как пропущен был злым Тугарином?

– Надёжа-государь! – отвечал ему Добрыня. – Доселе мне, молодцу, еще не было дороги заперты. Проезжал я горы высокие, проходил я леса тёмные, переплывал реки глубокие, побивал я силы ратные, прогонял я сильных, могучих богатырей – мне ли робеть Тугарина? И я давно бы уже свернул ему голову, – примолвил он, – но я хочу учинить это пред твоим светлым лицом и по твоему слову княжеску, чтоб ты сам, государь, видел службу мою и пожаловал, велел бы мне служить при твоём лице.

Владимир удивился смелости, вежливости, дородству и красоте сего витязя.

– Молодой человек, – сказал он ему, – так ты хочешь сразиться с Тугарином?

– Для того, государь, и поспешал я в славный Киев-град, «дней и ночей не про— сыпая, со добра коня не слезая».

– Но знаешь ли ты, насколько трудно это предприятие?

– Ведаю довольно, и если б оно меньше имело опасности, я послал бы исполнить оное одного своего Таропа-слугу.

– Я хвалю твою отвагу, – сказал Владимир, – принимаю тебя в мою службу и обнадеживаю своею княжескою милостью, но не дозволю вдаться в таковую опасность, ибо ты мне пригодишься по своей храбрости и разуму в других случаях. Я имею довольно витязей смелости испытанной, но ни один из них не отважится сказать, чтоб он мог биться с Тугарином, поскольку это определено только для богатыря, не рожденного матерью.

– Не рожденного матерью? – подхватил Добрыня.

– Именно так, – отвечает князь и рассказал ему предсказание волшебницы Добрады.

– В таком случае я имею великую надежду свернуть голову Тугарину, – говорил Добрыня с улыбкою.

– Неужели ты не имел матери? – спросил Владимир с любопытством.

– Позвольте мне рассказать мои приключения, – продолжал Добрыня и, получив такое дозволение, начал.

Повесть Добрыни Никитича

Я хотя имел отца и мать, но в самом деле не был рожден моею родительницей. Потому что она, будучи мною беременная, во время путешествия от напавших разбойников получила удар саблею по чреву, так что я выпал недоношенный из умершей моей матери. Причем и родитель мой убит. Я погиб бы, если б великодушная волшебница Добрада не спасла меня, как она сама мне о том рассказывала. Я воспитан был ею на острове, где она имеет свое жилище, и остров сей находится на самом южном пупе земли¹⁶. В младенчестве моем поили меня львиным молоком и, с тех пор как я себя помню, не давали мне просыпать ни утренней зари, ни вечерней, меня заставляли кататься тогда по росе и после вымачивали в водах морских. Вследствие этого воспитания получил я такую силу, что шести лет мог выдергивать превеликие дубы из корня. Шесть седых старичков обучали меня всем известным семидесяти двум наречиям, звездочетству и воинским приемам, так что пятнадцати лет имел я счастье на опыте пред самою Добрадою отбить шесть мечей моих учителей и не допустить ни одного на себя удара. За это получил я от моей благодетельницы вот эти латы, которые до сих пор на себе ношу и ношение которых охраняет от всякого вреда, как обыкновенного, так и сверхъестественного. Я пал к ногам моей благотворительницы, принес ей благодарность в почтительных выражениях и просил, чтоб на всю жизнь не лишала меня своего покровительства.

— Добрыня Никитич, — сказала она мне, — таково будет твое имя; ни ты не видал своих родителей, ни они тебя, и ты не рожден своею матерью, как уже известно тебе; посему боги, никогда не оставляющие чад праведных родителей, вручили мне тебя и повелели мне быть твоею матерью. Посему по имени моему будешь ты называться Добрынею, и отечество твое да будет от побед, которые ты совершишь в жизни своей; ибо ведаешь, что по-гречески Никита значит «победитель». Ныне вступил ты в возраст, способный ко всяким предприятиям, и мне осталось докончить воспитание мое только одними этими заповедями. Никогда не отступай от добродетели, ибо, уклоняясь от нее, утратишь ты милость богов, покой души своей и станешь неспособен к великим подвигам. Во-вторых, не меньше первого наблюдай: видя слабого, насильствуемого сильнейшим, не пропускай защищать его, поскольку не помогающий ближнему не может ожидать и сам помощи от богов. Наконец, третье: как получил ты благоденствия от меня, женщины, покровительствуй всегда нежному полу в гонениях и напастьях, для того что тем умягчится твой нрав, легко могущий ниспасть в зверство¹⁷. Не следует мне предсказывать того, что должно впредь с тобою случиться, ибо это таинство написано только в книгах судеб и не всем смертным открывается. Однако знай, что необходимо тебе достать меч фараона Сезостриса. Он хранится у некоего сильного северного монарха. Если ты его получишь, не будет для тебя на свете ни спорника, ни поборника¹⁸. Примета же, по которой найдешь ты этот меч такова: при первом твоём взгляде на него твой собственный меч спадет с тебя, а тот поколеблется». Потом подала она мне перстень. «Во всякое время, когда тебе понадобится конь, — продолжала Добрада, — потри только по этому перстню и пройди три шага вперед; затем оглянись назад — и увидишь коня богатырского, который будет служить тебе верно во всю жизнь твою».

¹⁶ Говоря «через южный пуп земли», богатырь наш, конечно, понимает Южный полюс [задолго до его географического открытия — *Прим. ред.*].

¹⁷ Эти три пункта с того времени учинились общим правилом богатырей. Оные читали им при вступлении их во сие звание и обязывали сохранять под присягой. Из сего видно, что Добрыня первый подал повод к учреждению богатырского ордена, и Владимир был первый его учредитель.

¹⁸ ...Ни спорника, ни поборника. — ни помощника, ни соратника.

Приняв это наставление и подарки, пал я к ногам её и принёс мою благодарность. Она повелела мне с того ж дня начать в свете мое странствование, разыскать меч Сезостриса и основать жилище себе не ранее, как убью великого заговорённого исполина. После этого повелела она мне сесть в лодку, которая отвезла меня на материк. Лодка эта была чудесная. Я нигде не видывал подобной, ибо плыла она не на веслах, а посредством одной растянутой холстины. Сама волшебница села со мною в нее; и мы поплыли. Ветры никак не могут дуть столь быстро, как лодка, рассекающая валы океана, везла нас. Сладкий сон овладел мною, и, проснувшись, я увидел себя одного на прекрасной долине близ великого города. Горе объяло меня, когда узнал я, что Добрада оставила меня собственным моим судьбам и сложила свое о мне попечение. Я любил ее, как родную мать, и не мог удержаться от слез. Близлежащий лес отзывался моим восклицаниям и разносил имя Добрады. Но она не пришла, и я принялся размышлять о своём предыдущем состоянии. Мне захотелось испытать силу перстня моего; я потерял его и, отойдя на три шага вперед, оглянулся назад. Конь красоты невообразимой появился предо мной, оседланный в сбрую цены несчетной. Золото и камни самоцветные, редких вод, составляли великолепный вид. Сабля и копье висели сбоку седла. Обрадовался я ему чрезвычайно. Подошел к коню, гладил и ласкал его, и конь в знак своей покорности троекратно припадал предо мною на колена. Я снял саблю, повязал её на себя, взял копье в руку и сел в седло. Не могу изобразить, какую почувствовал я тогда бодрость в себе. Мышцы мои напряглись, и показалось мне, что я в состоянии был сразиться с войсками целого света. Конь подо мною ржал, выпуская из ноздрей искры, гарцевал и ждал лишь приказания, чтоб пуститься чрез доли, горы и леса.

Хотелось мне очень узнать, в какой я земле нахожусь и какой был то город. По этой причине проехался я по долине, но, проехав верст пять, не нашел ни одной живой души, кроме нескольких каменных статуй, рассеянных по разным местам и представляющих разных тварей. Заключил я вступить в город и по первой попавшейся мне дороге проследовал к городским воротам. К великому моему удивлению я не нашел в столь укрепленном городе стражи, кроме десяти статуй в воротах крепости, сделанных из камня и изображающих из себя вооруженных воинов. Ворота были железные и крепко заперты. Я кричал, стучался – никто мне не отвечал. Досадно мне стало, я вышел из терпения и выломал ворота. Въехав в город и миновав множество улиц, не встретил я внутри никого. Я удивлялся пышности и великолепию жилищ и не понимал, зачем по всем улицам расставлено такое множество статуй и нет никого из живущих. В размышлениях об этом вступил на просторную площадь. Посреди её стоял великолепный дворец. Множество каменных воинов составляли главный караул, иные из них расставлены были по разным местам, как бы стоя на часах. Удивление мое умножалось. «Неужели всё это только игра природы! – думал я. – Великий город без жителей, с одними только камнями вместо обывателей! Не может быть такое случайным произведением природы! Гнев богов пал на это место, и люди эти окаменели». Подумав так, пожелал я испытать, не найду ли кого внутри дворца. Я слез с коня, взошел и утвердился в мнении, что город этот был превращен в камень со всеми жителями, ибо во дворце я нашел множество окаменевших людей, в различных положениях: одни, казалось, разговаривали между собою, другие шли, иные сидели, другие смеялись, некоторые шутили над приезжим из деревни челобитчиком, как то обыкновенно случается в передних комнатах дворца.

Утвердившись во мнении, что всё это произошло от колдовства, я был в нетерпении от желания узнать причины всего произошедшего и, если будет возможно, избавить от такого несчастья жителей этого многострадального города. Наконец прошел я во внутренние покои, желая посмотреть, не оказался ли государь благополучнее своих подданных. Повсюду блистающее богатство не привлекло взоров моих, любопытство препроводило меня к великолепному престолу, который я нашел в отдаленной комнате. Девушка невообразимой красоты сидела на нем, опершись на руку. Она так же, как и все, находилась в окаменении, но мра-

морная скорлупа не мешала видеть прелести и величия, рассыпанные в чертах ее, так что я не сомневался, что именно она была правительницей этой злосчастной страны. На коленях её лежало письмо, и казалось, что именно оно причинило печаль, видимую в лице девушки. Я любопытствовал узнать содержание его, и стал разбирать его сверху, переворачивал на бок, на другой, снизу, и хотя изучил все семьдесят два наречия, но не понял, как оно было написано. С досады бросил я его на пол, и в то же самое мгновение письмо обратилось в столб густого дыма.

Я отступил в удивлении, но не имел времени рассуждать о происходящем, ибо в тот же миг страшное девятиглавое чудовище, имеющее львиные ноги, исполинский рост и змеиный хвост, выскочило из дыма и бросилось на меня, чтобы разорвать на части. Когти передних лап его были больше аршина, и челюсти во всех головах наполнены были острыми зубами. Я обнажил саблю мою, призвал имя Добрады и одним ударом отсек зверю две головы и обе лапы. Кровь полила ручьём, чудовище застонало, но вместо отсеченных голов выросло у него по две новых, так что стало оно с одиннадцатью. Чудовище с новою яростью бросалось на меня, и я неумоимо отсекал его головы, но никак не смог бы я истребить его, поскольку каждый раз в отсечении одной головы вырастали две другие, если б не пришло мне в голову перерубить его пополам. Я напряг остаток сил моих и одним ударом рассек его. В то же мгновение пол разверзся перед моими ногами, земля растворилась и поглотила труп чудовища. Ужасный гром прогремел над моей головой, и раскаленные молнии падали вокруг меня, так что я со всею моею твердостью едва смог удержаться на ногах. Тьма покрыла всю комнату и полуденное время обратилось в мрачную ночь. Синяя светящаяся голова появилась из потолка. Она дышала пламенем и говорила ко мне следующее:

– Враг Сарагура! Так ты не освободишь царицу узров¹⁹ от чар. Убийством чудовища ты лишь поверг её с подданными в нескончаемые мучения, ибо передал им часть чувств, чтоб страдали они от угрызания нетопырей, зародившихся из трупа убиенного тобою чудовища. Ты никогда не сможешь сыскать превращенного жениха этой государыни, князя Печенежского. Сарагур погиб от руки князя Болгарского; следовательно, и колдовство его уничтожить некому.

Сказав это, привидение провалилось в пропасть, которая затворилась и пол выровнялся по-прежнему; причем тьма разделилась и обратилась в огненных нетопырей, которые бросились отчасти на царицу, прочие ж разлетелись и напали на всех жителей сего несчастного города. Окаменелая государыня в самом деле получила некие чувства, ибо испускала болезненный стон от укусов этих волшебных летучих мышей. Жалость пронзила сердце мое. Я бросился к ней на помощь, отгонял мерзких тварей, её терзающих, и выбился из сил, так ни в чём и не преуспев. В досаде и замешательстве поклялся я освободить эту злосчастную государыню и побежал, сам не ведая куда. По дворцу и улицам видел я страдание окаменелых людей, кусаемых нетопырями, и стон их наводил на меня ужас.

Я выбежал из города и тогда лишь вспомнил, что оставил в нём коня моего. Пожалел я, что потерял время напрасно и что должен буду назад воротиться, и в этом огорчении, потирая руки, я коснулся перстня и с радостью увидел, поворотившись назад, что конь мой стоял за мною. Я бросился к нему, приласкал его и воссел верхом.

– Милый конь мой! – говорил я. – Ты, конечно, ведаешь, где сейчас обретается превращенный князь Печенежский. Довези меня к нему! Ты, о конь мой добродетельный, видел несчастье жителей этого города и, без сомненья, сожалеешь о мучении их? Помоги же мне их избавить!

Конь проржал троекратно и, приподнявшись, ударил копытами в землю, отчего та расступилась, и я на коне опустился в пропасть.

¹⁹ Узры – народ славянский, живший по берегам реки Яика, которая ныне именуется Урал.

Если бы я не был обнадежен, что конь мой, погружаясь со мною в земные недра, поможет мне в избавлении несчастных узров, я конечно, усомнился бы в жизни моей, ибо скорость, с каковою летел я на иной свет, была чрезвычайна. Но я не имел времени предаться ужасу, поскольку в мгновение ока очутился на земле, освещаемой неким красноватым светом. Странные предметы меня окружали. Трава, находящаяся под моими ногами, казалась красной оттого, что вместо росы на ней лежали кровавые капли. Деревья были обагрены ею же, и вместо листьев росли на них человеческие головы страшного вида. Лишь только я почувствовал под собой землю, засвистали бурные ветры, и головы заревели мерзкими голосами. Они кричали мне: «О бедный Добрыня! Куда зашел ты? Погиб ты навсегда!» Должно признаться, что я не без трепета внимал таковому приветствию; однако, имея в мыслях доброе намерение, отважно продолжал я путь мой. Не проехал я и ста шагов, как несчетное войско полканов²⁰ напало на меня. Лица и руки их обагрены были человеческою кровью, глаза светились, как раскаленное железо, и с каждым дыханием их вылетало из ртов их сверкающее пламя. Тысячи стрел полетели в меня из луков их, и спасению своему я обязан был на этот раз единственно броне, подаренной мне Добрадой, отчего и не превратилось тело моё в сито. Полканы, заметив безвредность стрел своих, заревели от досады и бросились на меня с ручным оружием, состоявшим из громадных древесных стволов, выдернутых с корнями. Тогда-то и потребовалось мне всё проворство науки отводить удары саблей. Я махал ею во все стороны, рубил, колот и удивлялся действию моих ударов, а особенно силе задних копыт коня моего, поскольку, если пересекал я по десяти полканов за один взмах моею саблею, то конь мой разбивал их вдребезги по сотне одним ударом копыт. Скоро не видно стало нападающих. Они пали все до единого, и я последовал к представившемуся моим глазам зданию.

Если удобно привести воображение в самый ад, то кажется, и он не покажется столь ужасен, как это строение. Наружность его составлял плетень, свитый из всех родов ползучих змей. Головы их торчали наружу и испускали смертоносный пар, и свист их достаточен был, чтобы повергнуть в трепет самого бесстрашного человека. Кипящая кровью река текла вокруг плетня с хлопотанием. Чудовища неопишущей мерзости выглядывали из нее, глотали кровь и словно погружались. Исполин с двадцатью руками стоял на мосту и стерёг вход. Я видел множество богатырей, пытавшихся перескочить по мосту и неминуемо погибающих. Исполин хватал их, перекусывал пополам и бросал в реку, где чудовища их пожирали. Крылатые змеи страшных видов летали над зданием, сделанным из чистого стекла, в котором слышно было кипение смолы и серы. Великое колесо из раскалённого железа с острыми острогами вертелось в пропасти, где хлопотала горящая смола, с ужасными громом и стуком. Крылатые змеи нападали на исполина и старались, захватив его, повергнуть на колесо, он же с крайним усилием отбивался от них, беспрестанно между тем защищая вход покушающимся ворваться богатырям.

Не знал я, что заключить о поступках этого исполина. Непонятно мне было, каким образом он, находясь в очевидной опасности быть поверженным на раскаленное колесо, имел столько ярости умерщвлять людей, пекущихся, может быть, избавить его от нападающих змиев. Но взор на гибель множества столь отважных воинов исполнил меня справедливого гнева. Я бросился, чтобы спасти их и умертвить чудовище. При приближении моем к мосту гром и стук в пропасти усилились, так что казалось, весь свет превращается в ничто. Крылатые змеи устремили на меня пламенное сияние, чудовища речные завывали ужасными голосами, и исполин протянул на меня все двадцать рук, выпустив из них острые кривые когти, подобно тому, как выпускает их тигр, ловящий свою добычу. Мне потребовалось всё присутствие духа, чтоб не оробеть при виде этой ужасного зрелища. Я ударил наотмашь

²⁰ Полкан – животное, имеющее конский стан и вместо шеи верхнюю половину человека.

саблей по великану, и так удачно, что не у него осталось ни одной руки. Тот страшно заревел и бросился ко мне с разверстой пастью, чтобы меня проглотить, но второй удар отделил прочь его дебелиую голову, которая упала к ногам моего коня. Я соскочил, схватил голову за волосы, и в то же самое мгновение здание, все окрестности, труп великана, река и мост с ужасным треском обратились в густой дым, которым меня всего окутало. Земля заколебалась под моими ногами, и казалось, что, вихрем подхватив, меня понесло посреди непроницаемого мрака; однако я не упустил из рук головы великана.

Представьте, всепресветлейший князь, в каковом удивлении я был, обнаружив себя через несколько мгновений на площади пред дворцом царицы узров! Вместо головы исполина я держал в руках молодого человека редкой красоты. Я тотчас выпустил волосы его из моей руки, и молодой человек бросился ко мне с объятиями, он принес мне свою благодарность в чувствительнейших выражениях, восхвалял мою неустрашимость, и, словом, от него я узнал, что он-то и был заколдованный князь Печенежский. Я оглянулся вокруг и не видел уже ни одной каменной статуи, ни мучащих их нетопырей. Все приняли прежнее подобие людей и радостными восклицаниями наполнили площадь.

Между тем как народ стекался ко дворцу, любопытствовал я узнать причину жестокого поступка Сарагура и подробности несчастного приключения народа узров и избавленного мною князя, почему тот и начал.

Рассказ Печенежского князя

«Несчастья мои и Карсены, царицы страны узров, заслуживают сострадание всякого великодушного сердца, к каковым я и отношу ваше, ибо мы иных не заслужили. Я — владетель сильного народа, обитающего по обеим сторонам Аральского моря, или известных всему свету храбрых печенегов. Курус мое имя, и в малолетстве моем, по особому дружелюбию отца моего с царем узрским и славе наук, процветавших в этом государстве, воспитывался я при дворе родителя Карсены славным волхвом Хорузаном. Мой наставник знал все таинственные науки и имел книги Зороастра, однако никогда не употреблял власти своей к произведению зла и чародейные книги персидского волхва хранил с великой заботой. Сарагур, известный свету своей свирепостью, был родной брат отцу Карсены и также был в числе учеников Хорузана. Лютый нрав его был замечен еще с малолетства, и по этой причине Хорузан скрывал от него все, чем только могла подпитаться его злоба. Я и царевна узрская росли вместе, мы почувствовали взаимную страсть, и от времени любовь наша стала беззаветной. Царь узрский со удовольствием взирал на наши чувства, как на средство, благодаря которому две могучие державы объединятся, ибо Карсена была единственная дочь его, а я был наследником престола в моем отечестве. Но и Сарагур мечтал через брак со своей племянницей получить корону. Я пресекал его надежду и потому был предметом его жесточайшей ненависти. Однако он не смел ни нападать на меня, зная милость ко мне своего брата и любовь всех узров, ни покушаться на жизнь мою, когда покровительствовал меня Хорузан, потому удалился он из отечества и тайными происками довел до крайнего разрыва народы печенежский и узрский. Дружба правителей их разрушилась, разгорелась жестокая война, и я отозван был ко двору моего родителя. В слезах расстался я с моей возлюбленной. Мы оба были в отчаянии, но уверили друг друга в том, что сердца наших ничто разлучить не сможет. По приезде я едва успел я застать в живых моего отца. Жестокая болезнь лишила меня его на другой день моего приезда. Я взошел на престол, остановил неприятельские действия и чрез торжественное посольство стал искать у царя узрского возобновления ко мне его прежних милостей, потребовал его дочь себе в супруги и передавал ему скипетр печенежский в залог моей к нему преданности, не желая при жизни его нигде быть владетелем, кроме сердца Карсены. К несчастью, Сарагур возвратился ко двору своего брата. Он

в странствиях своих преуспел в изучении чернокнижной науки, предательски убил нашего наставника Хорузана, завладел книгами Зороастра и вскоре стал страшен и самому аду и своими магическими чарами сумел отвратить от меня сердце царя узров. Все мои предложения были отвергнуты, и я вынужден был вести оборонительную войну, поскольку и самый мир мне был не дозволен. Я поручил управление государства и войсками моим вельможам и военачальникам, а сам тайным образом стал видеться с Карсеной, питая надежду, что если даже не смогу покорностью своей убедить отца ее, то хотя бы попытаюсь её саму склонить к бегству в мое государство.

Между тем Сарагур со всею своею чародейною помощью не мог ни склонить сердца Карсены, ни довести царя-брата согласиться на такой кровосмесительный брак, ибо некая покровительствующая ей волшебница, по имени Добрада, в том ему препятствовала. Однако ж он нашел время, в которое ему удалось отомстить своему брату за мнимое презрение. Он отравил его, постарался похитить престол и силой жениться на Карсене. Убийство его открылось, всеобщая ненависть народа к нему усугубилась, и он вынужден был оставить государство, поскольку опасался смерти. Поистине, есть часы, в которые и колдуны не бывают в безопасности. Карсена была возведена на престол, и я предстал перед ней, уже увенчанной царской диадемой. Только тот, кто страстно любил и был любим взаимно, может представить нашу радость. Я был объявлен женихом царицы узров, и уже был назначен день, в который следовало соединиться двум могучим державам, навеки прекратиться вражде их народов и мне предстояло стать счастливейшим из смертных. Я сидел у возлюбленной моей Карсены, разговоры наши исполнены были нежности, прекрасная рука её прилеплена была к устам моим; вдруг сильная буря вырвала оконные рамы в комнате, где мы сидели, густое черное облако влетело к нам, и из него выскочил Сарагур во всем своем страшном наряде. В руке держал он жезл, обвитый змеями, зодиак висел через плечо, и страшная пена била из рта его. «Изменники, – вскричал он, – вы не долго будете ждать возмездия за оказанное мне поругание!» Затем он пробормотал некие непонятные слова, бросил письмо на колени моей возлюбленной, и в то же мгновение увидел я её обращенную в камень. «Не может быть иного состояния, более пристойного твоему нечувствительному ко мне сердцу», – издевательски сказал он мне. Вся кровь во мне закипела. Я хотел было обнажить меч мой и наказать мучителя, но руки мои мне не повиновались. Чародей наслаждался моим бессилием и продолжал: «Я презираю гнев твой, ничтожный князь! Ты никогда не будешь владеть своею Карсеной. Она же хоть и будет иметь прежние к тебе чувства в своем окаменении, но никогда уж тебя не увидит, равно как и ты ее».

С этими словами он подхватил меня за волосы и помчал по воздуху. Я увидел всех людей и тварей во всем государстве узров, превратившихся в камень. Наконец чародей провалился со мною под землю, где произвел всё, что вы видели: и то ужасное здание и чудовищ, крылатых змиев, и меня самого представил исполином, коего вы убили и тем разрушили наведённые им чары. Я должен был мучиться беспрестанным страхом от змиев, поминутно старающихся подхватить меня и повергнуть в горящую пропасть на раскаленное колесо. Я имел прежние чувства к моей несчастной царице и терзался отчаянием, что никогда её не увижу и что никогда не освобожусь от моих пыток, ибо чародей, предвидя по своей науке, что мне должно быть освобожденным богатырем, не рожденным от матери (как сам мне о том сказал он для усугубления моего отчаяния), учредил для устрашения его пугающие деревья с человеческими головами, войско полканов и приведенных витязей, которых я с крайним отвращением и муками совести, против воли моей истреблял. Сарагур полагал, что подобное зрелище способно устрашить любого смертного от покушения, и я не ожидал моего спасения, потому что не думал, что на свет когда-либо явится богатырь, не рожденный матерью. Но вы, храбрый избавитель, разрушили злые чары и возвратили бытие целому народу».

* * *

Князь Печенежский окончил свой рассказ, и мы увидели царицу узрскую, идущую к нам со всем двором своим. Я не стану описывать восторг влюбленной четы и силу благодарности, которой платили мне все узры за свое избавление. Карсена уведомила меня, что она имела все чувства во время своего окаменения, что трепетала обо мне, когда я сражался с чудовищем, что терпела несносные муки от огненных нетопырей, и что была избавлена от них представшей перед ней женщиной в белом одеянии, в которой я по описанию признал Добраду, и которая возвратила прежний вид всем её подданным и уведомила ее, что заклятие Сарагура уничтожено мною, и что жених её избавился от своего мучительного превращения и что счастьем их отныне не будет более препятствий, поскольку Сарагур погиб от руки Болгарского государя. Сама же волшебница после того стала невидимой, добавив, что и об имени её мы в своё время узнаем от своего избавителя.

Я уведомил царицу узров, что она со всеми своими обязана не мне, но всегда покровительствовавшей их волшебнице Добраде, которой я был приведен в её государство и был ею укрепляем в моих подвигах. Но это не мешало изъявлять им свое ко мне признательность. Они убеждали меня остаться с собою и стать участником их счастья и напастей на всю оставшуюся жизнь, и даже князь Печенежский предлагал мне свое государство во владение, но я, будучи предопределен моей благодетельницей совсем к иному роду жизни, отверг это предложение и ненадолго остался при дворе узрском. Ровно настолько, чтобы увидеть совершившееся желание нежных возлюбленных и всеобщую радость соединенных узров и печенегов, составивших с того часа единый народ. Желание заполучить меч Сезостриса не давало мне покоя. Я простился с царственной четой к крайнему их сожалению, потер мой перстень, увидел моего коня, воссел на него и продолжал путь мой, позволив коню везти меня, куда он хочет.

Через несколько дней въехал я в пространную долину, которая вся была покрыта человеческими костями. Я сожалел о судьбе погибших и лишенных погребения и предался размышлениям о причинах, приводящих смертных в столь враждебные против себя поступки. Но задумчивость моя пресеклась тем, что конь мой вдруг остановился. Я понуждал его ступать вперед, но он ни на шаг не двигался. Я окинул взором окрестности и увидел пред собой лежащую богатырскую голову отменной величины.²¹ Жалко стало мне видеть эту часть тела, валяющуюся, быть может, между погаными костями. Я сошел с коня и вырыл яму, вознамерясь предать земле кость богатырскую. Окончив рытье, поднял я голову и увидел под ней огромный медный ключ. Окончив погребение и, по обычаю, воздвигнув над ним приметный камень, воткнул я мое копьё над гробом, ибо не было никакого иного оружия, кое следовало повесить над могилою богатырскою, и в честь этого не пожалел я копья моего. Потом взял я ключ и прочел на нём следующую надпись на славянском языке: «Доброе дело не остается без награды. Возьми сей ключ и шествуй на восток. Ты найдешь медную дверь, и сей ключ учинит тебя владельцем великого сокровища...»

«Но на что оно странствующему богатырю!» – подумал я и хотел было продолжать путь мой, но конь мой не вез меня никуда, кроме как на восток. Я принужден был следовать его желанию, и он остановился перед утесом высочайшего хребта Рифейских (Уральских) гор. Я увидел медную дверь, заросшую мхом, полюбопытствовал узнать хранимое за нею сокровище, ибо не сомневался, чтоб не к этой двери был мой ключ. Я отпер двери. Пространная палата, вытесанная в горе, представилась глазам моим. Не нашел я там никаких

²¹ Богатырские кости признавались по отменной толстоте своей, и богатырь, находящий их без погребения, должен был их предать земле.

сокровищ, но был довольнее, чем если бы овладел сокровищами всего света, увидев в одном углу множество доспехов богатырских, в другом углу – охапку копий булатных, в третьем – множество мечей. И я уже надеялся обрести между ними клинок Сезостриса. Но, перебирая их порознь, меч мой с меня не спадал, следовательно, и не находилось тут искомого, хотя все они были редкой работы. Во время этого упражнения громкий человеческий чих обратил взор мой в четвертый угол, в котором я увидел лежащего воина, только что пробудившегося от глубокого сна. Я подошел к нему и со всей вежливостью спросил, кто он и кому принадлежит эта палата, хранящая столь великие богатырские сокровища. Воин встал и с глубоким поклоном ответил мне: «Все это принадлежит вам, ибо вы имеете ключ от кладовой сильного, могучего богатыря Агрикана, а посему и я верный ваш слуга Тароп». Любопытно мне было узнать побольше как об Агрикане, так и о нём самом, почему и попросил я его объяснить мне о том поподробнее.

И Тароп мне поведал следующее:

Рассказ Таропа

«Откуда родом был славный и сильный богатырь Агрикан, почти никто не ведает, а известен он стал по великим своим делам. Не осталось ему соперника, ни поборника на белом свете во всю его жизнь. Я верно служил ему двенадцать лет за то, что отнял меня у Бабы Яги и воспоил, вскормил меня вместо отца-матери. Проехали мы с ним все море Хазарское (Каспийское), всю землю Заяицкую и всю землю Закамскую, побили войска сильные и покрутили могучих богатырей, доспехи и оружие которых вы здесь видите, но я так и не смог узнать, откуда Агрикан родом был и как величали его по отчеству. Наконец Агрикан преставился. Перед смертью он учинил завещание, чтобы я проклинал клич во всю землю и созвал бы сильных, могучих богатырей, чтоб они похоронили его близ устья Сакмары-реки, где она впадает в Яик-реку, и, совершив по нему тризны²², переведались между собою за его сокровища. Кто останется победителем, тому и палата сия, тому и я достанусь, верный Тароп-слуга. Я исполнил его повеление, отвез его тело на то место, где он велел себя похоронить, и скликал сильных, могучих богатырей. Они съехались, предали тело Агрикана земле со всякими почестями, насыпали над могилою высокий курган²³ и справили тризны. Потом выбрали для побоища то место, где ты видел множество человеческих костей. На этом побоище было богатырей трижды тридевять человек. Они осмотрели сперва кладовую Агриканову и о его сокровищах возрадовались, ибо я пересказывал им, чьи были доспехи, какого богатыря меч-кладенец или копье булатное, и всякому хотелось заполучить во власть свою то, что Агрикан собирал всю жизнь свою и своею добыл рукой крепкою. Они бились дней трижды тридевять, не пиваячи, не едаючи, с добрых коней не слезаячи, и все погибли, кроме одного сильного, могучего богатыря Еруслана Лазаревича. Он остался победителем, ему я отдал медный ключ и самого себя в услуги верные. Мы приехали в сию палату. Но поскольку Еруслан напоследок бился с богатырем Косожским и ему силы почти равной, то и получил рану крепкую. Он заночевал со мною в этой кладовой своей, и рана его загорелась огнем смертным. Он призвал меня голосом болезненным и вещал ко мне: «Ты гой еси, верный Тароп-слуга! Вижу я кончину свою скорую, не жить уже мне на белом свете, не владеть сими сокровищами. Я видел ныне во сне сильного, могучего богатыря Агрикана. Он возвестил мне конец мой и велел тебя со всеми сокровищами запереть в сей палате, а мне, взяв ключ, идти на ратное поле и там посреди прочих богатырей окончить жизнь мою. Я оставляю тебя.

²² Тризны – поминовение усопших, по обычаю славянских идолопоклонников.

²³ Этот курган, или холм, виден до сей поры и находится верстах в трех от Оренбурга, в правой стороне, едучи к сему городу от Казани.

Ты будешь спать сном богатырским ровно тридевять лет, а я столько же лет буду лежать без погребения, пока через все это время не выищется добродетельного богатыря, который бы, наехав, сжалился над моими костями и предал бы их погребению. Однако не опасайся, ты не останешься навечно в своём заключении. Найдётся богатырь, от которого и твое имя учинится в вечной памяти и коему ты послужишь верой-правдою». Сказав это, простился Еруслан со мною, запер меня в этом месте, и я спал все эти годы, не просыпаячи. Теперь же вижу, что настает мне служба великая; для того не сомневаюсь, чтоб не вы были тот славный богатырь, который погреб кости Еруслановы и у которого определено мне в верных услугах прославиться».

* * *

«Я обрадовался, что достал себе такового слугу доброго, подарил ему с правой руки золотой перстень, данный мне между прочими дарами от царя узрского. Тароп обрадовался моей награде и на вопрос мой: «Что нам пользы в сей сбруе ратной, когда мы уже имеем на себе все доспехи богатырские?» – отвечивал:

– Должно сказать вам правду, что все это собрание означает только тщеславие Агрикана. Он хотел перевести всех славных богатырей своего времени только для того, чтоб после показывать потом снятые с них, низложенных им, доспехи. Но какая польза из всей человеческой суетности! Никто не видал плодов его побед. Он умер; чувствует ли он то удивление, кое только одно осталось в свете в его памяти? Однако ж, как не было ни одного храброго человека, который бы не оставил из подвигов своих плода, полезного потомству, то и Агрикан положил основание к славе вашей, которую вам необходимо приобрести, владея копьем Нимрода, хранящимся между этим оружием. Сила его неизреченна. Никакое оружие, даже заколдованное, не в силах выдержать его ударов; напротив, само оно ни от чего не сокрушится. Я расскажу вам его происхождение, каким образом его заполучил Агрикан, как слушал я это от исполина Аримаспа, хранившего это копье и рассказавшего это мне после низложения своего на поединке с Агриканом. Нимрод – был царь Вавилонский, который был исполином из числа воевавших против Перуна, и притом великий чародей. Когда они громоздили гору на горы, желая взойти на небо и овладеть жилищем богов, то при низложении всех их громовым Перуновым ударом остался жив только один Нимрод, ибо ему отшибло только ногу. Он успел схватить обломок громовой стрелы и скрыться с ним в земном ущелье. Из этого обломка с помощью своего магического искусства сковал он копье себе, но гнев богов постиг его за такое святотатство. Он соорудил оружие на собственную погибель, для того что никакой металл не мог ему навредить, а этим же самым копьем, похитив его у сонного Нимрода, убил его агарянский витязь Дербал. По смерти Дербала, это копье получил по завещанию царь Навуходносор и, наконец, Кир, царь Персидский, по завоевании Вавилона нашел его в царской сокровищнице. Когда Кир погиб от руки царицы саков, копье это было похищено волхвом Зороастром, или Цердучем. Он же из зависти, что Нимрод смог достать часть божественного Перуна и сделать таковое непобедимое оружие, пожелал его уничтожить, но, не сумев его разрушить, решил скрыть его всего света. Для этого он волшебством своим разорвал величайший утес Рифейских гор, положил в расселину копье и велел горам сойтись по-прежнему. Но и этим он не удовольствовался, но воздвиг своими чарами железного исполина, препоручив ему убивать всех мимо проходящих, дабы в том числе не избег смерти и тот, кто, по какому-нибудь случаю проведав о копье этом, вознамерится его достать из горных недр. Этого-то волшебного исполина и раздробил своей дубиною одноглазый великан Аримасп. Проведав от славного волхва Хорузана о месте, где копье хранится, достал он его и так возгордился своей добычей, что, воткнув копье на том же самом месте, где его обрёл, стал скликать к себе всех богатырей для сражения за это копье.

Множество славных воинов покушались овладеть столь редким сокровищем и заплатили за это своею жизнью. Аримасп побил всех их своей палицей. Наконец слух дошел и до нас. Агрикан в ту же минуту поскакал искать Аримаспа и сразился с ним. Я не могу вам подробно описать их ужасную битву, всю силу великана и неслыханную крепость Агрикана. Великан имел железную палицу величиной с самое великое дерево. Ею сражаясь, ударил он Агрикана в самую голову столь жестоко, что палица разлетелась в мельчайшие кусочки, но Агрикан только пошатнулся. В том-то и состояло несчастье великана, что он не имел при себе никакого иного оружия и, лишившись своей палицы, вынужден был драться одними кулаками. Но что уже могли они, когда бессильна была и палица? Он лишь сбил себе все руки в кровь, и Агрикан только смеялся его слабости, не причиняя никакого вреда своим оружием. Наскучив продолжать шутку, дал он ему такой толчок в брюхо, что Аримасп отлетел сажень на триста и растянулся, как гора, без памяти. Агрикан не хотел лишить его жизни и имел благодаря тому даже больше славы, поскольку исполин, отдохнув, стал пред ним на колени, признал себя побежденным и вручил копье Нимрода, просил себе пощады, и рассказал всю поведанную вам повесть. Агрикан, приняв копье, даровал ему жизнь с условием во весь век его, чтобы не нападал он ни на одного славянина (это всё от того что Агрикан сам был из этого народа). Исполин клятвенно ему это обещал и пошел за море Хазарское. Мы три дня ехали, а Аримасп всё это время шёл от нас прочь, но едва ли на четвертый день скрылся он из виду. Так велик был рост его».

* * *

Рассказав эту повесть, Тароп показал мне копье, ибо сам никак не мог поднять его. С великим восхищением принял я это редкое оружие во власть мою. После чего Тароп предложил мне взять коня Агриканова, хранившегося в одном потаенном чулане вместе с его лошадкой. Я согласился воссесть на него, для сбережения моего коня к лучшим подвигам, нежели к продолжениям пути, и на этом Агрикановом коне приехал я, заперев кладовую мою и отдав ключ от нее слуге моему Таропу, ко двору государя Болгарского, в столичный град его Боогорд.

Ужасное смятение происходило в этом городе. Государь гнал своих подданных с глаз своих, а народ ненавидел своего монарха. Исполин Тугарин Змеевич овладел всею благосклонностью князя Болгарского. Тот же пообещал сестру свою Милолику в супружество чудовищу, и только на этом условии прекратил тот опустошать царство Закамское. Но я не распространяюсь о подвигах этого чародейного гиганта, надеюсь она вам известна, пресветлейший князь, ибо как я слышал, княжна Болгарская после похищения досталась в ваши объятия и, разделяя с вами добродетели и скипетр Российский, конечно, рассказала о происхождении и злобе Тугарина. Итак, я сообщу только, что если этот великан прекратил опустошать государство князя Тревелия, то произвел то же во нраве этого государя. Он развратил и заразил его своею лютостью. В некогда справедливом и человеколюбивом государе народ увидел мучителя и проливал кровь свою, теряя к нему любовь и почтение. Один только страх перед исполином удерживал бунт, готовый вспыхнуть величайшим пожаром. Но время это приближалось с прибытием моим ко дворцу.

Понравился я Тревелию несказанно. Он принял меня в услужение и, видя склонность мою к оружию, определил хранителем своей оружейной палаты – чин первый в государстве, после военачальника. Тайное побуждение влекло меня принять милость эту с благодарностью. Тугарин, предчувствуя силу моего оружия, возненавидел меня с первого взгляда; и ненависть его умножилась, когда я, представленный ему чрез князя, не захотел воздать введенного для него коленопреклонения. Поскольку я на побуждения к тому Тревелия отвечал: «Как можно мне поклониться богатырю, сил коего я еще не ведаю. Я не считаю себя

ничем его слабее; и если хочет он моего коленопреклонения, пусть принудит меня к тому оружием». На этот досадный ответ исполин не сказал ни слова, и князь не принуждал уж меня более.

Настало время величайшего моего счастья. Я вошел во оружейную палату для осмотра вверенного мне оружия. Казалось, что богатства персидские заимствовали из этой палаты. Но не надо было мне подробно говорить о редкости оружия. Я не имел времени рассмотреть его, поскольку меч мой спал с меня почти при самом входе, и я увидел чудный меч Сезостриса, колеблющийся посреди прочего множества висящего оружия. Восторг мой был невообразим! С коленопреклонением принял я этот клинок, словно дар богов, препоясал им чресла мои и, надеясь на слова благодетельствующей мне Добрады, уверен был, что с этого часа совершу множество славных подвигов и буду истинным защитником гонимых и добродетели. Меч этот не имел никакого украшения, но вес его был в полтора пуда и крепость в нем была непонятная. Вы, пресветлейший князь, – продолжал он обращаясь к Владимиру, – видите его на бедре моем».

Владимир удивлялся и получил великую надежду в силе богатыря, который повествовал о себе далее.

«Очевидно Тугарин по своей колдовской природе предчувствовал, может быть, что я овладел мечом Сезостриса, и избегал меня. В это же время была похищена княжна Милолика. Ярость исполина стала ужасна, но не смел он в период моего пребывания при дворе обрушить мщение свое на болгар, которых считал участниками в её побеге. Он лукавыми советами пробуждал озлобление в Тревелии и приводил ему подданных в подозрение. Кровопролитие, неправосудие и бесчеловечие князя приводили меня в жалость, но я не мог напасть на учинителя всего этого, хотя ведал, что Тугарин был виной всему, ибо опасался раздражить тем покровительствующего мне князя и ожидал только удобного случая, чтобы низложить это чудовище.

Между тем в пределах Болгарии появился ужасный полкан, вышедший из степей застраханских и стал опустошал стада, отгоняя лучший скот и поедая. Отважные люди покушались убить его, но тысячами погибали от сильных рук его. Тщетно Тревелий просил великана защитить свое отечество от этого хищника. Тугарин отбрыкнулся от работы и сказал еще князю с насмешкою, что его богатырь Добрыня вполне сможет сослужить ему эту службу. Дошел о том слух до меня. Я вызвался привезти ему голову полкана, но с условием, чтобы после этого дозволил он мне принудить Тугарина со мною биться. Князь, убежденный в разорении своего государства, позволил мне это и дал свое государское слово, как ни привязан был склонностью к исполину, ибо приворочен был им магической силою.

Я выехал, нашел полкана и сразился с ним. Не нужно описывать это побоище, поскольку не было в том ничего чрезвычайного. Бесплодно бросал в меня полкан камни величиною с горы и пускал свои трехсаженные стрелы. Я напал на него, сбил его с ног, сорвал с него голову, привез в Боогорд. Болгарскую столицу я нашел в великом смятении. По выезде моем на полкана исполин стал воздействовать на народ чрез князя всею лютостью. Он надеялся открыть пытками место, где скрывается княжна. Кровь проливалась, и бесчеловечие было тем ожесточеннее, что Тугарин был не удерживаем опасностью, которую чужал исходящей от меня. Народ взволновался; воины, чернь, жрецы, весь город бежал с оружием, и верховный жрец нес истукан Чернобогов. Восклицание «Да погибнут мучители!» было единым звуком, слышанным во всеобщем шуме. Безумная чернь хотела погибнуть или убить исполина. Она и погибла бы, если бы предшествующий толпе божественный истукан не представлял ужасного вида для Тугарина. Он видя, что силу его колдовства удерживают заклинания жрецов, обратил всю злобу свою на несчастного князя. Он проглотил Тревелия и удалился из Болгарии».

* * *

Владимир чрезвычайно пожалел о гибели своего родственника по жене и о том, что до тех пор не веровал в Чернобога, который, как узнал он из повествования Добрынина, властен бы был отогнать это чудовище, опустошающее пределы Киевские. Богатырь уверял его, что такового уже теперь не нужно, что довольно единого его оружия, чтобы освободить не только Киев, но и весь свет от этого вредного великана, и просил дослушать повесть.

«Я умирил мятущийся народ, собрал всенародный совет, уговорил вельмож не приступать к выбору государя, покуда я не отомщу исполину за злосчастного Тревелия и не отыщу их законную государыню Милолику. Повиновались моему совету, и правление принято вельможами, а я следовал по следам исполина до самого Киева.

Во время пути узнал я, что вы, пресветлейший князь, получили с сердцем прекрасной княжны и право на Болгарский престол. Проведал я, что опасность от нападения Тугарина окружила престольный град твой. Я пришел посвятить себя на всю жизнь мою в верные услуги твоего величества и начать их истреблением Тугарина и покорением, в случае противления, царства Болгарского. Я обещаюсь привезти тебе воткнутую на это копье голову исполина и ожидаю лишь повеления начать схватку».

Добрыня окончил свою повесть и поверг себя на одно колено пред великим князем. Владимир, восхищенный приобретением такого поборника, восстал со своего престола, снял с себя золотую гривну²⁴ и возложил её на Добрыню.

– Этот залог моей милости, – сказал он, – да уверит тебя, что в период государственного моего вменения я иметь богатыря сильного и могучего таковых заслуг, каковые ты имеешь. Вид твой уверяет меня довольно, чего должна ожидать от храбрости твоей земля Русская и что предстоит от руки твоей Тугарину.

Затем он повелел отвести Добрыне жилище в своих златоверхих чертогах и оказывать ему достойные почести. Добрыня по принесении благодарности отошел на отдых после трудов дорожных, ибо солнце клонилось уже к западу, и наутро определен был ему подвиг на Тугарина.

Бирючи (глашатаи) ходили по всему пространному Киеву, возвещали народу, чтоб наутро выходили на стены городские смотреть побоище. Алтари курились возношением к бессмертным, жрецы благословляли исход богатыря своего, проклинали исполина, и сам первосвященник стоял на коленях пред истуканом Перуна, поскольку уповал, что Добрыня приведет ему Тугарина связанного и он будет иметь честь самолично перерезать глотку чудовищу. Великий князь с сердцем, исполненным упования, отошел в покои своей супруги и утешал ее, проливающую слезы о гибели брата.

Багряная Зимцерла²⁵ распростерла свой пламенный покров на освещающееся небо и разноцветными огнями устилала путь всемирному светилу, которое осияло нетерпеливых киевлян, уже ожидающих решения судьбы своей на стенах градских. Все валы, бойницы, башни, кровли зданий покрылись народом. Сам великий князь со светлейшею супругой своей и вельможами, окруженный телохранителями, взшел на возвышенное и нарочно для того приуготовленное место на великих вратах и ожидал выезда богатыря, чтоб из своих освященных рук окропить его чудотворными водами божественного Буга.

Наконец звук бубнов и гром рогов ратных возвещает исход богатыря на подвиг. Сто тысяч всадников, облаченных в позлащенные доспехи, с воздвигнутыми копьями, начинают

²⁴ Золотая гривна значит цепь, которую носили на шее только монархи и те, коим за великие заслуги от оных был жалован сей знак отличия.

²⁵ Зимцерла – богиня зари, или славенская Аврора.

предшествование. Они выезжают из врат и становятся в полукружие близ стен Киева. Богатырь появляется напоследок, окропленный уже во вратах из рук княжьих. При взоре на него народ поднимает радостные восклицания. Воинство русское потрясает непобедимыми своими копьями в честь храброго богатыря... Но следует здесь привести описание его особы, оставленное нам в песнях, в похвалу его сочиненных и воспеваемых через многие века в пример витязям времен позднейших.

Красота молодости и грозная неустрашимость соединялись в чертах лица его, чтоб представлять вид величия всем на него взирающим. Живой огонь, блистающий в очах его, возвещал надежду, обретаемую народом уже при самом его появлении. Курчавые светлые волосы колебались, рассыпанные из-под блестящего шлема и, кажется, спорили с крепостью широких плеч, силу ли или прелести их предпочитать должно. Белизна рук равно как бы жаловалась, для чего отделившиеся мышцы и твердые жилы таят нежность десницы, ужасающей природу; но Нимродово копьё уверяло, что не слабым прелестям управлять им удобно. Горящая от золота броня соединяла пламень свой с пылающим в сердце витязя, и закаленный металл не дерзал противоборствовать крепости плеч его. Он распространялся и сжимался с каждым его дыханием. Конь, посрамляющий бодрость и неукротимость водных коней, ужасающих жителей берегов Нила, гордился своим бременем и не хотел касаться земли. Звук бубнов возжигал кипящую кровь его, и дыхание его излетало в пламенном паре. Верный слуга Тароп в седирах своих, смелом и веселом виде показывал, что только ему следует следовать за победителями целого света. Он вез щит господина своего, изваянный из непроницаемого мозга гор Кавказских и никогда им не употребляемый. Перья камских орлов выглядывали из-за плеч его, скрывая перуны, изобретенные смертными в позлащенном туле (колчане для стрел). Напряженный лук грозил из-под щита господского, готовый бросать смерть во врагов добродетели... Таков был вид исходящих в защиту Киева.

Добрыня Никитич уже за вратами, ратное поле представляется очам его, и шатер противника воспламеняет его храбрость. Он с покорным видом обращает коня своего пред лицо великого князя и троекратно до земли уклоняет копьё булатное.

– Великий обладатель россос и всего славенского племени, – возглашает он, – достойный тебя, победителя гордых, указ несущий на казнь Тугаринову. Сейчас исхожу отомстить за тебя, твою пресветлейшую супругу и за добродетель.

– Гряди в час, покровительствуемый богами, – отвечал Владимир и посылает к нему «злат перстень с правой руки, а великая княгиня – ширинку шелковую златошвейную». Богатырь уклоняется от главы коня, тронутый сею милостью, надевает перстень на десницу свою, а ширинку прицепляет к перьям, шелом украшающим. Звук бубнов вновь начинается, троекратный клик воинства потрясает своим ратным гласом долины днепровские. Сильный, могучий богатырь укрепляется в стремених своих, отдает копьём честь государям и разъяряет коня острогами. Тот летит в поле, как молния, и бугры белых песков киевских, раздвываясь на обе стороны облаком, означают путь витязя, провождаемого радостными воплями народа.

Спящий исполин пробуждается, колдовское сердце его порождает предчувствие грозной ему гибели, а адская злоба, его одушевляющая, разливает яд лютости в черной крови его. Рев его при слышании противника уподобляется бурливым ветрам, вырвавшимся из ущелий горных. Мятающийся, свирепствующий, садится он на чародейного коня своего, проклинает богов и Владимира и с распростертыми руками стремится на богатыря, чтоб схватив, проглотить его. Увидев страшного себе оружейника князя Болгарского, он запинается, трепещет его, как и прежде, но род духов темных, его окружающих, подстрекает его к бою. Он надеется на свою непроницаемую броню, сооруженную всем искусством ада, простирает дебелие руки и стремится вперед с вящей яростью. Кровавая пена брызжет из пасти его, подобной жерлу kloчущего вулкана.

Добрыня насмехается злобе его и не обращает оружия, чтоб тем еще более раздражить его. Трепещущие сердца зрителей и очи их обращены на своего витязя, все исполнены ожидания.

О муза, к тебе только должен я вознести мою жалобу! Для чего не был я свидетелем побоища, которого свет никогда уже не увидит? Я воспел бы то тем более убедительно, чему удивляюсь только по одним слухам, доставившим это повествование перу моему! Ты, о муза, современная всем древнейшим подвигам, возгласи ныне чудеса, ожидаемые моими читателями!

Уже руки исполина, толщиной подобные дубам, равнолетним земле, растущим в лесах Брынских, висят над головою Добрыниной, уже длани страшные закрывают богатыря от очей ужасающихся зрителей. Они уже боятся увидеть его погибшим и в болезненных криках являют свои страдания. Между тем богатырь силою чрезмерной отбивает только кулаками руки Тугарина, и тот с болезненным стоном опускает их, не стерпев ударов. Он наклоняется с коня, разевает рот, кусает богатыря из всех сил, но поверите ли, читатели! – исполин, крепко стиснув челюсти, в один миг лишается всех зубов своих. Как камни, отторгнувшись с верху гор, падают они с ужасным стуком и потрясают землю, а богатырь получает только синяк от давления, от коего треснула бы гора алмазная. Добрыня, почувствовав боль, рассвирепел. Он решил прежде всего лишить Змеинова сына его коня, пособляющего ему в нападении. Поражает копьём Нимродовым грудь этого адского животного, воздвигнутого злыми чарами.

Сила сокрытого в копье Перунова огня уничтожает гееннское произведение, конь рассыпается в прах; земля, разверзшись со страшным треском, поглощает смрадные остатки твари, и сам исполин увязает в сступившейся земле. Но вот он выдирается и с вящею злобою зияет на Добрыню. Так бросается бешеный пес на презирающий его камень. Между тем богатырь продолжая подвиг, исторгает меч Сезостриса и ударяет им в грудь чудовища, желая одним ударом низвергнуть его в ад. Волшебная броня оказывает ему последнюю помощь. Она спасает жизнь Тугарину, но сама рассыпается и превращается в дым, который поднимается в густом облаке на воздух. Князь адский со всем сонмищем своим в виде ужасных змиев является и поглощает остатки своего порождения. Громы гремят, вихри наполняют мраком чистое поле ратное, а изумленные зрители со стен боятся видеть разрушение природы. Уже оплакивают они гибель своего защитника. Но мрак рассеивается, и они видят богатыря, гонящегося с мечом за удаляющимся в трепете исполином. Гибель его неизбежна! Меч занесен почти к нанесению ударов. Взирающий князь и все множество народа отдыхают и готовы провозгласить победу. Вдруг злые духи спешат на помощь возлюбленному своему чаду, заслоняют исполина, испускают пламенную реку на Добрыню, но та не дерзает выступить против влажности вод священного Буга, обращается вспять и опаляет чудовище. Тугарин возревел, и духи, сберегая другой плод своей злобы, поднимают его на воздух. В мгновение не видно стало змиев, и является только Тугарин, парящий на крылах бумажных²⁶. Он

²⁶ К крайнему моему сожалению, в пожарный случай погибло у меня собрание древних богатырских песен, между коими и о сем подвиге Добрыни Никитича. Голос оной и отрывки слов остались еще в моей памяти, кои и прила-

опускается к горе Киевской, отрывает великую часть её и, воздвигнув на высоту, налетает на богатыря, чтоб раздробить его. Вопли ужаса предвещают устами народа опасность неустрашимого богатыря, который без робости идет навстречу всем нападениям случая и подставляет только одну расширенную ладонь на отражение горы, готовой на него обрушиться.

В это смятенное мгновение неустрашимый и привыкший к опасностям Тароп видит опасность, грозящую господину его. Он вынимает стрелу свинцовую, окропляет оную водами бугскими, напрягает лук и поражает чародейные крылья Тугарина. Силы адские отваливаются и оставляют исполина, который упускает камень и стремглав разбивается о землю. Добрыня Никитич завершает судьбу его. Он сходит с коня, наступает ногою на горло чудовищу и сильною своею десницею срывает страшную голову с дебелих плеч и, вонзая на копье, возглашает победу, а Тароп подтверждает оную, вострубив в ратный рог. Чудовище, кончая жизнь, трепеталось столь жестоко, что выбило ногами превеликую долину, поднесь еще на месте оном видимую, а кровь его на три часа произвела в Днепре наводнение.

Богатырь довольствовался восхищением об исполнении своего обета и упражнялся в похвалах верному своему Таропу-слуге, неустрашимость коего достойна была этого лестного признания.

Между тем истребление исполина, видимое со стен киевских, произвело великое торжество. Радостные рукоплескания и восклицания: «Да здравствует великий князь и сильный, могучий богатырь его Добрыня Никитич!» – наполняли воздух. Воинство потрясало оружием и сообщало вопль торжественный с гласом народа. Победитель хотел ехать, принести отчет о своем подвиге великому князю, но узрел того шествующего к нему, со всем великолепием двора своего. Он не сажился на коня и шествовал пешим навстречу государю, неся знак победы своей, который с коленопреклонением поверг к стопам Владимира... Я не распространяюсь в почестях, воспрятых Добрыней от монарха русского и его подданных. Довольно сказать: Владимир умел награждать заслуги и справедливые россы платить благодарения.

Но радость и приветствия должны были прерваться, чтоб с еще большим весельем проводить торжествующего Владимира в его столицу. Увидели труп исполинов надывающийся. В минуту уподобился он той горе и с прегромким треском лопнул, обратясь весь в смердящую сажу. Только желудок его, подобный великой хоромине, остался цел и произво-

голосъ.



гаю здесь.

Песня Издалеча, издалеча во чистом поле, Как далее того на украине, Как едет-поедет добрый молодец. Сильный могуч богатырь Добрыня, А Добрыня ведь-то, братцы, Никитьевич, И с ним едет Тароп-слуга... (После чего описывается приезд его к князю Владимиру, сражение с Тугарином, но подробно слов песни я не помню.) У Тугарина-собаки крылья бумажные, И летает он, собака, по поднебесью. Упал он, собака, на сыру землю, А Добрыня ему голову свернул, Голову свернул, на копье взоткнул. (Конеч)

дил колебание, как будто имел в себе нечто живое. Все обстоящие ужаснулись и ожидали, что выйдет из оногo не меньше как чудовище. Добрыня готов был истребить эту тварь при самом его начале и приложил уже копьe свое, но едва острие его коснулось, желудок обратился в водяные пары, а голова исполина в пламень, и рассыпались в воздухе. (Но какое явление! О удивительный, невероятный случай!) На месте желудка усмотрели восстающих, поглощенных исполином Болгарского князя Тревеля, его воинов и киевских витязей. Они были бледны, как усопшие, и ожидали видеть только тени их. Однако свежий воздух оживил их вскоре, и радость усугубилась. Великая княгиня обнимала своего возлюбленного брата, память которого уже оплакала. Всяк находил родственника или друга в пожранных чудовищем. Удовольствие было всеобщее. Наконец Владимир приветствовал государя Болгарского, и тот неожиданно обрел в нем своего зятя, ибо Тревель со времени похищения сестры своей ничего о ней не ведал и считал её погибшей. Радость его была чрезмерна, видя сестру свою супругою сильного монарха, подающего законы царству Закамскому, и услышав, что Добрыня удержал ему престол его, готовый предаться в руки другого; он действительно возвратился благополучно в свое государство принять с восхищением восторги от своих подданных, кои нашли в нем прежнего отца, ибо Тревель, побывав в брюхе у исполина, забыл свои прежние строгости и стал государем кротким. Добрыня в отплату похищенного из его оружейной меча подарил ему ключ от Агрикановой кладовой, а это тут же привлекла к нему множество богатырей, старавшихся заслужить и заслуживших доспехи редкие, во той храпимые.

По окончании победы над Тугарином торжество продолжалось многие дни, и забавы усугублялись присутствием государя Болгарского, которым Владимир умел придавать величие и живость. Один только первосвященник Перуна ужасно сердился от того, что Тугарин был заколот истреблен до смерти, а не заклан на жертвеннике бога грома. Он предвещал гнев небес и множество несчастий. Однако судьба выставила его лжецом, ибо Владимир вскоре потом принял закон истинный и самого Перуна с братиею отдал ловко²⁷.

Добрыня Никитич окончил век свой при дворе Владимира, в славе и почтении от своего государя и любим россам. Он не вступал в брак и проводил дни, по должности своей, в ратных подвигах и увенчал чело Владимирово множеством лавров. Он разбил троекратно воинство греков, побрал их города, лежащие на Черном, или Меотийском, озере; неприступный Херсон покорился руке его, и она же отверзла в него путь торжествующему Владимиру. Враждебная Польша не смела напасть на Белоруссию. Ятвяги, радимичи, косоги и певкины²⁸ покорно платили дань, поскольку трепет наполнял их от одного имени богатыря Добрыни. Он за свою жизнь свою убил четырех чудовищ, сорок богатырей и разбил с одним слугою своим Таропом девятнадцать воинств. Этот верный слуга разделял с ним все опасности и труды и неоднократно пособствовал к победам, как то в сражении с косожским князем Редедью²⁹, спас и жизнь ему. Этот Редедя тоже был великаном и, отложившись от подданства Владимира, не захотел платить ему дани. Посланный для укрощения его Добрыня вызвал оногo на поединок, но хитрый князь вырвал из рук его копьe Нимродово и схватил в руки самого Добрыню, чтобы задушить его. Верный Тароп в то мгновение пустил в него девять стрел подряд и выбил ему оба глаза, а Добрыня, освободясь, успел, рассечь его мечом с головы до

²⁷ ...Владимир вскоре потом принял закон истинный и самого Перуна с братиею отдал ловко. — По принятии христианства в 988 году Владимир приказал изрубить и сжечь языческие идола. Перун был привязан к конскому хвосту, бит, а затем брошен в Днепр.

²⁸ Ятвяги, радимичи, косоги и певкины... — ятвяги: балтское племя; радимичи: одно из восточнославянских племен; певчины: сарматское племя певчинов (бастарнов) жило в Северо-Западном Причерноморье. Левшин не делает разницы между певчинами и печенегами.

²⁹ ...с косожским князем Редедью... — Редедя был убит в поединке не Добрыней, а черниговским князем Мстиславом в 1022 году.

ног. Если слава сильному, храброму и добродетельному богатырю этому возглашает хвалу и в наших времена позднейших, поистине сотрудник его Тароп не меньше заслуживает вечной памяти.

Повесть о сильном богатыре Чуриле Пленковиче

Однажды народ подданных косогов отрекся платить дань князю Владимиру; следовало усмирить их, и заслуженный богатырь Добрыня Никитич вызвался причислить это выполнение к прочим своим славным подвигам. Он отправился в путь один, только со своим Таропом-слугою и исполнил, как уже сказано в прошедшей повести. Между тем в России не помышляли ни о чем, кроме веселостей, и двор великого князя был их стечением.

С началом осени начались звериные ловли. Обширный лес за Вышградом окинут был тенетами, кричалыщики расставлены по местам. Прибыл государь, и гоньба началась. Среди пущего жара охотничьих забав со стороны гор, не в дальности от Днепра лежащих, послышался жестокий шум и свист. Всё это происходило от огромного летящего змия, который, напав на ловцов, многих растерзал и пожрал, а прочих, наполнив ужасом, обратил в бегство. Сам великий князь был подвержен опасности. Он был спасён лишь погибелью верных подданных, защитивших его своею жизнью, и прибыл в Киев, чтоб страдать жалостью о опустошениях, производимых этим чудовищем в окрестностях его столицы.

Этот змий поселился в Заднепровских горах в глубокой пещере. Неизвестно, откуда взялся он, но тотчас прибытие свое отметил кровавыми следами. Нельзя было выступить за стены градские. Деревни опустели, стада расхищены, и каждое семейство оплакивало погибель родственника. Не было спасения от этого лютого чудовища. Набег его был быстр, и с помощью крыльев настигал он самых резвых коней. На открытом месте усматривал он в мгновение ока людей и, спускаясь по воздуху или догоняя, пожирал или уносил их в свою пещеру. Рост и сила его были невообразимы.

Пекущийся о истреблении зверя Владимир пообещал великую награду тому, кто убьет его. Множество храбрецов, побуждаемых славою или корыстью, погибало, ибо в те времена, когда огнестрельного оружия еще не знали, следовало сражаться только мечом, стрелами и копьями, а чудовище имело на себе непроницаемую чешую. Тысячами посылались воины, но всегда возвращались в трепете и с великим уроном. Разъяренный нападениями змий терзал бедняг сверх своего насыщения, и ни один доспех не выдерживал острия когтей его.

Одна только надежда оставалась сетующему государю на богатыря Добрыню, но возвращение одного медлилось. Между тем моления к богам были учреждаемы, жертвы курились, но все бесплодно. Змий продолжал опустошения. Пустынник неизвестный, живущий в пещерах Варяжских, является пред Владимиром. Он объявляет ему, что в недрах Киева обитает кожевник, Пленко называемый, что одного сын Чурило только в силах истребить змия. Сказав это, он отходит. Тщетно Владимир останавливает его, желает выпросить подробнее. Он скрылся.

Князь посылает вельмож сыскать юного кожевника и привести пред себя с честью. По долгом искании находят жилище одного кожевника, входят и застают молодого Чурилу, выминающего кожи. Осьмнадцать только лет имел он от рождения, но рост и широта плеч его были чрезмерны. Он мял вдруг шесть кож³⁰ воловых с таковою удобностью, как бы были то шкурки белок, и, неосторожно потянув, перервал оные надвое, в присутствии посланных вельмож. Сила сия была невоображаема, и вельможи, исполненные надежды, поглядывали с изумлением друг на друга. Напоследок предлагали ему желание княжее его видеть и просили, чтоб он тому повиновался. Чурило Пленкович отвечал им смело, что от рожде-

³⁰ Он мял вдруг шесть кож... — «вдруг» здесь читай «сразу, одновременно». (прим. ред.).

ния своего не выходил еще за ворота дома своего без дозволения родительского и что если потерпят они до возвращения оного, по его воле он готов будет следовать. Вельможи удивлялись кротости и благонравию юноши и взяли терпение ждать возвращения Пленкова. Сей вскоре пришел и, узнав волю государя, вручил им своего сына без всякого сомнения.

Предстал он пред Владимиром. Князь открыл ему судьбу богов, явившую ему, что чрез него состоит избавление отечеству от опустошающего оное змия, предлагал ему великое награждение за успех и повелевал избирать оружие из своих доспехов богатырских.

Чурило Пленкович поверг себя на землю и отвечив, восставши: «В устах моего государя я всякое слово чту глаголом бессмертных, но сомневаюсь я, чтоб силы мои достаточны были исполнить надежду о мне твоего величества. Однако если и погибну я, то умру с усердием, желая исполнить повеление твое».

Великий князь, предваренный от вельмож о силе сего юноши, имел несомненную надежду, что он совершит предсказание пустынника, ободрял его и отпустил на подвиг. Чурило исшел на змия, не взяв предлагаемого оружия. «Я не привык употреблять сего, – говорил он вельможам, предлагающим ему доспехи, – если б оные и действовали на крепость чешуи змиевой. Я возьму оружие, мне свойственное». Сказав сие, вышел на двор княжий и сорвал росшее на оном кленовое толстое дерево с корня. Очищая ветви рукою, продолжал он к предстоящим и удивленным вельможам: «Князь повелел мне выбрать оружие, я беру сие со дворца его». После чего, положа дерево на плечи, как легкую палку, отдал поклон и шествовал из града к горам Заднепровским.

Он приближается к пещере, где обитает чудовище³¹, призывает богов на помощь и кричит для возбуждения змия. Сей, слышав человека, с престрашным свистом стремится из норы и нападает на ожидающего его Чурилу. Неустрашимый юноша явил в час тот, чего имела в нем ожидать Россия. Он, наждав в размере, поражает змия в самую голову своею дубиною, или, лучше сказать, великим деревом столь сильно, что раздробляет оную в мелкие части и повторными ударами повергает чудовище размождению во всех костях. Возвращается торжествуя и приемлет великую милость от Владимира, который объявил оного богатырем своим. Таков был первый опыт силы и неустрашимости Чурилы Пленковича. Он жил два года при дворе великого князя в праздности, ибо время то было мирное, и в эти годы он вырос едва ли не с Тугарина.

Он почитал отменно сильного, могучего богатыря Добрыню Никитича, за что был любим последним и наставляем в науке ратной. Добрыня подарил ему коня Агриканова и учинил его чрез то способным к странствованиям, к чему имел он нестерпимое желание, но не мог никак удовлетворить себе, поскольку не было ни одного коня в стадах княжеских, который бы удержал его даже просто наложенную руку. Один только Агриканов конь мог переносить его на себе через заборы. После чего Чурило просил дозволения у своего государя посмотреть света и испытать, как говорил он, руки своей над богатырями чуждыми; получив же дозволение, выступил в путь.

Вряжская земля не удовлетворила его желанием. Он не встречался в ней ни с одним богатырем, который бы осмелился стать противу его. Леса Порусские (Прусские)³² проехал он уже до половины без всякой остановки, но прохладное утро пригласило его взять отдохновение при истоках реки Пригоры³³.

Рыдающий голос женщины обратил его внимание; и усмотрел он в стороне пред великим огнем стоящую девицу, а колебание тихого ветра приносило к нему следующее

³¹ Происшествие это еще не изгладилось в памяти киевлян, и поднесь показывают пещеру, где жил змий сей, которая и называется Змиева нора. Видимо по оной множество человеческих; и скотских, большей частью истлевших костей. Что подтверждает о действительном бытии сего приключения. (прим. автора.).

³² Леса Порусские (Прусские)... – пруссы: балтское племя, жившее в Юго-Западной Прибалтике.

³³ ...при истоках реки Пригоры. – Нынешний Прегель в районе нынешнего Калининграда.

оной восклицание: «Священный огонь! Потерпишь ли ты, чтоб чистота моя, тебе посвященная, погибла от насилия и чтоб родители мои, принуждаемы немилосердными богатырями, должны были предать меня в объятия ненавистному Кривиду?» Сказав это, проливала она горькие слезы.

Чурило Пленкович, строгий соблюдаватель заповедей богатырских, помня наставления учителя своего Добрыни, возрадовался случаю защитить гонимую девицу, ибо знал, что нежный пол первое имеет право на покровительство богатырское. Он подошел к огню и с вежливостью попросил девицу рассказать подробности, от каких богатырей терпит она гонение и что за человек Кривид, к которому имеет она омерзение, дабы мог он, уведав, защитить её и наказать притеснителей.

Девица, ужаснувшаяся нечаянному пришествию богатыря роста необычайного, впала в трепет, но ласковые и исполняющие её надеждою слова ободрили её начать рассказ: «Кто бы ты ни был, великодушный богатырь, довольно, если приемлешь участие в моей напасти. Я – дочь Ваидевута, мужа почтеннейшего в стране сей, имя мне Прелепа, я сестра двенадцати братьев. Семи лет еще посвящена я была родителем моим Ишамбрату, божеству, поклоняемому порусами в бессмертном огне, горящем пред этим дубом, на коем, по уверению предков наших, обитает сам Ишамбрат. Всякое утро долженствую я воспалять огонь на сем месте и жертвовать повержением в него семи волосков из косы моей, с горстью янтаря, извергаемого на берега нашим морем. Только родительская воля может избавить меня от этого богослужения. Впрочем, я должна окончить дни мои жрицею в целомудрии. В селах этих обитает мудрец Кривид. Он имеет жилище свое в подземной пропасти, где трудится в изобретении таинств, производящих чудеса, как того и достиг он до составления воды, подающей пьющему её невообразимую силу. Кривид, выходя на поверхность для собирания трав, увидел меня и в то мгновение вспылал ко мне жестокою любовью. Он открыл мне свои чувства и обещал учинить меня сообщницею своих таинств, если соглашусь я стать его супругою. Должно описать вам, с каковыми прелестями предстал мне сей любовник. Голова с кулак, украшенная только одним глазом, выглядывала из плеч, быв во оные почти вся вдавлена. Рыжая, по земле волочащаяся борода закрывала передний его горб, но тем явственнее казался таковой же остроконечный горб сзади. Ноги в четверть аршина и покрытые сивою шерстью руки довершали его пригожесть. По чему, ежели бы я и не посвящена была боже-ству, удобно вам узнать ответ мой на его предложения. Но Кривид, претерпя язвительные мои насмешки, не пропускал, однако, являться ко мне всякое утро и осыпать меня нежными словами. Я вышла наконец из терпения и поклялась ему выжечь последний глаз головнею из священного огня. Кривид рассердился и клялся мне, что я принуждена буду противу воли выйти за него замуж, что он принудит отца моего сложить с меня чин жрицы и предать в его объятия. Он действительно произвел это в действие, ибо, не имея сам возможности употреб-лять силу воды своей на поверхности земли, привлек за сей дар трех юношей вспомо-ществовать себе. Племянники его Дубыня, Горыня и Усыня получили по стакану сильной воды с клятвенным обещанием принудить родителя моего склониться на его желание. Подумайте о невоображаемом действии воды оной! Эти три юноши, не получив от Кривида в дар крепо-сти, которою снабжает она богатырей на удивление свету, восчувствовали в мышцах своих столь невообразимую силу, что Дубыня мог вырывать дубы из корня, Горыня ворочать горы, а Усыня выросшими своими превеликими усами обвивать претяжкие камни и бросать их как бы из пращи на дальнее расстояние. Испытав свою силу, пришли они к родителю моему сватать меня за своего дядю. Презрительный отказ стоил ему дорого, ибо они разорили всё жилище его, которое Усыня, захватя одним усом, бросил в море. Шестеро из братьев моих, напавших с оружием на Дубыню, стали калеками. Тот отбил им напрочь ноги, повергнув под оные претолстое дерево, вырванное с корнем. Прочие шесть братьев моих были посажены Горынею в пропасть Кривидову, где в одном ущелье завалены отломком каменной горы.

Родителю моему грозил он посадением под приподнятую гору, если не снимет он с меня звания жрицы и не вручит объятиям Кривида. Можно ли не устрашиться очевидной смерти! Родитель мой снял с меня обет и дал благословение на ненавистный брак. Он отведен был в пропасть гнусного нареченного своего зятя, и ныне достанусь я вечно мерзкому уроду! Я трепещу, ожидая этих мучителей моих, ибо эти три богатыря не должны были взять меня прежде тридцати остальных моих жертвоприношений. Но сегодня последнее утро, и час гибели моей приблизился».

«Пусть придут богатыри твои, – говорил Чурило девице. – Посмотрим, могут ли оные учинить притеснение тебе, покровительствуемой богами русскими, коим клялся богатырь Владимиров не выдавать в обиду терпящих насилие». Прелепа не слыхала о богах русских и ничего не знала про Владимира, однако верила, что она будет избавлена. Отчаянный приемлет все, надежду ему обещающее. Она отдалась его защите.

Ободряющий её богатырь рассказал ей для разогнания скуки, во ожидании сражения, о славной земле Русской, о добродетелях её князя, о богатыре его Добрыне и прочем. Не забыл также объявить о убиении змия, но древний повествователь сей истории божился, что Чурило говорил о том не для хвастовства, а для уверения Прелепы, что есть надежда ему не бояться богатырей, кои не убивали еще змиев. «Ай-ан! – закричала она, увидя своих гонителей. – Вот они!» – и спряталась за Чурилу.

«Что ты за смельчак, дерзающий являться в сих местах? И где девица, расклавшая сей огонь?» – спросил его Дубыня. Богатырь отвечал ему на сие только ударом плети через лоб. Но сего довольно было пресечь разговор, ибо Дубыня от одного растянулся безгласен пред ногами своих братьев. «О, так ты еще и драться вздумал!» – сказал Усыня в превеликом гневе и кивал уже усами, чтобы захватить оными богатыря и бросить чрез доли, горы и леса. Но Чурило, коему недосужно было долго медлить, схватил его за ус и треснул о землю столь исправно, что кроме уса не осталось и знака, бывал ли когда Усыня. Между тем горящий досадою и мщением Горыня поднимал на плечо близстоящий каменный утес, чтоб бросить его в Чурилу и дать ему карачун³⁴. Но поскольку при подъёме этом он принагнулся, то тем открыл богатырю возможность толкнуть себя в зад ногою. Сей последний окончивший побоище удар был столь силен, что Горыня, раздробленный и с каменным утесом, улетел из глаз. Победа совершилась. Обрадованная девица упала на колени пред своим защитником, и думаю, что готова была забыть вечно священный огонь Ишамбратов и ту пропасть, где заключены были родитель её и братья, чтоб последовать за столь сильным покровителем, ибо храбрость великое имеет предубеждение на сердце нежного пола. Но Чурило не был слаб оковам любви и помышлял только об освобождении заключенных её родственников и об истреблении мудреца, изобретающего столь опасные сверхъестественные воды. Он предлагал девице отвести себя к жилищу Кривида. Но она не знала, где оно. Следовало посмотреть, жив ли Дубыня. Тот мог бы его уведомить; однако надлежало его ударить полегче, поскольку нашли, что плеть рассекла ему голову надвое. Богатырь посожалел об этом и пошел с Прелепой искать пропасти.

Долго ходили они по лесам. Прелепа утомилась, и надлежало посадить её на коня, что и предложил вежливый богатырь; но девица, привыкшая покоиться на мягких перинах, не могла сносить хода коня Агриканова, и им следовало заночевать в лесу для отдыха. Уверяют, что по наступлении ночной темноты первое Прелепино слово было в заклинаньях к богатырю сохранить почтение к её полу. Я хвалю эту осторожность, ибо без такого припоминания Чурило, может быть, и не догадался, что должно ему наблюдать, опочивая с красавицею

³⁴ Дать карачун – пословица, вошедшая в обычай от напоминания славного чародея Карачуна, о котором есть особая книга. Сей чародей был столь лют, что попавшему в его руки не было спасения, а поднесь еще говорят о пропадшем невозвратно: *Карачун взял*.

в глубоком лесу. Я умолчу до другой повести о последствиях учтивости Чурилы Пленковича и продолжаю эту.

Солнце взошло уже, и Прелепа с досадою должна была следовать за богатырем, разбужившим её и начавшим новые поиски жилища Кривида. Малая стежка довела их к пропасти, заросшей тернием и весьма глубокой. Богатырь готов был спуститься в нее и на этот случай привязывал к дереву ус убитого им Усыни, который он удержал на память. Прелепа уговаривала его оставить предприятие, столь опасное, но это было лишь подстрекнуть отважность Чурилы. Он спустился в яму.

Пространный и светлый двор представился его взорам, и из стоящей посреди его хижины выскочил Кривид, который заранее почувствовал приход богатыря. Под землею сила воды его была действительна, и он неустрашимо и с крайнею злостью набросился на Чурилу. Тяжеленная свинцовая дубина вооружала его руки, но Чурило не позабыл взять с собою кленовое дерево, на коем еще была видна запекшаяся кровь змия. И началось между ими ужасное сражение. Удары Кривида могли бы раздробить камень, но Чурило отбивал их, так что не удалось его противнику опустить удар ему на голову. Напротив, Чурило раздробил уже конец своего дерева и принуждал Кривида до несколько раз убежать в хижину, из которой появлялся он с новою бодростью. Богатырь догадался, что не иное, как сильная вода, придает ему крепость. Он бросился за ним, когда тот в последний раз заскочил в хижину, и в самом деле нашел его пьющего из стеклянного сосуда. Схватились они и начали бороться, но Чурило выбросил Кривида вон и запер двери. Пока тот срывал дверной крюк, богатырь выпил остаток воды. Великое напряжение почувствовал он во всех своих мышцах, и жилы его учинились толще воловьих. Что ж заключить уже о силе его? Когда и слабый человек получал от воды этой силу богатырскую, какова должна была она сделаться в богатыре? Между тем Кривид сорвал крюк и бросился было с большущим ножом на Чурилу, однако тот окончил всё одним тумаком в голову Кривида. Тумак был столь жесток, что голова ушла совсем в тело, выскочила в противоположной части на низ и вынесла на себе желудок, равно как шапку. Чурило оставил его в этом новом наряде, ибо не опасался уже, чтобы он был способен к покушениям на драку, и пошел отыскивать ущелье, содержащее в себе родителя и братьев Прелепы. Нашел и, оттолкнув ногою приваленный камень величиною с гору, выпустил невольников.

Благодарность их была соразмерна одолжению, когда слышали они о уничтожении всех врагов своих. Они спрашивали о Прелепе и, узнав, что она дожидается их у отверстия пропасти, предались совершенной радости. Чурило с Ваидевутом пошли осматривать пожитки убитого мудреца, а братья Прелепы сыскали между тем выход на поверхность в углу двора по высеченным в камне ступеням. Они выбежали и, сыскав сестру свою, привели её в хижину Кривида.

Множество бутылей и разных химических приборов нашли они, пересматривая чуланы. Чурило перебил их все, к невозвратимому урону алхимии, ибо в числе разных таинственных вод был порошок, обращающий всякий металл в золото, как то усмотрели они из целого амбара золота, в глыбах и кусках ими сысканного. Все записи безграмотный Чурило изодрал в клочки, хотя, впрочем, с добрым намерением, чтоб таинственные составы, подобные, например, сильной воде, не производили в свете людей, могущих делать пакости. Он, как победитель, имел право над всем именем побежденного, но не взял оттуда ничего, кроме свинцовой дубины, золото ж подарил Ваидевуту с детьми, не забыв значительную часть выделить Прелепе.

Обязанный ему Ваидевут просил его посетить в жилище своем, дабы хотя бы угощением отплатить ему за оказанное благодеяние. Чурило не соглашался, ибо Ваидевут был верховный жрец страны Поруской, а богатырь наш не терпел жрецов, потому что первосвященник Киевский много досадил ему своими глупостями, понеже хотел ложными чуде-

сами довести Владимира принудить посвятить его в огнищники к Зничу³⁵. И так, Чурило Пленкович прощался с ними. Прелепа проливала слезы, теряя своего избавителя, и имела к тому причину, ибо чрез девять месяцев... Однако я не скажу теперь ни слова; последующая повесть уведомит нас об этом. Ваидевут не имел средств отплатить своему благодетелю, но, узнав, что Чурило – богатырь, странствующий по свету и ищущий приключений, уведомил его, что к стороне, западной от Порусии, находится великое государство Гертурурское (Флоренское). У князя оноего, по имени Марбод, похитил престол скифский богатырь, прозываемый Сумига. Этот Сумига имеет руки чрезмерной длины, так что наступающие на него войски, обхватив руками, сразу до последней души задавливает. Что таковым средством истребил войско князя Гертурурского и, поймав Марбода, содержал его со всем его домом в темнице. Что гертурурцы терпят от него великие напасти и что нет никакой надежды им избавиться от своего мучителя, ибо много покушавшихся богатырей лишились жизни от рук его. Ваидевут окончил уведомление свое тем, что, вознося до небес храбрость Чурилина, сказал: «Я имею надежду, что вам достанется щит его, сжимающийся и распространяющийся на величайшую обширность и сделанный из непроницаемой стали неким древним мудрецом. Под этим щитом скрывается Сумига, когда сон его одолевает, и никто уже приподнять его не может. Потребна к тому сила чрезвычайная, и несомненно, что подобная твоей, сильный, могучий богатырь! Откровение богов сообщило мне сие таинство». – «Откровение богов сообщило вам?.. Да я совсем забыл было, что вы жрец. Прощайте!» – сказал Чурило, и конь его поскакал на запад. Прелепа жалостно кричала ему вслед, чтоб он помедлил. Богатырь не оглядывался, и один только треск ломаемого конем леса отвечал ей, что желание её не исполнится.

Скоро то сказывается, а не скоро действует, говорит повествователь. Однако Чурило, на своем богатырском коне совершающий с невероятною скоростью путь, прибыл наконец в Гертурурию. Он стал в заповедных лугах против дворца княжеского, ибо наглость сию считал удобнейшим средством к вызову противу себя Сумиги.

Вскоре предстал к нему посланный от похитителя престола и по повелению его вопрошал богатыря, какое имеет он право становиться в заповедных лугах княжеских и топтать оные. «От кого ты прислан?» – сказал Чурило. «От самого непобедимого князя Сумиги». – «Так скажи ему, – продолжал богатырь, – какое имел он право похитить престол князя Гертурурского? Скажи ему еще, что богатырь Русский так будет топтать его белое тело, как топчет конь мой заповедные луга; что если он богатырь, то должность богатырская защищать слабых, а не притеснения делать; и чтоб он сей час шел вон из государства сего, отдал бы Марбоду похищенное или бы сей час шел испытать моей силы богатырской».

Посланный удалился. Чурило ждал выхода своего противника или высылки на себя воинства и приготавливал свою дубину, чтоб переломать ребра всем без изъятия. Долго не видал он никого, но вдруг слышал около себя нечто, шорох производящее, и приметил, что сие были руки Сумигины, протянутые из дворца, дабы обхватить и задавить его. Но не допустил он употребить врагу сей хитрости и, схватив за руку, дёрнул Сумигу столь крепко, что тот вылетел стремглав из третьего жилья своих покоев, в коих тогда находился, и поскольку руки свои он высунул в окно, а за толщиной тела своего сам пролезть в оное не мог, то целая стена палат была при этом вырвана. Ужасное побоище началось тогда. Разгневанный такою невежливостью Сумига бросился на богатыря и, обвив вокруг него руки в девять раз, сжал его в страшных своих объятиях. Великое искушение терпели тогда бока Чурилины, но, к счастью, руки его остались свободны; ими и начал он бить Сумигу под живот столь жестоко, что принудил его спастись бегством. Богатырь, схватив свинцовую свою дубину,

³⁵ Знич – священный неугасаемый огонь, который в Киеве имел особый храм. В тяжких болезнях имели к нему прибежище.

поражал его ею вдогон, так что Сумига несколько раз спотыкался. Одно его спасение состояло в том, что богатырь не мог улупить его в голову, и лишь хребет бегущего вздувался от ударов. Сумига, видя невозможность укрыться от силы превосходящей, поспешно сунул руки в палаты свои, отстоявшие от того места верстах в трех, схватил свой щит и, упав под оный, накрылся. Досадно ему было лишиться своей жертвы, когда он считал её уже приобретенною добычею, а особенно, что несмотря на все старания никак не мог щита поднять. Он толкал ногою – щит не трогался. Бил дубиною – бесплодно. Одно оставалось средство ударить с разбега лбом, что и учинил он удачно; хотя на лбу и вскочил изрядный желвак, но щит отлетел саженой на сто. Утомленный Сумига не действовал уже руками, и богатырь сорвал ему голову. После чего, взяв щит, с превеликим удовольствием пошел возвращать Марбоду государство его.

Он нашел сего князя в крайней бедности, скованным и в весьма мрачной темнице, со всем его семейством. Можно заключить о благодарности этого владетеля по великости оказанной ему услуги. Он угощал богатыря ещё через многие дни, в кои Чурило согласился принять отдохновение после трудов своих. Марбод уведомил его о происшествии прошедшего своего несчастья в следующих словах:

«Побежденный вами Сумига, от коего я столько претерпел, не имел ранее ни силы, ни столь длинных рук. Он был рожден в Колхиде от некоего разбойника и, промысляя ремеслом отца своего, был пойман и казнен отсечением рук. Принужденный ходить по миру для испрошения милостины, попал он к некоторой ведьме. Та, по искусству своему узнав, что он был великий и храбрый вор, обещала ему дать столь длинные руки и силу, каковую он пожелает, если украдет он у стоглазого исполина стерегемую им в кувшине живую воду. Сумига понадеялся на себя и взялся исполнить требуемое при условии, чтоб получить руки столь длинные, чтобы мог охватывать целое войско, и силу, удобную, чтобы всё захваченное раздавить. Стоглазый исполин жил в лесу неподалеку от ведьмы и досаждал ей тем, что все её чары уничтожал орошением живой воды. Трудно было ведьме украсть её, ибо исполин всегда глядел пятидесятью глазами, то есть, когда половина его глаз спала, другая бодрствовала. Сумига выдумал способ заслепить ему глаза песком. Исполин обыкновенно ложился под густым липовым деревом и спал навзничь. Сумига же, запасшись целым мешком мелкого песку, взлез на это дерево во время, когда исполин со своим кувшином ходил прогуливаться. Ни одно из всех ста ок не заметило, что Сумига сидел на дереве. Исполин заснул, вытянувшись, а Сумига высыпал ему половину песку на лицо и заслепил бодрствующую часть глаз. Тот едва взглянул другою частью, почувствовал боль. Остаток песку ослепил ему последнюю. Исполин начал протирать глаза, поставив кувшин из рук на землю, и пока он вычищал сор из глаз, Сумига принес уже добычу к ведьме. Исполин с досады убил ведьму, ибо предполагал, что именно она похитила его сокровище, но до того времени она успела заплатить Сумиге, сделав ему предлинные его руки и подарив столь хитро составленный щит. Этот щит распространяется от малейшего надавливания пальцем на таковую обширность, каковую задумаешь, и притом ни от чего на свете разрушиться не может. Все это узнал я, – продолжал Марбод, – от любимца Сумиги, которому вверил он стражу над моей темницею, и которому он открыл всю жизнь свою. Первый опыт щиту своему учинил Сумига, распространив его через целое Меотийское море, а второй – перейдя по нему над несчастным моим королевством. Он задавил первый отряд войск моих, высланных против него, прикрыв его щитом и наконец обхватив руками главную часть оставшихся моих ратных людей. Он отнял у меня престол и заточил в темницу. Вкус царствовать предпочел он разбойничьему промыслу и не испытывал уже больше силы рук своих против иных государств. Я и подданные мои терпели от него неслыханные притеснения, но небо спасло нас через вашу непобедимую руку».

Наконец Чурило Пленкович, торжествующий своими славными победами и приобретением драгоценнейшего щита, не хотел более продолжать свои странствования и возвратился служить своему монарху. Он показывал действие завоеванного щита и получил похвалу от князя Владимира за таковое приобретение, которое могло оказать великие отечеству услуги. В самом деле, Чурило этим щитом своим уморил некогда с досады скифского полководца Чинчигана, напавшего на Россию с 800 000 войска. Скиф грозил разорить державу Владимирову и требовал, чтобы этот непобедимый князь Русский отдался ему в подданство. Чурило взялся укротить его гордость. Он отправился один, прибыл к воинству скифскому, требовал, чтобы скиф без всяких отговорок дал русскому самодержцу присягу в верном подданстве, со всем своим народом. Тот смеялся таковому предложению, но богатырь тотчас укротил его гордость, закрыв его со всем войском щитом своим. Поскольку в то время скифам случилось стоять в строю, а припасы съестные были в стане, то они с голоду лишились всех сил своих. Чурило собрал деревенских баб и малых ребятишек, поднял щит и велел им скифов гнать из пределов России розгами и помелами. Гордый полководец с досады, а может быть, и с голоду откусил себе язык и умер.

С помощью же этого щита взят был российскими богатырями Царьград на другой день по объявлении войны, ибо Чурило, распространяя щит свой, положил его через Черное море и тем помог внезапному нападению в неожиданное время и с той стороны, где неприятеля не ожидали. Может быть, этого происшествия нет в истории греческой, но это и неудивительно, ибо высокомерным грекам нельзя было не скрыть столь досадного случая, что кучка русских всадников скончала войну в самом её начале, и притом такую войну, в которой греки предполагали не меньше, как падение всей Русской державы.

Впрочем, насилие времени лишило нас дальнейших сведений о деяниях этого славного победителя Сумиги. Он окончил дни в Киеве, поскольку упоминается о нем отчасти в повести сына его, богатыря забавнейшего из всех заслуживших сие имя со времени, когда чин сей прославился сильным, могучим богатырем Добрынею.

Повесть об Алеше Поповиче – богатыре, служившем князю Владимиру

Этот богатырь славен не столько своею силою, сколько хитростью и забавным нравом. Родился он в Порусии, в доме первосвященника Ваидевута. Богатырь киевский Чурило Пленкович между прочими благодеяниями дому жрецову включил и это. (Читатель, надеюсь, припомнит о походе Прелепы в тенистых лесах для сыскания жилища Кривидова и о ночлеге.) Словом сказать, месяцев через девять после отсутствия Чурилы первосвященник долженствовал был для сокрытия стыда своего объявить всенародно, что Прелепа имеет тайное обхождение с богом страны той Попоензою, или Перкуном. Обрадованный народ приносил благодарные жертвы пред истуканом этого бога за столь крайнее одолжение стране своей, и при этом празднестве Ваидевут умел умножить суеверие порусов, заставив идола пыхать огнем и возгласить, что по особенной вере избранных порусов (и как легко догадаться) за частые и изобильные дары и жертвы он, Попоенза, доставляет им от плоти своей непобедимого защитника, который уже во чреве Прелепы, имеет родиться чрез неделю и назван быть Алеса Попоевич³⁶.

Неудивительно, что жрец столь уверенно отгадал пол обещаемого, ибо тот родился уже за два дня пред этим прорицанием. Народ недоумевал, чем возвеличить признание свое к Перкуну. Назначен сход под священным дубом, предложено: чем наилучше угодить богу – хранителю порусов, и как почтить супругу его Прелепу? Тут начались мнения, голоса и

³⁶ Это имя простым народом было испорчено и обращено в Алешу Поповича.

споры. Всяк хотел иметь честь выдумать лучшее средство. Народ разделился на стороны. Предлагали, возражали, сердились и готовы были драться с набожнейшим намерением. Одни уверяли, что ничем так богу угодить не можно, как выколоть Прелепе глаза; и догадка сия, как ясно видимо, была самая острая, то есть, что слепая Прелепа не будет прельщаться мирским, следственно, не подаст причины супругу своему к ревности, удобно могущей навлечь гнев его на всю страну. Другие, завидующие столь разумному предложению и не способные выдумать лучшего, кричали решительно, что это есть богохуление и что предлагающих такое следует сожечь. Иные, которые были поумнее и ненавидели жреца, говорили, что надлежит Прелепу принести в жертву перед истуканом Перкуна, поскольку этим путём учинится она бессмертною. Все голоса имели своих последователей, все кричали вдруг и порознь, и однако из того не выходило меньшего, как гибель Прелепина. Ваидевут должен был дать знак к молчанию, и ему повиновались. «Вы, как простолюдины, – вещал он важно, потирая по седым усам, – не ведаете совета и намерения богов». Признались все в этом чистосердечно и верили, что он говорит правду. Жрец открыл им, что он, как собеседник богов и ходатай у оных за народ, точно скажет им, что предпринять следует. «На острове Солнцева, – продолжал он, – то есть на том острове, где солнышко имеет баню и ходит омыывать пыль повседневно, лежит камень, и на оном камне написано, что подобает Прелепу и с рожденным от нее сыном отвести в храм Перкунов, назначить им особый покой, сделать жертвенник и приносить в новолуние изобильные жертвы». Он обнадеживал, что сей остров доподлинно есть в своем месте, и показал им в доказательство книгу, в которой без сомнения должно быть описанию о пресловутом острове, потому что книга эта писана красною краскою и имеет золотые застежки.

Безграмотные порусы не разумели, что такое там написано и что это за книга, однако верили неопровергаемой истине слов Ваидевутовых, и опасно бы было учинить на то возражение. Они с умилением благодарили первосвященника и бежали в дом его. Прелепа и с сыном увенчана была венками из цветов и на носилках, сплетенных из лык, отнесена торжественно во храм, где жертвенник, новым сим полубогам воздвигнутый, обогащал Ваидевута с каждым месяцем. Жрец радовался о успехе хитрости своей и жалел, что имел только одну дочь, а если б было оных больше, доходы бы его распространились.

Девять лет исполнилось детищу Перкунову, и пакости, им делаемые, были уже несносны. Он шутил без разбору – как над истинным дедом своим, так и над мнимым родителем. В приготовлениях к большим празднествам надевали на истукан венцы из благовонных цветов, но Алеша снимал оные исподтишка и надевал на идола овчинную скуфью или выводил ему усы сажею, к великому соблазну народа. Истукан Перкунов был внутри пустой, и жрец сажал в него своего внука, затверживая ему за несколько дней слова, как следовало говорить народу из идола и которые суеверная чернь принимала за глас самого бога; но вместо сих важных слов, когда Ваидевут просил, стоя на коленях, ответа, Алеша кричал в истукан петухом, кошкою или брехал собакою. Жрец сердился, дирал за волосы пакостника и, наконец, когда тот не унимался, вышел из терпения, высек его очень больно розгами, но сие не прошло ему самому без отплаты.

Ваидевут, видя, что не можно ему употреблять внука своего к подаванию ответов, долженствовал исполнять оное сам. Празднество началось, и жрец по отправлении всесожжения влез в истукан. Огонь выходил изо рта Перкунова, народ доволен был ответами, обряды кончились, и следовало жрецу выйти вон. Однако рассерженный Алеша отомстил деду своему сверх всякого его ожидания. Он вымазал истукан внутри живою смолою, липкость которой умножилась от раздувания трута. Когда надлежало Ваидевуту выпускать огонь, борода и волосы его прилипли. Ужасно суетился он выпростать себя, но по тесноте места было то неудобно. Он вертелся, досадовал, рванулся вдруг и лишился своей бороды, лучшего своего украшения. По несчастию, в Порусии без бород ходили одни только палачи; каково ж было

порушение сие Ваидевуту! Он скрывался под разными причинами от приходящих и, как не сомневался, что обязан тем своему внуку, выгнал одного из храма Попоевцова и приказал под страхом смерти оставить немедленно Порусию. Прелепа оросила его родительскими слезами, открыла ему истину, кто был его прямой отец, и велела шествовать в Киев. Порусы скоро были утешены о лишении чада Перкунова. Прелепа награждала им сие неусыпно, и борода Ваидевутова выросла.

Изгнанный Алеша прошествовал в Россию, и хотя имел только тринадцать лет тогда, но рост его и сила были чрезвычайны. Дубина и жреческий нож составляли его оружие. В полях литовских уже он находился, где в то время обитали аланы, народ храбрый славянского отродия. Увидел он, продолжая путь, на утренней заре раскинутый в лугах шатер и близ одного стоящего коня богатырского. Доспехи и оружие висели на воткнутом коле, и связанный невольник караулил вход. Любопытствуя узнать, кто был сей вверивший безопасность свою невольнику и что за глупец, имеющий способность уйти и, однако, карауляющий того, кто ему связал руки, подошел он тихо к самому шатру. Невольник дремал, но, увидя незнакомого, хотел было закричать. Тот показал ему свой жреческий нож и принудил к молчанию. «Кто ты?» – спрашивал Алеша тихим голосом. «Я русский», – отвечал невольник шепотом. «Ты – дурак», – продолжал Алеша. «Нет, – говорил тот, – я служил князю Киевскому начальником над тысячею всадников». – «О! одно другому не препятствует, – подхватил Алеша, – бывают ваши братья, коим жалко было бы доверить и тысячу свиней. Для чего караулишь ты того, кто тебя связал? Ноги у тебя свободны, что мешает тебе бежать?» – «Какое средство бежать? Знаешь ли, кто меня связал? Здесь в шатре опочивает Царь-девица. Богатыри не выдерживают её ударов, а конь её сможет отыскать меня одним духом, хотя бы я ушел за тысячу верст. Она ездит по свету, побивает богатырей и недавно, проезжая Русскую землею, наделала ужасные разорения. Богатыри наши Добрыня Никитич и Чурило Пленкович не случились на тот час, ибо поехали на игры богатырские к князю Болгарскому. Меня послали против неё с тысячею воинов и думали, что нам легко будет управиться с женщиною. Мне приказано было привезти её живую в Киев, но она перелушила всех моих всадников и меня самого взяла в плен. Два месяца я должен стеречь вход её шатра. Днём я хожу свободен, а на ночь она меня связывает. В первый день покусился было я уйти, но Царь-девица догнала меня и отвесила мне ударов пять плетью, от коих я с неделю с места не вставал, и поклялся больше не бегать». – «Беги ж теперь, – сказал ему Алеша, – я останусь на твоём месте» – и развязал ему руки, укрепленные верёвкой шелку шемаханского. Невольник не долго думал и скоро стал невидим, а освободитель его подошел к коню, погладил его и подсыпал ему из мешка белой ярой пшеницы. Конь доволен был сею ласкою, начал спокойно кушать и не заржал ни разу.

«Посмотрим сию богатырку, – говорил Алёша сам себе. – Чудно, если не солгал тысяцкий киевский!» И входил в шатер с твердым намерением отомстить за обиду той земли, где отец его был в чести и славе. «Жалко будет, – думал он, – если девка это сильнее тех, кои в Порусии раскладывают огонь пред святым дубом». Он приблизился к кровати. Девица спала крепко. Сама Лада, богиня любви, не имела столько прелестей, сколько представилось ему. Он был поражен и должен уже был отмирать и за себя. Похваляют осторожность – её-то употребил и Алеша Попович. Он привязал к кровати весьма тихо, но крепко руки и ноги разметающейся красавицы и учинил приступ. Видеть и целовать её было необходимо. Богатырка пробудилась, гнев её описать невозможно. Она старалась разорвать веревки, но Алеша помогал оными руками. Она кляла, ругала дерзкого, но принуждена признаться побежденною. Нахал играл её прелестями, смеялся её клятвам, запрещал ей связывать руки русским тысяцким и, взяв её оружие и доспехи, уехал на её коне. Раздраженная богатырка кричала ему вслед, что он не скроется от её мщенья, хотя бы ушел за тридевять земель, что она

вырвет его сердце из белых грудей. Победитель ответственал, что нет ей нужды искать его столь далеко, что в Киеве найдет его к своим услугам, и погонял коня.

Приближался он к столице царя Аланского и нашел его стоящим в полях со всем его войском. Богатырь Кимбрский, именем Ареканох, имеющий при себе девять исполинов, напал на его земли и требовал за себя в супружество единичную дочь его. Два уже сражения потеряли аланы, не хотящие выдать государя своего поруганью, чтоб богатырь рода низкого взял силою наследницу их престола. Готовились к последнему, долженствующему решить участь государства Аланского, ибо последние силы собраны были для отпору наступающего неукротимого Ареканоха. Алеша Попович узнал о сем, явился на отводном карауле и велел вести себя к царю Аланскому.

Царь, видя дородство его и богатые доспехи, не сомневался, чтоб не был он богатырь. Он спросил Алешу, откуда он и какую до него имеет нужду. «Я уроженец порусский, богатырь русский и обещаю побить исполинов и привезть к тебе голову Ареканохову», – сказал Алеша. «Не много ли ты обещаешь? – говорил царь. – Слыхал я про богатырей русских, но испытал уже силу Ареканохову». – «Много ли, мало я обещаю, – подхватил Алеша, – какой убыток вам, если и не сдержу я слова своего? Я иду один; но обещайте мне, если привезу к вам голову богатыря Кимбрского, признать, что один Владимир-князь Киевский Все-славьевич должен подавать законы всему свету, что нет в свете сильнее, могучее богатыря его Чурилы Пленковича и что сын Чурилин Алеша Попович свободил царство Аланское от погибели. Обещайте возвестить сие чрез, посольство свое князю Русскому». Царь согласился на оное, и тем удобнее, что не ожидал столь многих успехов из похвальбы молодого витязя. Но утро решило его сомнение.

Богатырь русский хотя чувствовал крепость руки своей, хотя надеялся на остроту своего разума, но не мог уснуть во всю ночь. Опасность предприятия повергала его во многие размышления. Невозможно казалось ему управиться разом с девятью исполинами и богатырем, оными повелевающим. Но так как Ареканох воевал не один, а с помощью исполинов, то посчитал извинительным употребить против него хитрость. По этой причине встал он в полночь и пошел в стан Ареканоха, находившийся в виду, ибо свет от луны освещал злато-верхий шатер этого богатыря. Подкравшись с великою осторожностью, нашел он исполинов, спящих по два рядом. Рост их был необычайный и мог бы привести в ужас всякого, кроме сына Чурилина. Исполины спали крепко. Алеша имел способность осмотреть их и придумать средство к низложению их. Престрашные, с железными шипами, дубины, составлявшие единственное их оружие, прибрал он к стороне. Всего удобнее казалось ему истребить исполинов собственными их руками, и выдумка его была весьма удобна. Во-первых, подошел он к коню Ареканоха, который стоял совсем оседланный. Он обласкал его, подсыпав ему пшеницы, размоченной в сыте медовой, и после подвязал оному под хвост пук крапивы и колючего репейнику, также, ослабив подпруги, подрезал оные так, чтобы должны были они при скакании необходимо оборваться, и после подтянул седло. Потом подошел к исполинам и связал оным попарно волосы друг с другом очень крепко, а девятому, коему не было пары, надел на шею веревочную петлю и конец её привязал к одному исполину за ногу. Все было приготовлено, и следовало начинать побуждение к междоусобной драке. Алеша употребил к тому острие жреческого ножа своего, которым за один раз отрезал нос исполину, к ноге коего была укреплена петля, и с великим проворством черкал по лицам и прочим, так что каждый лишился глаза, либо губы, или уха, не видя, откуда получил удар сей. Лишенный первым носа имел честь начать сражение. От превеликой боли забрыкал он ногами и удавил товарища, имеющего петлю на шее. Но поскольку он никак не ожидал, чтобы такое поругание произошло от кого-либо ещё, кроме как от товарища, близ него спящего, ибо чувствовал, что тот его тянет еще и за волосы, то начал он бить и кусать зубами. Тот по разным причинам готов был отмщать за себя и встретил удары сугубою отплатою. Прочие исполины спросонья

и от боли охотно употребили пример товарищей своих и увечили себя изо всех сил. Алеша подстрекал жар их, пуская им в головы камни, и имел удовольствие видеть их истребивших себя собственными руками, поскольку исполины умолкли тогда только, как иной остался без головы, оторванной руками того, коему перегрыз горло, другой был удушен в объятиях того, которому раскусил голову. Словом, Ареканох пробудился от сна богатырского, избавленный труда разнимать своих помощников. Он надеялся еще на силу свою и чаял, что управится с воинством, не имеющим ни одного богатыря во всем своем множестве, но скоро увидел, что наглая сила порой должна бывает уступить разуму.

День настал, провозвестник Аланского царя прокричал богатырю, чтобы выезжал он на бой с витязем, желающим один на один с ним переведаться и усмирить его гордость. Ареканох, раздраженный уже потерей своих исполинов, междоусобию коих не понимал он причины, тотчас сел на коня своего и с высокомерием выступил пред воинским станом аланов. Царь, предупрежденный об истреблении исполинов и имеющий надежду на искусство и отвагу богатыря Русского, стоял на возвышенном месте со своими воинами и смотрел, исполненный ожидания, на своего ратоборца, который, смело приблизясь к Ареканоху, сердил его разными досаждающими словами. Ареканох был толст и имел великое брюхо. Алеша называл его лягушкою, жеребою кобылою и советовал для пощады чрева его возвратиться домой, а выслать своих исполинов, ежели таковые есть у него еще в запасе. Ареканох скрипел зубами и готовился рассечь дерзкого надвое. Он кольнул коня в бока острогами и принудил к скоку. Алеша же в тупой конец копья своего вколотил шило и ждал успеха предпринятой хитрости. Конь Ареканоха, начав скакать, почувствовал действие крапивы и шипов репейника. Не привыкший к такой насмешке, начал он из всех сил брыкаться задом и передом. Богатырь разгневался на свою скотину и думал ударами возвратить его к должности, но крапива удерживала того в прежних расположениях. Конь лягался, прыгал, становился на дыбы и наделал превеликих хлопот своему хозяину. Алеша, только и ожидавший подобного происшествия, подоспел на помощь. Он вдогонку уколол шилом коня и богатыря в черные мяса. Конь усугубил скок и брыканье, подпруги лопнули, и богатырь, слетев с седлом чрез голову, отбил себе зад. Царь Аланский со всем войском подняли громкий смех, взирая на неудачу своего неприятеля, да и нельзя было не хохотать, ибо Алеша колол коня и богатыря шилом с таковыми забавными ужимками, что рассмешил бы и мертвого. Он кричал странным голосом, когда конь помчал богатыря. Конь же, давши перебьёку всаднику своему и настрекавши задние свои, продолжал брыканье, визжал и кувыркался. Конные аланцы бросились ловить его, а Алеша слез с лошади, чтобы связать богатыря, ибо не хотел ему срывать голову. Ареканох собрал было остаток сил противиться, но один туз крепкой руки богатыря русского принудил его к покорности. Алеша Попович снял с него оружие и доспехи, связал его в корчажку и, притороча позади седла своего, привез к Аланскому царю.

Невозможно было не иметь почтения к богатырю, избавившему от столь опасного неприятеля страну Аланскую и явившему себя в таком равнодушии в час сражения. Царь благодарил несказанно Алешу Поповича и предлагал ему великий чин в своем государстве, но тот требовал только исполнения данного ему слова, которое и сдержано было в точности. Великолепное посольство предстало пред князем Владимиром. Благодарили его торжественно за одолжение, его богатырем оказанное. Самодержец русский не знал о сыне Чурилы Пленковича, спрашивал у отца, но тот не мог ничего вспомнить. Послы, богато им одаренные, возвратились к удовольствию царя Аланского. Между тем побежденный Ареканох сохранил себе жизнь по просьбам своего победителя и наказан был только вечным заточением. А торжествующий богатырь простился с царем Аланским и пробирался в земли русские.

Расположив проехать сквозь Великую Польшу, спрашивал он, прибыв в страну, о ближайшем пути. Указывали ему кратчайшую дорогу, но уверяли, что она уж с тридцать лет стала

непроходимую, и объявляли причиной того, что в середине леса, простирающегося на сто верст, находится древнее капище, в коем погребен великий польский волшебник, который умерщвляет всех мимопроходящих.

Больше того не нужно было неустрашимому богатырю. Он поехал указанным путем и под вечер прибыл к капищу. Развалившаяся и мхом заросшая ограда окружала его. Трава в поле росла внутри ограды и представила тем это место удобным к ночлегу. Богатырь расседлал коня и пустил на свежий корм, а сам, вынув из сумы дорожное стряпню и флягу с вином, расположился на паперти ужинать.

Смеркалось уже. Великий стук поднялся в капище, двери растворились навстречу, и толстый поляк начал выглядывать из них. «А, господин хозяин! – сказал богатырь. – Не прогневайся, что я без спросу остановился здесь. Я думал, что дом этот пустой». Поляк заскрипел на него зубами. «Пожалуй, не сердись, – продолжал богатырь, – милости прошу покушать дорожного», – и, налив чарку вина, поднес ему. Поляк не принимал и сверкал глазами, раскалившимися, как уголь. «О, пожалуй, не упрямясь, – сказал Алеша и выдернул несговорчивого поляка из-за двери. – Выкушай-ка и будь поласковее». Поляк толкнул рукою чарку и облил богатыря. «Слушай же ты, невежа, – продолжал он, – я хотел было с тобою познакомиться, но вижу, что ты человек угрюмый. Поди ж прочь и не мешай мне ужинать!» Поляк вместо ответа, бросаясь ему под ноги, начал кусать. Богатырь, рассердившись, поймал его за волосы, принялся таскать и бить пинками, однако поляк не дал ему удовольствовать свой гнев, вырвался и ушел в капище. Богатырь затворил двери, заложил цепь на пробой и, поужинав, лег спать, надеясь, что отпотчеванный пинками поляк не будет уже мешать ему. Но неугомонный житель капища не дал ему покою. Едва Алеша начал засыпать, тот вышел опять, положил ему голову на брюхо и приготавливался ногтями своими выдрать ему глаза, но голова его имела действие огня. Богатырь, почувствовав жжение, вскочил в ярости, оттолкнул прочь голову столь сильно, что поляк отлетел стремглав в стену и хотел уйти. Но Алеша, схватив саблю, ударил ею по голове. Удар этот был жесток, камень бы расселся от такого, но из головы мертвеца посыпались только искры, и он провалился сквозь пол. Богатырь схватил копье и совал в отверстие с твердым намерением учинить из тела поляка решето, однако не мог достать дна. И так лег он опять спать, и поляк уже не приходил нарушать покой его.

Когда рассвело, не оставил он поискать еще. Но не нашел отверстия, в которое поляк провалился: пол был ровен. Осматривал он и капище, но не было в нём ничего, кроме обломков от древних идолов. Незачем было медлить, и богатырь отправился в путь.

По выезде из лесов увидел он в стороне близ дороги сидящего в глубокой задумчивости человека. Одной рукой держал он за повод лошадь, а другою подпер голову. Богатырь подъехал к нему, спрашивал о причине его видимой печали и получил в ответ следующее: «Вы не ошиблись, государь мой, – начал незнакомый, – что великая печаль лежит у меня на сердце. Я – польский шляхтич и восемь лет сговорен на дочери опустошившего дорогу, которую вы проехали. Я удивляюсь, каким образом избавились вы от злобы его, следуя мимо капища, в котором погребено его тело, ибо никто не осмеливается шествовать дорогою, коя многomu числу людей стоила жизни. Сей поляк назывался Твердовский³⁷; он оставил после себя несказанное богатство, и невеста моя – единая оному наследница. По смерти его познакомился я с нею. Мы почувствовали взаимную склонность, и брак должен был соединить нас в назначенный день. Приуготовлялись уже к торжеству, и невеста моя находилась в преогромном доме своем, отстоящем отсюда верстах в тридцати. В самую полночь предстал перед нею дух отца её со страшным и гневным лицом. «Знаешь ли ты, – говорил он ей, –

³⁷ Сей поляк назывался Твердовский... – многочисленные польские предания рисуют пана Твардовского знаменитым чернокнижником. Это «польский Фауст», запродавший душу дьяволу, но спасенный девою Марией. Отнесение его к древнеславянским временам – одна из вольностей Левшина.

что я заложил тебя еще маленькую адскому князю Велзевулу? А ты хочешь вступить в брак без ведома господина твоего? Слушай! Ты и жених твой должны дать обязательство сему дьяволу на свои души, если хотите совершить ваше супружество. С сего часа дом сей и всё мое богатство отдаю я во власть одного Велзевула. Я вижу из лица твоего, что ты уже не согласна на предложение мое. Ты погибнешь от рук моих, если вступишь в брак до тех пор, как сыщется такой бесстрашный человек, который осмелится ночевать в доме сем и выдержит все имеющиеся с сего часа начаться в оном страхи. Он разрушит тем клятву мою; но я не уповаю, чтоб нашелся кто-нибудь столь отважный из смертных, и ты останешься вечно в бедности, ибо без смертной опасности не можешь взять ничего из моих сокровищ. Жених твой тебе помочь не будет в состоянии. Я в сию ж минуту сожгу все его имение. Избирай! Предайте души свои дьяволу – или терпите». Он исчез; а я лишился всего моего имения внезапно занявшимся пожаром. Невеста моя не имеет пропитания, поскольку все сокровища её лежат в доме, в коем всякую ночь привидения нагоняют на всех ужас и всех покушавшихся входить в дом тот хотя днем, хотя ночью удавляют. Я искал смелых людей, но по сих пор не нашел еще избавителя. Покушавшиеся за великое награждение освободить нас от несчастья погибли. Их находили в доме том раздробленных в мелкие части. Я прошу милостыни на сей дороге и, что получу, употребляю на пропитание свое и невесты моей, с которою меня соединили несчастье и любовь». – «Друг мой! – сказал ему Алеша Попович. – Я богатырь странствующий, которые с собою денег не возят; следственно, милостыни я тебе подать не могу. Однако я избавлю тебя и невесту твою. Должность моя помогать несчастным и наказывать злых, а я не нашел еще нигде злее твоего нареченного тестя. Я ночевал в капище. Он напал на меня без всякой причины, но я раскрыл ему лоб. Я не знаю ни Велзевула, ни адского князя, но из того не следует, что оных должно бояться. Веди меня в дом этот! Я обязуюсь выгнать оттуда всех пакостников. Мне сокровищ не надобно, я всем добро делаю даром, но обещаешься ли ты исполнить все, что я тебе прикажу, и быть в точном моем послушании до самого того времени, как я женю тебя на дочери Твердовского?»

Незнакомый удивился странному обещанию богатыря. Не знал, что ему ответствовать, но, видя неустрашимость, написанную на лице его, и что он проехал дорогою непроходимую, ободрился и дал ему слово во всем его слушать. Они поехали.

Великий лес представился опять глазам богатыря, но провожающий его шляхтич поворачивал в сторону. «Куда идет эта дорога, которую мы оставляем?» – спросил богатырь. «Она лежит сквозь лес и самая ближняя к дому моей невесты», – отвечает шляхтич. «Что ж, мы поедем ею!» – «Уже смеркается». – «Это не мешает, мы поспеем скорее». – «Нет, господин богатырь! Здесь висят висельники, и очень страшно. Они нападают на проезжих и дают». – «Как тебе не стыдно, – сказал богатырь, – говоришь такие бредни! Задавленные будто могут нападать!» – «Воля ваша, а я не могу. У меня и так волосы дыбом становятся, что я близко сего проклятого места». – «Слушай! – продолжал богатырь. – Ты дал мне слово во всем повиноваться. Я повелеваю тебе вести меня к висельникам!» – «Ах, милостивый государь!» – вскричал испуганный шляхтич. «Нет отговорок», – сказал богатырь. Шляхтич сошел с лошади, становился на колени, кланялся до земли. Ничто не помогло. Богатырь посадил его насильно на лошадь и, держа за руку и за повод лошади его, потащил в лес. Месяц светил очень ясно, виселицы показывались, и бедный шляхтич взывал в голос. «Ах, батюшка, воротимся», – говорил он, трепеща во всех членах. Богатырь же тащил его за собою.

Приехали под виселицы; шляхтич не двигал уже языком. «Ну! – сказал богатырь. – Чего ты боишься? Здесь нет ничего страшного. Я думаю, это изрядная ветчина! Слезь с лошади и подай мне один полоть!» Шляхтич думал, что он попался в руки людоеду, и не сомневался в своей гибели. Он не смел противиться, опасаясь, чтоб за послушание не быть съеденным, и хотя ноги его подламывались, однако, спотыкаясь, дотащился он до висельника. Призывал богов на помощь и достал иссохший труп злодея. «Приторочи его к седлу своему», – при-

казывал богатырь. Приходилось повиноваться. Шляхтич привязал, сел на лошадь и ехал, не смея шевельнуться, поскольку ожидал, что висельник начнет грызть его зад.

Великий огонь представился им впереди. Приблизились к нему и усмотрели множество разбойников, сидящих около котла. «Воротимся, господин богатырь, – шептал дрожащий шляхтич, – люди эти недобрые». – «Это все равно, – отвечал Алеша, – где бы ни поужинать; я вижу, что они едят. Возьми мою лошадь!» Он слез, подошел к разбойникам. «Хлеб да соль», – сказал он, садясь между оных, и, вырвав ложку у близсидящего, начал есть кашу. Разбойники поглядывали с изумлением то на богатыря, то друг на друга, не говоря ни слова. «Как вам не стыдно! – вскричал богатырь. – Есть пустую кашу! Я попотчиваю вас дорожною ветчиною. Гей! Малый! Подай сюда полоть!» Шляхтич не смел послушаться, отвязал и притащил на плече висельника. Богатырь выдернул у одного разбойника с боку нож и, отрезав кусок, подал тому, коего посчитал начальником. Тот ужаснулся, считая его людоедом, однако, надеясь на множество своих разбойников, думал управиться с таким опасным человеком. Он оттолкнул руку богатыря и, вскочив, закричал: «К ружью!» Разбойники бросились к своим дубинам и копьям. Шляхтич обмер, а богатырь сидел спокойно. Разбойники напали на него, начали колоть и рубить; но копья не проникали вглубь лат, удары были ему сносны. Богатырь смеялся и увещевал, чтоб они не шутили. Наконец, рассердясь от удара, полученного дубиною по носу, схватил мертвого висельника за ноги и побил всех разбойников оным до смерти, ибо ему недоставало нужды повторять удары. Каждый замах размазывал разбойников по два, по три и больше.

Управясь таковым образом, ободрял он своего спутника и советовал ему поужинать. «Видишь ли ты, – говорил он, – висельники нас не задавили, разбойники оставили нам свою кашу? Не сомневайся, и Велзевул очистит дом твоей невесты. Что ж до Твердовского, я надеюсь, что у него еще болит лоб от моего удара, и потому не посмеет он прекословить браку, который я хочу утвердить». Шляхтич приободрился, видя неустрашимость и силу богатыря, и последовал его примеру. Богатырь ел кашу, и он работал ложкою довольно бодро, кроме что зажимал глаз той стороны, с которой лежал висельник. Поужинав, осмотрели они пожитки разбойников. Великое множество денег и всяких вещей нашли они. Богатырь подарил ему все, и шляхтич насыпал целые суммы червонных, а прочее припрятал в стороне леса, чтоб после взять. Он не знал, как отблагодарить своего благодетеля, ибо имел уже чем прожить век, хотя бы тот и не очищал его дома от привидений. Оба заночевали у огня, и шляхтич не мог заснуть, пока не выпросил дозволения сжечь висельника. Поутру они прибыли в замок дочери пана Твердовского.

Сия добродетельная девица, узнав о намерении, предпринятом богатырем к их благополучию, сожалела о нем, что они будут виною его гибели, уговаривала его оставить дерзкое намерение. Алеша Попович смеялся таковым страхам и, дождавшись ночи, пошел в палаты выгонять Велзевула. Он поручил любовникам коня своего, с которым удалились они в хижину, где жила дочь пана Твердовского.

При свече, которую нес он в руках своих, усмотрел Алеша великолепие комнат и богатое их убранство. Он выбрал покой, где нашел кровать с постелью, и разложил огонь в печи. Не хотелось ему спать, а особенно потому, что он опасался, чтоб не проспять, может быть, лучшего явления, кое имеет представлять Велзевул к поруганию его; и так сидел он у огня. Настала полночь; ужасный вой поднялся в близлежащих комнатах, двери растворились, и представилось ему множество жрецов, идущих с факелами. Они пели надгробные песни и несли закрытый гроб. Великое число людей обоего пола следовало за покойником, и выло страшными голосами. Лица их были разноцветные – голубые, синие, зеленые, красные, как огонь, и черные. Гроб поставили на стол в ближнем покое и продолжали пение. Богатырь думал, если только это и будет страшное, то нечего опасаться. Он вышел к ним и спрашивал у жрецов, кто таков покойник. Никто не отвечал ему, и каждый щелкал на него зубами и дышал

огнем. «Вы – великие невежи, – сказал он жрецам. – Не довольно того, что вы мешаете мне отдыхать, но и не ответствуете. Пора вам вон». С словом этим схватил он железный дверной запор, погнав всех вон. Те противились ему, дышали на него огнем, прыгали, как кошки, на стены и через него, однако он бил их без милости и, выгнав всех, запер двери накрепко.

Захотелось ему посмотреть покойника. Он снял крышку с гроба и с удивлением увидел того поляка, которому в пустом капище разбил лоб. «Ба! – вскричал он. – Ты уже умер!» – Поляк вдруг открыл глаза и заскрипел на него зубами. – «О! Так ты только притворился!» – сказал богатырь и потащил того из гроба за волосы. Поляк упирался и противился, но богатырь, дёрнув крепко, оторвал ему голову. В то же мгновение гроб исчез, и удивленный Алеша Попович понес одну только голову в свою спальню. «Жаль мне тебя, – говорил он, садясь к печи и положив голову у ног своих, – если б ты не так упрям был...» Но оторванная голова не дала ему закончить. Она укусила очень больно его за ногу. Богатырь рассердился и, схватив голову, бросил в печь. Он продолжал ещё ругать дерзкого поляка и с удовольствием поглядывал в печь, глядя, как голова его обратится в пепел. Но комедия на этом не кончилась. Он увидел голову поляка, обратившуюся в страшного огненного змея, и самого поляка, выезжающего на нём к нему с пламенным мечом. Нападение было близко, а богатырь к тому времени уже сложил с себя оружие; чем же обороняться? По счастью, у печи стояла железная кочерга изрядной толщины; богатырь встретил ею поляка столь удачно, что огненный змей со второго удара рассыпался вдребезги. Третий удар, направленный в толстую шею поляка, зацепил по ней крюком кочерги и выбросил его раздробленного в окошко. Казалось бы, богатырю уже нечего ждать далее, но не успел он сесть, как увидел, что от частей разбитого змея вся комната загорелась пламенем. Трудно было ему противиться пламени, и всякий на его месте избрал бы средство к спасению бегством, но богатырь решил лучше погибнуть, чем оставить предпринятое намерение. Он с досадою сел на стул и размышлял с чего начать. Однако обнаружил, что кругом горящий пламень был волшебный и потому не опалял его. «А! Так это всё меня пугают! – вскричал богатырь с улыбкою. – Нет, Велзевул, ты не выиграешь и должен будешь взять только одного Твердовского, а дочь его свободить из закладу». – «Нет! Ты погибнешь и не успеешь!» – закричали ему со всех сторон страшные и мерзкие голоса. Вся комната наполнилась дьяволами разного вида. Иные имели рост исполинский, и потолок трещал, когда они умещались в комнате; другие были так же малы, как воробьи и жуки. С крыльями, без крыл, с рогами, комо́лые³⁸, многоголовые, похожие на зверей, на птиц и всё, что есть в природе ужасного. Все они ревели страшно, выли, сипели, скрежетали и бросались на богатыря. Большие бросались ему под ноги, чтоб повалить, а маленькие садились на голову, на нос, на руки и выпускали жала, но богатырь храбро отбивался кочергою. Больше двух часов работал он на все стороны и уже почти выбился из сил. Вдруг увидел он перед собою зеленого беса в огненной короне. «Сын Чурилин, – говорил ему сей бес, – оставь своё намерение. Заклад Твердовского мне очень приятен, чтоб можно мне было его возвратить; поди вон, удались – или погибель твоя неизбежна!» – «Так то ты, Велзевул!» – сказал богатырь и схватил его за бороду. Бес порывался, борода трещала, но не мог, однако, освободиться из крепких рук Поповича. Весь сонм дьявольский помогал своему князю. Богатырь колотил его кочергою, пинками, лбом и отпихивал ногами прочих. «Отдай заклад!» – твердил он при каждом ударе. Бес выдерживал побои и не покорялся. Наконец богатырь, недоумевая, чем одного принудить, заметил, что Велзевул весь покрыт зелеными сияющими перышками. Он подумал, что, может быть, чувствительно ему будет, если повыщипывать у него перья; и так, скорчив Велзевула в дугу, сел на него верхом и начал с возможным проворством ощипывать его, как курицу. Бес застонал; богатырь продолжал труд,

³⁸ Комолый – прил. безрогий, имеющий вместо рогов только комли рогов, роговые наросты (о крупном рогатом скоте, козах, овцах и т. п.). *Толковый словарь Ефремовой*

и затылок, спина и часть плеч беса тотчас стали голы, как ладонь. «Покоряюсь, – заревел Велзевул болезненно, – отдаю тебе не только заклад Твердовского, но и самого его. Делай ты с ним что хочешь». Богатырь смилостивился, выпустил ошипанного беса, который со всеми своими подчиненными исчез, заклявшись Черногобом не подходить впредь близко к дому Твердовского.

Тишина настала, и богатырь хотел уже ложиться спать, но поляк удержал его от сна, представ перед ним и повалился в ноги своему избавителю. «Сильный, могучий богатырь! – говорил он ему. – Вы разрушили своею неустрашимостью мучения, претерпеваемые мною от Велзевула, вы уничтожили клятвы мои, доставили покой дому моему, дочери и самому мне. Земля, не принимавшая меня досель, присоединит меня к себе. Дочь моя соединит судьбу свою с любовником, её достойным, и будет иметь счастливую жизнь; а я лишусь моего мучения. Все это восприял я от руки вашей и приношу должную благодарность. Но чтоб не в одних только словах состояло признание мое, возьмите сей перстень (который он вздел ему на перст правой руки). Сей не только умножит вашу силу и храбрость, но когда вы пожелаете стать невидимым, следует вам только перевернуть его камнем вниз. Сей перстень будет вам очень нужен. Вы покорите через него Царь-девицу, которую вы так обидели и которая поклялась лишить вас за это жизни». Богатырь не доверял, чтоб Твердовский говорил правду, однако поблагодарил его за подарок. «Осталось только, – продолжал поляк, – вручить вам ключи от моих сокровищ и просить вас, чтобы вы проводили меня до моего гроба». Богатырь согласился и, приняв связку ключей от Твердовского, проследовал за ним в потайные погреба. Тот показывал ему двери, кои богатырь отпирал. В одном месте лежали кучи золота, серебра, дорогих камней, а в других хранилось платье, богатые уборы и всякие редкости, достаточные, чтобы удовлетворить сокровищницу Индийского Могола.

Показав всё, привел его Твердовский в самый нижний погреб. В нём не было ничего, кроме железного гроба. Поляк простился с богатырем, лег в гроб и в мгновение обратился в прах. Богатырь, видя, что дело кончилось, закрыл гроб крышкою, запер погреб и изломал ключ от оногo. Потом, возвратясь в свою комнату, лег в постель и заснул спокойно.

Солнце взошло уже высоко, шляхтич и дочь Твердовского дожидались возвращения богатырева и потеряли надежду, чтоб тот ещё был в живых. По чрезмерному стуку, бывшему в минувшую ночь в палатах, заключили они, что этот отважный человек сражался с привидениями и лишился жизни. Из благодарности за доброжелание его с радостью желали бы они похоронить его останки, но боялись войти в палаты. Между тем богатырь проснулся и покликал их к себе в окошко. Невозможно описать радости, коей предались они, услышав голос богатыря, и не сомневались, что он, когда уже остался в живых, без сомнения разрушил все бедствия их судьбы. Осмелились они и впервые после стольких лет вошли в свой дом. Богатырь рассказал им всё происшествие, вручил им ключи от сокровищ, показал им все погреба и присутствовал на их свадьбе, которая с великим весельем совершилась в тот же день.

Две недели пробыл он в этом доме, будучи убежден неотступными просьбами новобрачных. В это время пожелал он испытать действие своего перстня, который получил от Твердовского. Давно уже с удовольствием взирал он на пригожую хозяйку и вздумал посмотреть, какова она во время сна. Обратив камень перстня вниз, вошел он в их спальню и лег между супругов. Шляхтич, проснувшись, хотел обнять жену, но удивился и ужаснулся, ощутив человека в латах. Ревность овладела им. Он вскочил, запер двери и побежал за огнем. Между тем богатырь имел время. Он спрятался в угол. Раздраженный шляхтич прибежал с огнем и саблею. Вошел, порадовался, что отомстит, ибо двери были заперты и дерзкому уйти было некуда. Увидел жену свою, крепко спящую, поискал он обидчика по всем углам, за печью, под кроватью, везде. Богатырь был невидим, и шляхтич, успокоясь, лег в постель, уверясь, что ему спрoсoнья мягкие и нежные бока жены показались латами. Он разбудил

жену, которая досадовала на него, что лишил он её прекраснейшего сновидения, коим она была очень довольна и ожидала повторения. Так наш богатырь проведаль про обстоятельство шуток и о действии перстня. Он поутру простился с хозяевами и отправился в Киев.

Во время пути ничего отменного ему не приключилось, и стены киевские приняли в себя богатыря, о котором слава носилась по всей России. Он открылся отцу своему и уверил его, что неложно должен он называть его сыном. Чурило Пленкович вспомнил о приключении в Порусии, облобызал свое чадо и радовался, что имеет детище столь достойное. Он представил его в услужение великому князю, и Владимир пожаловал его по заслугам. Забавный нрав Алеши Поповича быстро сделал его необходимым при дворе. Все любили его, и каждый искал его дружбы. Не было дня, в который бы не произвел он какой-нибудь шуток, в чем много пособлял ему невидимый его перстень. Но я не буду описывать подробно его шуток. Может быть, многие из них не смешны будут на нынешний вкус: например, хохотали ужасно, когда он гордому вельможе пред челобитчиком снимал шапку и нагибал ему противу воли голову.

С пожилой красавицы стирал белила и румяна и тем самым открывал её морщины.

Злоязычников толкал под бороду и пресекал им языки. Лысецам, вкрадывающимся в чьё-нибудь доверие, во время самых важных бесед давал толчки и прочее. Все таковые пороки были тогда в диковинку, и потому им смеялись.

Наконец стало не до шуток и сыну Чурилину. Царь-девица появилась пред стенами киевскими, начала опустошать окрестности сего города, вызывала богатырей и требовала выдачи виноватого. Никто не знал, какая вина и кто виноватый, но должно было обороняться, ибо разорения её учинились уже тревожны. Богатыри вменяли себе в бесчестие драться с женщиною, а военачальники, ведающие об участи прежде посланного тысячника, не смели выступить. Алеша Попович открылся, что он виноватый, и обещался без всякого сражения победить и привести эту богатырку в Киев.

Ночь наступила. Царь-девица стояла в шатре своем в заповедных лугах княжеских. Богатырь наш пошел пешком, без всякого оружия, обернул перстень свой вниз камнем и так, будучи невидим, вошел в шатер. Царь-девица разделась и лежала на постели. Она не возила уже с собою кровати, ибо Алеша Попович отучил её опочивать столь нежно. Красавица эта показалась богатырю настолько прелестна, что не мог он помыслить учинить ей что-либо злодейское, чем удержаться, чтобы, подкравшись, не поцеловать ее. Красавица почувствовала поцелуй, вскочила, оглядывалась. Свеча горела и освещала шатер; но, никого не видя, легла опять. Спальное платье её распахнулось; белизна шеи и... Богатырь не мог не повторить поцелуи. Уста его прилепились и нельзя бы было ему сохранить себя в пределах почтения, кое чувствовал к особе, воспламенившей его сердце; не сердящаяся красавица, ощутив нечто существенное, оттолкнула прочь это страстное привидение. «Ах, как ты жестока!» – вскричал невидимый богатырь. Красавица смутилась и робким голосом вопрошала: «Кто ты, дерзкий? Телесное ли существо или...» – «Я – существо, тебя обожающее, не могущее дышать, чтоб дыхание мое не было подкрепляемо твоею любовью». – «Для чего ж ты не являешься предо мною в своем виде? Если ты обожаешь меня, зачем пугаешь ты меня такими сверхъестественными прикосновениями?» – «Вид мой, ах, сударыня!» – «Что!» – «Вам он ненавистен. Я не смею предстать». – «Какой же вид твой? Откройся!» – «Но обещаете ли вы простить богатырю, вас оскорбившему?» – «Как! Неужели ты Алеша Попович! Исчезни... или предстань, чтоб я кровью твоею омыла обиду мою!» – «Вот, сударыня! Могу ли я после этого предстать?.. Но вы не имели бы удовольствия поразить меня, если б я и показался. Знаете ли, кто я?» – «Кто ты? Ты – чародей, злодей мой». – «Нет, сударыня, я духхранитель ненавидимого вами богатыря. Сам он не заслуживает толь ненавистного названия. Можно ли кому-нибудь против вас злодействовать? Довольно вас увидеть единожды и на всю жизнь стать вашим невольником». Красавица призадумалась. «Но так обругать меня!» –

продолжала она. «Это последствие предвозмогающих чувств. Взирая на вас, невозможно владеть собою. Я – дух, но едва удерживаюсь... Позвольте мне принять вид виновного. Он поистине заслуживает извинения. Он молод, недурен лицом, храбр». – «Нет! Я никогда не соглашусь». – «Однако, сударыня, – сказал богатырь, обернув камень перстня и бросаясь пред нею на колени. – Можете ли вы быть так жестоки, чтоб не простить сей покорности? Позвольте мне за него поцеловать эту прелестную руку».

Удивленная красавица не могла сердиться, слыша похвалы себе, но и не могла бы сносить вида богатыря, овладевшего ею коварным образом, если б самый этот вид не имел в себе нечто убедительное. Она уже не считала благопристойным мстить духу-хранителю за вину того, образ кого он представлял, и довольствовалась одними только укорами. Хитрый богатырь сумел воспользоваться выгодами сего обстоятельства и довершил победу. Он получил прощение на самых необходимых условиях быть её супругом, и Царь-девица не раскаивалась, потушив опасный огонь своего мщения. Она согласилась поутру ехать в Киев и там окончить положенное намерение и сложить звание богатырки, толь противное её полу. Страстный богатырь не мог оставить её ни на минуту. Ночь протекла неприметно, и только Царь-девица успела рассказать ему о себе следующее:

Рассказ Царь-девицы

«Я родилась от Турда, князя Угров, и есть плод тайной его любви с одною из первейших красавиц, служивших супруге его. Ревность княгини, открывшей эту склонность отца моего, принудила его удалить родительницу мою от двора своего, но это не воспрепятствовало ему посещать довольно часто хижину земледельца, где мать моя нашла убежище. Это стоило жизни несчастной моей родительнице, ибо княгиня Угрская, проведав про это жилище, велела предательски умертвить её. Я в тот миг была у груди её и заранее определена жертвою гнева княгини, но посланные, сжалившись над младенчеством моим, отдали меня встретившейся старухе. Она была волшебницей и воспитала меня вместо дочери. Князь Турд настолько сокрушался о смерти моей матери, что в непродолжительное время последовал за нею в гроб.

Вся надежда моя тем пресеклась, и участь моя зависела от одной моей воспитательницы. Она, предвидя, по науке своей, опасность, угрожающую мне от мужчин, заключила дать мне отменную силу и научить всем богатырским ухваткам, чтоб я, странствуя в мужском одеянии, могла избежать грозящих мне несчастий. Воспитание вложило в меня столь великую склонность к такому роду жизни, что я иногда сомневалась в истинном моем поле. Достигнув пятнадцати лет, испросила я дозволения у моей воспитательницы выступить на подвиги и, получив вооружение, отправилась. Я странствовала по разным дворам северных государей, приобретая великую славу на разных потехах и поединках с богатырями. Страсть побеждать сильных витязей настолько мною овладела, что я, приезжая в какую-нибудь землю, вызывала на поединок богатырей той страны, в случае же непослушания принуждала к тому неприятельскими действиями. Я перебила и переувечила их немало. Слава моя и гордость умножились, мне казалось уже приятнее торжествовать, покоряя мужчин, открыв настоящий мой пол, и я назвалась Царь-девицею, поскольку слово «царь» казалось мне всего приличнее побеждающим. По несчастью, быв в Великой Польше, проезжала я сквозь один непроходимый лес и имела сражение с неким чародеем, именуемым Твердовским. Тот опустошил дорогу, которую я проезжала, и губил всех на неё вступающих. Он явился ко мне в виде страшного мертвеца, имеющего железные когти, напал и старался растерзать меня. Я имела достаточно отваги, чтобы отразить его нападение, и чародей, видя неудачу, отошел от меня, произнося ужасные клятвы и угрозы. Он предвещал мне, что я скоро буду побеждена неким Киевским богатырем. Я посмеялась таковым угрозам, но с

того времени, конечно, по чародейству Твердовского, сделалась я очень сонлива. Для чего, победив тысячника киевского, удержала я его при себе, для стражи во время моего сна. Но чему быть, то пусть и будет. Ты, любезный неприятель, превозмог мою предосторожность и... дал мне знать, что женщина подвержена своим слабостям и что мужчины имеют много средств победить её гордость... Признаюсь, что наглый твой поступок поверг меня в отчаяние, и справедливый гнев мой побуждал к жестокому над тобой отмщению, но посреди самой моей ярости находила я в себе чувство, в пользу твою клонящееся. Долго я сражалась сама с собою, осуждала убеждающую меня слабость. Стократно определяла твою гибель, столько ж уступала моему сердцу и наконец испытала, что я женщина. Я не могла простить тебя, но невозможно уже было и покушаться на жизнь твою. Она стала мне драгоценною, и я искала уже тебя для того только, чтоб ты признался в вине своей. Я сыскала тебя и жертвую. Я познаю цену победы моей. Тогда я покоряла богатырей только временно, но в тебе надеюсь иметь пленника навеки».

Этот пламенный разговор окончился поцелуем и подал случай богатырю Киевскому наговорить тысячи нежных извинений, тысячу ласк; но я сомневаюсь, чтоб он удержался от преступления, в коем извинялся. Сказать правду: не существенность преступления составляет вину, а обстоятельство и время.

Солнце взошло уже, и самодержец Русский увидел опасную неприятельницу, с покорностью подвергнушуюся его законам. Царь-девица не скрыла, на каких условиях вступает она в подданство. Алеша Попович просил дозволения у своего государя, о дозволении сдержать ему свое слово. Владимир охотно соизволил дать согласие на их брак, который был совершен во дворце в тот же день с превеликим торжеством. Пиршества продолжались целую неделю, и старый богатырь Чурило Пленкович, подгулявши на свадьбе у сына, имел случай сказать: «Противу жестокой женщины всегда должно высылать молодого пригожего детину».

Больше о подвигах славного богатыря сего неизвестно. Насилие времени лишило нас дальнейших о нем сведений, кроме того, что он жил в великом согласии со своею женою и одарен был от великого князя великим имением. Слышал я, что есть отрывки о победах его, учиненных во услужении Владимировом, в летописях Косожских и Угрских, но и эти также не пощажены были древностию, и сказывают, что листы в них все сгнили.

Впрочем, желающие узнать о прочих славных и могучих богатырях русских, также и о богатыре, служившем князю Владимиру под именем дворянина Заолешанина, те да потрудятся поискать повествования о них в тех курганах, коих довольно число в разных местах находится. Уверяют, что все эти земляные насыпи заключают в себе свидетельство славных происшествий, но я не имею времени их раскапывать.

Между тем для первой части этого
БУДЕТ ДОСТАТОЧНО

Часть вторая. Сказки народные

Сказка I. Про вора Тимоню

В одной деревне жил старик. О древности его свидетельствовала лысина, с которой от долгого ношения шапки слезли все волосы. Словом сказать, он в доме его служила ночью вместо месяца. Помощницу у себя имел он равных с ним лет, но отличалась от него она горбом. Однако речь у нас пойдёт не о статях их, а о сыне их, Тимоне, который был малым проворным, но еще ничему не был научен, кроме как игре на сопилке. Старику казалось, что послушав музыку, напоследок захочется поесть, и что сопелкино свистенье – худая для желудка пища и чтобы попищав не ложиться спать с голодным брюхом, вздумал он отдать сына учиться какому-то ремеслу. Но прежде всего следовало посоветоваться об этой со старухой, которой он, о том доложив, затребовал о том мнения. И представил, что он желал бы сына определить учиться одному из двух ремёсел: кузнечному или портняжному.

– Нет! – заявила старуха – ни тому, ни другому. Кузнец ходит около огня и сажей марается, и тем больше походит на чёрта, чем на человека. Разве ты хочешь его сделать пугалом? А портновское ремесло – хотя и изрядное художество, но ведь приходится день-деньской сидеть согнувшись, так ведь недолго, друг мой, заработать чахотку!

– Ну так чему ж ты думаешь учить его? – вскричал старик.

– Надобно отдать его учиться золотарству либо малярству, либо тому подобное.

– Да ведаешь ли ты, – перебил её старик, – сколько придётся заплатить за такую науку денег? наших животов на столько не станет.

И так долго споря чуть не дошло у них дело до драки. Сердитая старуха уже вооружилась было кочергой, но... Но скучно описывать мне их ссору, а лучше я скажу, что согласились они оба отдать сына тому мастеру в науку, который первый попадётся навстречу. Итак старик, взяв с собою положенные на учёбу сына десять рублей, и сопровождаемый Тимоней, выступил. По случаю первыми с ними встретились два родных брата, питающихся «подорожной пошлиной», а при том еще и искусные портные, которые столь проворно владели своими иглами, что «раз стегнёт, то шуба да кафтан», а проще сказать, оба они были разбойниками.

Старик, поздоровавшись с ними, спросил их: не художники ли они?

– О, и весьма искусные, – отвечали ему разбойники.

– А какое ваше ремесло? – продолжал расспрашивать старик.

– На что тебе это знать? – отвечали они.

– Я хочу отдать сына в науку, – объяснил старик.

– С радостью! – вскричали оба. – Мы это берём на себя. Научим сына твоего всему тому, что умеем сами. Ремесло наше называть тебе не для чего, но ведай, что тужить ты не будешь, отдав нам его в ученики.

– Но сколько вам, родимые вы мои, следует за труды? – промолвил старик.

– Не менее двадцати рублей, – отвечали бравые мастера.

– Ох, где же мне взять столько? У меня только и денег, что десять рублей, – отвечал старик.

– Ну добро, подай хотя бы и те сюда, уж что с тобою поделывать? Быть по сему. Хотя бы и десять рублей.

Старик, отдав деньги, препоручил им сына своего в ученье, и хотел было уже идти домой, но вспомнив, что для начала не худо было бы узнать, где новоявленные учителя живут, возвратился и проследовал за ними.

Домик их стоял в глухом лесу, где оба они жили вместе с девушкой – их родной сестрою.

По прибытии туда с Тимони сняли худой деревенский кафтанишко и одели в хорошее платье, а старика попотчевали винцом. И так отец с большим удовольствием оставил их жилище.

По наступлении ночи вздумали удальцы показать Тимоне первый опыт своего искусства. Почему вооружив юнца, как и себя, длинной рогатиной и большим ножом, вышли на дорогу. Тут один из учителей сказал ученику: «Когда нападут на нас какие люди, что ты, Тимоня, будешь делать?»

– А это что? – отвечал он, выхватив нож. – С ним мне мало будет и десяти человек.

– Ну, из тебя, пожалуй, толк выйдет, – отвечали разбойники, – но прежде лучше будет испытать тебя не таким опасным делом, каковое обычно бывает при требовании с проезжающих пошрины. А пойдём-ка мы и залезем в близлежащий монастырь, в архимандритову кладовую, там будет чем нам поживиться.

– Как изволите, – отвечал Тимоня. – Куда мастер, туда и ученик.

Итак, отправились они в чужую клеть – там песни петь. По прибытии в обитель закинули они железный крюк за кровлю кладовой, куда Тимоня по верёвке и отправился, и впервые доказал, что ученик он понятливый. В кровле тотчас образовалась скважина, в кладовой сундуки отверзаются, мешки с деньгами встают с ложа, лишается хозяин долголетних трудов своих, с коими собирал он и копил свои денежки, мешки спускаются из кладовой на землю, а их старательно прибирают Тимонины учителя. Всё дело шло по заведённому порядку, если бы Тимоня был поглупее. А он узнал, что его учителя из полученных денег не дадут ему ни полушки. Почему он и вытащил из сундука для себя архимандритову шубу на собольем меху. Однако как только он её сбросил, один из его наставников надел её на себя. Тимоня, спустившись начал искать её на земле ощупью, ибо было темно. Учителя его спросили, чего он шарит?

– Шубу свою ищу, отвечал тот.

– Какой ещё «своей»? – отвечал ему один. – Вот она на мне. Да и с чего ты решил, что она тебе принадлежит?

– Потому, – отвечал ему Тимоня, – что я взял её для себя, а не для вас.

– Но мы ведь твои учителя! – воскликнули оба, – а потому в сегодняшней добыче нет никакой твоей части.

– О нет! – воскликнул юноша громко, – Я для вас достал деньги, в них моей доли нету, согласен. Но шубу я брал для себя.

– Врёшь ты, дурак, – молвили оба брата.

– А коли так, по я пойду спросить об этом архимандрита, кому он отдаст, того и шуба, – заявил Тимоня.

– Посмотрим, как ты пойдёшь, засмеялись они.

– А вот так и пойду, только чур не робеть, – отвечал тот, и побежал к окну архимандритовой кельи, у которого спал его келейник, малый забавный и притом сказочник.

Тимоха прислушался: келенйник еще не спал, а архимандрит храпел во всю глотку. Он стукнул в окошко. Келейник, его открыв, выглянул наружу. Но лишь хотел он спроси ть, кто тут, как Тимоня схватил его обеими руками за уши и выдернул вон, завязал ему платком рот и отдал под караул своим учителям. А сам с осторожностью забравшись в окно, лег на келейникову постель. Немного погодя начал он будить архимандрита. Учителя его, стоявшие под окном, услышав как будит архимандрита, взмолились оба, что бы он вышел вот оттуда. Провавлись ты, ругались они, чёрт с тобою и с шубою. Мы до беды с тобой дойдём. Но Тимоня не слушал их и закричал: «Отец архимандрит! Ваше высокопреподобие!

«Что? – отвечал тот томным голосом спросоня.

– Я видел сон дурной, – отвечал Тимоня. – Будто бы воры залезли к вам в кладовую и забрали деньги. А между тем взяли и шубу вашу. Тот, который лазил красть, взял её из сундука для себя. Деньги он все отдал товарищам, а сам желает одной только шубы. Но и той ему не дают. Кому бы вы приказали её отдать?

Архимандрит посчитал его за келейника своего, почему и сказал:

– О, как ты надоел! Куда ночь, туда и сон. Пожалуйста, не мешай мне спать.

Тимоня, помолчав немного, как только архимандрит снова стал засыпать, опять его расклинал и спросил:

– Да кому ж вы шубу-то отдать велите?

– Экой ты несносный человек! – сердито сказал архимандрит. – Кому ж еще, как не тому, который красть лазил? Но пожалуйста, дай мне покой!

Итак Тимоня, дав ему заснуть, вылез наружу и надел на себя шубу без всяких споров с учителями своими, которые при том еще и похвалили его умысел. Они возвратились домой, а придя первым делом припрятали добычу. После чего господа учителя стали между собой разговаривать об ученике своем Тимоне.

Проворство и вымыслы его крайне им понравились. Они надеялись от него и впредь видеть большей себе помощи, и чтобы удержать его при себе задумали отдать за него сестру свою, которая собой была вовсе не дурна, а чем и было Тимоне объявлено. Тимоня не упрямылся столь выгодной женитьбе, ибо давали за невестой весьма приличное приданое. Он женился и став их зятем, стал уже не учеником двоих братьев, а товарищем.

По прошествии некоторого времени сказала ему жена:

– Худо нам, муженёк, и дальше жить с ними. Они воры отъявленные. Сверх того, ты ведь знаешь пословицу: «Сколько вору не ликовать, а палачевых рук не миновать». Слушай же моё желание и совет: лучше будет нам с тобой от них отойти. Хотя и не столь богато, но нам с тобой будет спокойнее в доме отца твоего.

Тимоне этот совет понравился. Он желание свое открыл шуринам своим, господам обдиравым. Хотя им слышать то было и досадно, но удерживать его они не могли. Они отпустили его на условии, дав ему свинью, с тем, что если они её у него в будущую ночь украдут, то им с него следует взять 200 рублей. А если нет – ему следует с них получить такую же сумму.

Когда же они у него эту свинью украдут, то и ему не следует от них обоих отходить, пока он ни них такую сумму денег не заработает.

– Очень хорошо, – говорит Тимоня, – я посмотрю как вы свинку-то у меня украдёте.

После чего собрал свой скарб и переехал вместе с женой в дом к своему отцу.

По прибытии домой замесил он в корыте для свиньи корм на одном вине. И свинья, наевшись досыта, стала бесчувственно пьяна. Тимоня тотчас же нарядил её в сарафан и положил её на печи в углу, где та и растянулась неподвижно. А сам вместе с женою лег в клети спать. Лишь только они заснули, как воры уже искали по всем хлевам и закуткам, но не сыскав желаемого, подошли к избе. Тотчас один из них влез в избу и потихоньку ощупал свинью. Но нащупав сарафан, без памяти выскочил вон.

– Что ты? – спросил его товарищ.

– Эх, брат, – отвечал тот, – ведь я чуть было беды не наделал. Это сопит та старая хрычовка, сватьяшка наша. Я её хватил за бок, как только не проснулась? А вонища от неё такая, что я чуть было не задохнулся! Однако постой, я знаю что теперь делать. Пойду спрошу у сестры – она мне спросоня скажет.

Он влез тихонько на клеть, прокопал крышку, и пошевелив сестру свою шестиком, сказал:

– Жена, а куда мы свинью-то дели?

– Как, ты не помнишь? – отвечала та, – мы в избе её положили на ночь, одев в сарафан.

Услышав это, брат прыгнул с клетки, как бешеный, бросился в избу к печи, сволок оттуда пьяную чушку, которая беспрестанно опорожняла излишек пищи, что было весьма неприятно для воровских носов. Однако они сволокли её со двора долой и, отойдя подальше, связали ей ноги, продели между них шест и помчали бедняжку на шесте во всю прыть. Однако, ехать на шесте ведь не в качалке, растрясло обожравшуюся свинью и учинился с ней обоюдный фонтан, который без остановки орошал воров и тем изобильнее, чем ускорляли они свой бег. Воры надеялись что выдумали наилучший способ для возвращения Тимони к прежней службе. Но опасаясь лишиться двухсот рублей, терпели они это жестокое искушение, и поспешали дорогой.

* * *

Тимоня же после отъезда свиньи скоро проснулся, а проснувшись и сам не сразу вспомнил, куда он дел свинью.

– Жена, жена, – воскликнул он, толкая жену под бок, – а куда мы свинью-то спрятали?

– Долго ли ты будешь меня об этом спрашивать? – отвечала та. – Ведь я тебе уже раньше сказала, что она лежит на печи в сарафане.

– Когда ты мне об этом сказывала? – вскричал он с ужасом.

– Недавно, – отвечала та, – конечно, ты ведь после этого заснул.

– Ну, прощай же наша свинка! – воскликнул Тимоня, соскакивая с кровати. – Конечно, её уже спровадили. – И побежал в избу.

Но на печи вместо свиньи на ощупь обнаружил он нечто мягкое, и совсем не схожее с приятным запахом, а именно то, что свинья ему оставила вместо благодарности за похмельное угощение.

Затряслись и у Тимони поджилки, но опасность и дальше жить у воров в работниках принудила его отложив бесплодное уныние, искать средства к поправлению беды. Он бросился к лошади и поскакал догонять путешествующую свинью, что ему вскоре и удалось. Воров он догнал вскоре, на самом входе в лес, и поехал за ними потихоньку. Довольно тёмная ночь препятствовала ворами его увидеть.

Вскоре оба весьма устали и решили отдохнуть, бросив в сердцах свинью на землю. Один из них сказал:

– Тьфу! Пропать какая! Уморила! Но уж за двести-то рублей потрудиться можно.

Другой отвечал ему:

– Теперь бы я, брат, не пожалел бы рубля за подводу, чтобы эту стерву отвезти.

Тимоха между тем привязал свою лошадь, отведя её в сторонку, а сам, подойдя потихоньку, начал бренчать удилами узды, скинутой с лошади. Одни из воров, услышав это, сказал:

– Брат! Послушай-ка, никак спутанная лошадь ходит?

Тимоха продолжал бренчать. Вор уверился в своем предположении и без лишних околичностей бросился ловить лошадь, а другой между тем отдыхал, сидя близ свиньи.

Между тем Тимоха продвигался вперед от вора, который вознамерился поймать клячу. Так он незаметно завёл его далеко, где и оставил, а сам побежал к другому. Приблизившись к нему сажен на десять, стал он его окликать, говоря:

– Пособи, брат, расковать лошадь.

Тот, решив, что разговаривает с братом, двинулся к нему со словами:

– Экой же ты детина! Не можешь распутать лошади.

А Тимоня, будто не в силах удержать лошади, подвигался прочь и как отвёл его от дороги подальше, так и оставил его искать своего брата, который искал попусту лошадь, а сам побежал к свинье. Подхватив ее, он сел на лошадь и увёз домой.

Там он привязал путешественницу за ногу к стоящему посреди комнаты жернову, вокруг насыпал ржи, итак свинья начала кушать рожь и ходя кругом, принялась молотить жернова.

Сделав это, Тимоня опять отправился в постель и, ни о чем не думая, заснул спокойно.

* * *

Между тем воры сошлись вместе. Один спрашивал где лошадь, другой отвечал что и в глаза её не видел.

– Как? Ведь ты меня кликал «пособи распутать». – промолвил первый.

– Ты бредишь! – возражал второй. – Я ни слова не говорил.

– Ну, – сказал первый, – знать это Тимоха подшутил над нами. Пойдём-ка посмотрим, тут ли свинья?

Но довольно долго проискав свою добычу, так и не смогли её найти, из чего и догадались, что она в сопровождении зятя из возвратилась обратно в дом свой, куда они опять и побежали.

Зайдя во двор, подошли они к избе, и один из них сказал:

– Пропали, брат, наши с тобой 200 рублей. Ведь уже старая-то хрычовка проснулась, вот уже она и жернова налаживает, знать зерно молотить хочет. Однако сбегая-ка я опять к сестре, и спрошу опять у неё опять по-давешнему, где свинья, может, она и не в избе?

Итак, забравшись по-прежнему на клеть, разбудил он её и спросил:

– Жена, а где свинья?

– Экой ты сонный. – отвечала та. – Разве ты забыл, что привязал её в избе к жернову?

Узнав, где свинья, бросился вор в избу, и, подхватив добычу, бросился вместе с братом своим, говоря:

– Нет, теперь он научил уж нас, больше не обманет!

Но в то время Тимоня опять проснулся и вскочил посмотреть свинку. Но, войдя в избу, узнал, что та украдена вторично. Нечего ему было больше делать, как бежать воров догонять и изыскивать опять способ к их обману.

Он бежал порожняком, а сверх того, отдохнув, был посвежее, следовательно ему было не трудно догнать усталых воров, тащущих на себе свинью. Он и шел за ними полегоньку до самого леса.

По приходе в лес сказал один вор своему брату, чтобы им обоим тут отдохнуть.

Но другой отвечал:

– Нет, брат, тут Тимоня, догнав нас, опять как-нибудь обманет. А вот перейдя лет, помнишь ли ты близ дороги пустую избу? Там мы сможем отдохнуть в безопасности. – На чём оба и согласились.

Услышав всё это, Тимоня бросился стороною вперёд и, вымазав лицо своё грязью, прибежал в ту самую избу и сел в развалившуюся печь, взяв в руки по кирпичу.

Не долго дожидался он тут своих бывших «учителей»: войдя в избу, бросили они свинью на пол.

– Ну брат, – сказал один, – теперь дело почти что сделано. Дай-ка выкурим по трубке табаку.

– Изрядно, – отвечал ему другой, вынимая огниво, но долго рубя, так и не смог трут зажечь. – Экая беда, – сказал он, – трут отсырел, как я по росе в лесу за пострелом-то Тимонь-кою гонялся.

– А ты пойдёшь к устью печному, может быть, к саже прилипнет искра, – говорил другой. Тот подошел поближе к печи и стал опять рубить.

Между тем Тимоня, выглядывая на него, щёлкал зубами. Вор, услышав, что нечто перед ним щёлкает, начал пуще рубить, и при отсвечивании огня поглядывал в печь. Тут присел он со страха на землю увидев перемазанное Тимонино личико. Он счел его за чёрта и от ужаса не мог больше произнести ни слова, кроме как только прерывающимся голосом:

– Ах, братец! Тут... чёрт!

Тогда Тимоня, застучав по печи, пустил кирпичный перун в другого вора, который бросился было к двери, но, ударившись лбом о притолоку, растянулся на полу без чувств.

А Тимоня, схватив у одного из них дубину, принялся потчивать ею шурьев своих, и столь исправно, что оба вскоре придя в сознание, устремились в бегство.

Трясущиеся от страха ноги принуждали их неоднократно спотыкаться, а Тимоня провождал их кирпичной пальбою. Прогнав воров, он взял свинью и понес домой, куда при- был уже на рассвете.

Едва воры отдохнули после ночных приключений, как разговор их обратился к закладу с их зятем. Ну, говорили они, теперь-то свинью хоть чёрт съест, но Тимоне она не достанется, и мы его возьмём к себе обратно жить. Потом пошли они напрямик в дом его, поскольку уже рассветало. Но придя оба они узнали, что заклад проиграли, и что не чёрт то был в пустой избе, а зять их.

– Экой ты плут, – сказали они, – ведь мы чуть было не померли со страху.

– Что же делать, братцы, – отвечал тот. – Вам хотелось взять с меня двести рублей, а теперь вы мне сами их заплатите.

Наконец взял он с них деньги и стал жить добропорядочно.

Сказка II. Про цыгана-молодца

Хотя известно, что цыгане домов не имеют, а весь свет служит им ночлегом; однако неизвестно, каковым случаем жил в некоторой деревне цыган своим домом. Случилось ему ехать в лес за дровами, куда он, прибывши, влез на высокий дуб, желая обрубить на том ветви. Но был настолько глуп, что начал рубить самую ту ветвь, на коей стоял. Когда упражнялся он в сей работе, ехал мимо него русский мужик также за дровами и, приметив таковую цыганову глупость, сказал:

– Цыган! Что ты делаешь? Ведь ты убьешься!

– А ты что за черт? – отвечал ему цыган. – Неужели ты вещун? Почему ты ведаешь, что я убьюсь? Поезжай, куда едешь.

– Ну! Хорошо, – сказал мужик, – будешь ты и сам скоро не лучше черта.

– А убирайся ж до матери вражьей! – говорил цыган, продолжая рубить.

Мужик удалялся, но не отъехал еще ста сажен, как подрубленная ветвь оборвалась с цыганом, который хотя был не пернатый, но слетел проворно; только садиться на землю, сказывают, было ему неловко. По счастью, ушибся он не сильно. Полежав несколько, я опаматовавшись, побежал – он, как бешеный, догонять мужика, говоря притом:

– Конечно, мужик сей был вещун, что узнал о моем падении!

Догнав оного, стал пред ним на колени и просил объявить, скоро ли его смерть будет.

Мужик, приметя глупость его, выдумал над ним пошутить.

– Очень скоро конец твой, – сказал он ему. – Вот когда ты, накладя воз дров, повезешь домой и, поднимаясь на известный тебе крутой пригорок, кобыла твоя трюнди испустит ветер, тут твоя и смерть.

Бедный цыган завыл голосом, тужил и прощался заочно со своей родней, с домом и лошадьми. Считая ж судьбу свою неминуемою, приготовился расстаться с светом. Пошел он к своей лошади, накладал воз дров и поехал домой весьма тихо, ведя лошадь под узду, а на гору пособляя. Приближаясь к крутому пригорку, лошадь его, поднимаясь, дважды уже испустила ветер. Цыган от того был едва жив и кричал в отчаянии:

– Прости, моя мать-сыра земля! Прости, женка, детки! Уже я умираю!

Но, въехав на гору, ободрился, думая, что мужик солгал ему о смерти. Он, сев на воз, стегнул лошадь плетью, которая, подернув воз, гораздо громко выпалила. Тут цыган вдруг упал с воза, сказав:

– Теперь-то уж я за истинную умер!

И так лежал на земле неподвижно. Лошадь его сошла с дороги в сторону и начала есть траву. Уже смеркалось; цыган не думал встать, считая себя мертвым. Около полуночи пришли волки и, поймав лошадь, начали есть. Цыган при лунном сиянии, видя это, приподнял голову и, покачав ею, говорил:

– Ну, если бы я жив был, я сбегал бы домой за ружьем и всех бы сих волков побил, а шкуры бы выделал и сшил бы себе добрую шубу.

Потом опять растянулся в положении, пристойном мертвому. Волки, кончив ужин, разошлись, а цыган лежал до самого утра. На заре ехал мимо этого места драгунский объезд. Бывший при оном капрал, увидев лежащего человека и близ него съеденную лошадь, счел и его за мертвого. Для чего и послал одного из подчиненных своих осмотреть, а сам, остановясь, дожидаясь. Драгун, подъехав и видя, что лежит не мертвое тело, а живой цыган, спросил его:

– Что ты за черт?

Цыган, вскинув на него глазами презрительно, сказал:

– Много ли у тебя таковых чертей! Ты не слеп? Не видишь, что я мертвый?

Драгун, рассмеявшись, отъехал и донес капралу, что он нашел не мертвое тело, а живого цыгана, который называет себя мертвым.

– Пойдите ж, ребята, – сказал капрал, – мы тотчас его воскресим!

Итак, подъехав, велел драгунам слезть с коней и, заворотя ему кафтан, сечь его плетью.

Драгуны начали; цыган молчал. Но как проняли его гораздо, он говорил сперва:

– Пани капрале, чуть ли я не жив.

Однако, не дождавшись ответа, вырвался у них и побежал домой. Приближаясь к деревне, встретился он с мертвым телом, которое несли погребать. За гробом шла горько плачущая мать умершего. Цыган прибежал к ней, запыхавшись, и, заскоча с глаз, вскричал:

– Пожалуй, не плачь, старуха! Если хочешь видеть сына своего в живых, вели его нести на тот проклятый Крутояр, там и я был мертв, да ожил.

Сказав старухе столь важную услугу, пошел он спокойно в дом свой.

Через несколько недель случилось сему цыгану быть в городе. В то время одна цыганка ходила просить к воеводе за непочтение на сына. Воевода послал с нею рассыльщиков, чтоб сына се привели. Цыганка сия, идучи домой, пожалела о сыне своем и, не желая вести его на побои, не знала, что делать. По несчастию встретился с ними тот самый, недавно из мертвых восставший цыган. Тогда она показала рассыльщикам на него, сказав им, что это и есть её сын. Тотчас схватили его под руки и потащили к воеводе. По приведении пред судью, начал он говорить ему:

– Для чего ты не почитаешь мать свою? – указывая на старуху.

Цыган, взглянув на нее, закричал:

– Черт её возьми! Какая она мне мать!

– О-хо-хо! – сказал воевода. – Так ты и при мне то же делаешь, что и дома. Плетей! Плетей! – закричал он.

Бедный цыган как ни отговаривался, не верил ему и, растянув его, начали взваривать. Цыган терпел свою участь, но расчел, что ему не отделаться, и закричал:

– Ах! Господин воевода! Теперь я признался, что это моя мать родимая.

– Но будешь ли ты её впредь почитать? – сказал воевода.

Цыган поклялся ему в том от всей цыганской совести. Воевода согласился ему поверить, приказал перестать; но в знак покорности и смирения велел ему мнимую мать свою нести на плечах своих до дому. Цыган не смел противиться и потащил оную на руках с двора воеводского. На дороге встретился с ним мужик из той деревни, откуда и сам он был, который спросил его, какую он ведьму везет на себе.

– Ши... Молчи, молчи, сосед, – отвечал цыган. – Се моя родная матушка.

– Какая твоя родная матушка: я знаю, что у тебя её нет, – сказал мужик.

– Поди ж спроси у господина воеводы, – продолжал цыган, – он был на моих родинах.

И так донес цыган старуху, куда она приказала, и не ходил уже в город, коим начальствовал тот прозорливый воевода.

Сказка III. О Фомке-племяннике

В одном месте жил человек, который довольно нестрого наблюдал восьмую заповедь. То есть он считал всё имение ближних себе принадлежащим. В таком расположении земли он не пахал и хлеба не сеял. У него был родной племянник, оставшийся сиротой после смерти его брата. И этот племянник, придя в лета, удобные к рассуждению, усмотрел, что дядя его, не исправляя работ, по примеру прочих мужиков, живет гораздо их достаточнее. Почему придя к нему, стал его просить неотступно научить и его таковому же искусству.

«Дядюшка, – говорил он ему, – я вижу, что ты живешь воровством, а сие ремесло кажется мне не очень хитро; так, пожалуй, научи меня красть». – «Как, дурак, красть! – сказал дядя, – знаешь ли, что воров вешают?» – «Неправда, дядюшка, вешают только дураков, кои мало крадут. Например, третьего дня видел я в городе повесили крестьянина за то, что он, умирая с голоду, украл у скупого богача четверть ржи. А старый наш воевода украл у короля 30 000 рублей, его только сменили с места и не велели впредь к делам определять. Но ему и нужды в том нет: деньги-то остались у него почти все, за некоторым расходом. А из того заключил я, что и повешенный крестьянин, если б украл ржи 30 000 четвертей и притом не у судьи, а у самого короля, то бы его только сменили с места, то есть парламент дал бы ему за это шпагу. Итак, красть очень прибыльно; нужно лишь уметь концы хоронить». Дядя, приметив из рассуждения его довольно острую его разума, согласился взять труд поучить его, чему сам горазд.

Первый урок назначен в следующее утро, и приказано ученику явиться часа за два до света. Тороватый племянник, пододевшись на легкую руку, не преминул исполнить повеление и выступил с учителем своим на подвиг. Шедши мимо дерева, увидели они на оном сидящую на яйцах в гнезде сороку: «Вот учись, – сказал дядя, – надобно украсть из-под сороки яйца, чтоб она того не слыхала. Полежай, а я буду тебя поправлять в ошибках». – «Нет, дядюшка, – отвечал он, – ты должен мне показать сию хитрость, а я стану присматриваться твоему проворству». Дядя согласился и полез на дерево. Племянник (которого звали Фомкою) между тем весьма искусным образом облупил у дядиных сапогов подошвы и снял с него портки, так что он ничуть сего не почувствовал. Вор, украв яйца, опустил их. «Вот, Фомка! Так-то учись, – сказал он племяннику, – сорока не слыхала, как я подобрал яйца». – «А ты, дядюшка, не слыхал, как с тебя портки сняли и обрезают у сапогов подошвы», – говорил племянник, показывая ему оные. Вор удивился. «Ну, друг мой! – сказал он, – ученого учить, лишь портить. Я вор славный, а ты преславный: лучше будь ты мне не ученик, а товарищ». Итак, заключа с ним договор вместе воровать, пошли домой.

Проходя лес, увидели они крестьянина, ведущего на веревке корову. «Вот добрая говядинка, – сказал дядя. – Если б можно, отведал бы этого мясца». – «А для чего ж не можно, – спросил племянник. – Я украду корову». – «Вот какой вздор, – сказал дядя, – можно ли из рук у мужика украсть ее!» – «Посмотри только», – молвил Фомка и тотчас, скинув с себя новый сапог, обмарал оный калом и, забежав вперед мужика, бросил на дороге, а сам, спрятавшись за куст, примечал, что мужик с сапогом делает. Который, нашед на оный, хотел было поднять, но, обмарав руку, бросил, и продолжал путь. Фомка, скинув другой сапог, забежал еще вперед, также бросил на дороге. Крестьянин, найдя еще сапог, сказал: «Э! Как жаль, что я не поднял сапога, вот ему пара; однако вернусь, он лежит недалеко». Итак, привязав корову к дереву, побежал назад. А Фомка между тем проводил корову в сторону, где оную с помощью дяди убил и, облупя кожу, набил её травой и, занеся в болото, неподалеку от дороги находившееся, втоптал в трясины, оставив снаружи только хвост, где дяде своему велел прореветь несколько раз коровую.

Мужик, нашедши сапоги, потерял корову. Он не думал, чтоб оную украли, а считал, что она, отвязавшись, забрела в лес. Почему пошел искать, однако долго ходил и кликал понапрасну, ибо в то время содрали уже с нее кожу и набивали травой. Исправясь же, дядюшка Фомкин из куста в болоте начал мычать коровою. Мужик, услыша голос сей, бросился к тому месту и, увидя хвост, кричал: «Эк тебя чёрт куды занес проклятую». Но, пришед и потянув за хвост, нашел не корову, а родимое её платье, набитое травой. Горе его было велико, но нечем пособить. Он взял кожу и побрел домой, а дядюшка с племянничком, разделя добычу, кушали за здоровье его говядину.

Фомке скоро случилось быть праздну, и для того, пришед к дяде, звал он его на промысел. «Куды же ты думаешь? – сказал дядя, – я не ведаю, где бы нам пошататься». Фома, подумавши, вскричал: «Постой! Я вздумал сделать шутку с соседним дворянином». – «Какую?» – спросил он. «Я, – отвечал Фомка, – украду ночью с него и с жены его рубашки и утащу из-под них постель». – «Вот какую небылицу болтаешь ты, – говорил дядя, – сходно ли с разумом из-под живых людей унести постель и снять с них рубашки?» – «Ты увидишь, что я не лгу», – молвил Фомка и пошел на промысел. Прибыв в дом того дворянина, вошел в хоромы, неся с собой целый горшок квасной гущи. Вступя в передспальню, спавших в оной двух девок сшил ниткою очень крепко за косы, и так оставив оных, вошел в спальню и вылил гущу между дворянином и женою его. Потом, спрятавшись за печку, дожидался начала комедии. Дворянин, повернувшись, ощупал нечто сходствующее на свиной конфет, коим у него и у жены его были вымараны рубашки, и, кроме того, между ними находилось одного довольно количество. Он счел, что либо сам или жена его сей грех учинила. «Девки, девки!» – вскричал он, как бешеный, растолкал жену, харкал, плевал, вскочил с постели. Девки, услышав зов, хотели встать, но, будучи сшиты косами, столкнулись друг с другом и упали на пол. Связанные их косы тянули исправно их волосы. Девки спросонья сочли, что подруга её с умыслу за косу тянет. Вдруг вцепились они обе друг другу в волосы и начали драку с криком. Опачканный дворянин, не дождавшись девок, сбросил с себя рубашку и выскочил нагой разнимать девок. Барыня равномерно в том ему последовала. Фомка, дав им свободу судить, мирить и тузить, выбросил постель и рубашки в окно, куда и сам отправился. Он к великому удивлению дяди своего принес добычу.

По прекращении ссоры дворянин крайне изумился, не нашед в толь короткое время постели своей и скинутых рубаш. Он, разговаривая о том поутру, сказал, что дал бы десять рублей тому, кто бы объявил ему причину сей чудной пропажи. Слух о сем дошел до Фомки, ибо он, ходя около двора одного дворянина, наведывался, что в нем происходит. Почему велел доложить о себе дворянину, что имеет до него надобность, и был допущен. Вошед, говорил он: «Я слышал, сударь, что вы желаете знать, каким образом сделалась у вас пропажа, так ведайте, что это мое дело». И требовал в награждение обещанные деньги. Дворянин, узнав от него подробности происшедшего, сказал вору: «Постой, мой друг, увериться сему по одним словам твоим не можно. Ты должен доказать то явным опытом твоего искусства. Если украдешь ты в нынешнюю ночь с конюшни моей стоялого жеребца, я заплачу тебе обещанные деньги вдвое». – «Очень хорошо, – сказал Фомка, – наше это дело». С чем от него вышел.

Дворянин, призвав своего конюшего, приказал одного жеребца чрез всю ночь держать двум человекам за поводья, а третьему за хвост. Сделавши сие учреждение, думал он: «Теперь посмотрю я, как он проворен! Хотя б то и сам сатана был, не обманет троих человек, с таковою осторожностью стерегущих коня моего».

Фомка, высмотря все распоряжение, побежал и купил целый бочонок вина, который подкатил конюхам. По счастью его были они гораздо неопасные неприятели вину. Запах одного тотчас предстал ноздрям их, по коему они, как добрые гончие собаки, добрались к бочонку и, не долго размышляя, принялись все трое оный опоражничать. От сильного прилежания отнялись у них руки, ноги и чувства, и они, попадая на землю, отдались беспечно

во власть сна. Фомка, войдя в конюшню, двоим пьяным дал в руки по поводу, привязав узду к яслям, а третьему вместо хвоста вручил горсть пеньки; жеребца ж проводил он домой. Исправив это, он пришел поутру к господину, который должен был устоять на дворянском слове, прибавив некоторый выкуп и за жеребца.

Спустя несколько дней начал Фомка звать дядю своего воровать в столицу тамошней земли короля. «Мы там можем иметь лучшие случаи красть хорошие куски, а здесь по нашему искусству добыча мала, – говорил Фомка. – Всякое ремесло имеет расположение, и мало-помалу доходит до совершенства. Например, подьячий, притесняя челобитчиков, берет сначала только алтынами, достигнув в секретари, счет его составляют рубли. А если учинится он судьей, что и необходимо с теми, кои искуснее грабили, тогда уже целые мешки управляют его совестью. Мы также совершили уже подвиг подьячих, алтыни и рубли у нас есть, а теперь время подражать нам старому воеводе». Дядя согласен был, и путь начат.

Проходя сквозь один город, Фомка с умыслу учинил драку, чтоб доставить тем дяде своему способ у сбежавшегося смотреть народа что-нибудь из карманов повытаскать. В чем им был хотя и добрый успех, но Фомку, как зачинщика драки, взяли под караул и повели к воеводе того города. Фомка, шед дорогою, поднял немалый камень и положил оный за пазуху. По прибытии в судебное место начался донос. Во время слушания оного Фомка показывал почасту воеводе сквозь кафтан камень. Воевода счел оный за мешок денег и думал, что тем его подарить хочет виноватый, если его оправить. Завистливые судейские глаза разгорелись: страсть ко взяткам принудила его делать все в пользу Фомкину. Тотчас изгнаны доносчики, яко пришедшие из пустяков утруждать воеводу. Оставшись наедине с Фомкой, правосудец просил его дать за труд обещанное. Фомка, приняв на себя суровый вид, сказал, что у него и в мыслях не бывало дарить его. «Как! Что ж ты мне показывал из-за пазухи?» – молвил воевода. – «Камень, – отвечал он, – коим я грозил тебе проломить голову, хотя б ты мало потянул не на мою сторону». Нечего было делать обманутому судье, как вытолкать оного в шею, что он и учинил с великим прилежанием. Итак, Фомка с дядей своим продолжали путь.

Наконец пришли они в столицу. Ходя по городу для примечания, где бы можно что сорвать, узнали, где лежит королевская казна, при коей весьма слабый караул находился, как-то обыкновенно случается в государствах, где парламент строго следует похищения и не находит покраденного. «Вот! – сказал Фомка с радостью, – тут-то можем мы понагреть руки!» По наступлении глубокого ночного времени пришли они для осады кладовой и долго спорили, кому из них идти на приступ. Дядя то предпринять очень боялся, однако Фомка, быв его проворнее и отважнее, взял сей труд на себя. Влез туды, сломавши в окне решетку с стороны, где часового не было, и взял столько денег, сколько мог поднять. Они ушли, и никто им не препятствовал.

Чрез несколько дней осмотрели нецелость денежной казны, о чем весть дошла и до самого короля. Он велел оставить разломанную решетку, так как она есть, чтоб показать, будто бы покража не примечена. Но под окном поставили котел растопленной смолы. Воры не преминули чрез несколько дней вторично посетить казну. Но как была очередь лезть дяде, то он, вскоча в окно, втюрился по самые уши в смолу. Фомка, долго ожидая возвращения своего дяди, догадался, что он попался, и полез туды осмотреть, что с ним случилось. Опустясь в окно осторожно, узнал он его несчастье. Но, приложив всю возможность, вытянуть из смолы не мог, а только удушил его до смерти. Приметив, что уже дядя его успе, отрезал ему голову, а туловище оставил в смоле. После чего набрав еще денег, ушел благополучно с мертвою головою, которую зарыл в землю, ибо не надеялся от ней ни помощи, ни свету. Поутру в кладовой увидели две диковинки: не целую казну, да человеچه туловище без головы. И так, узнали, что не один был вор, но два, из коих вставший, имея к товарищу большую дружбу, когда не мог вытащить из смолы самого, то взял его голову. Хотя и велено

всеми мерами проводывать, не явится ли в покраже сей какового подозрения, но все способы и выдумки были без успеха.

Наконец, король, сожалея о утрате своей казны, а не меньше стараясь о истреблении воров, предпринял сам идти проводывать, для чего и переоделся в простое платье, только забыл снять свою, вынизанную жемчугом и дорогими камнями шапку. По наступлении ночи вышел он из дворца. Люди уже не ходили по улицам, и в городе всюду владычествовали тишина и сон. По случаю встретился король с вором Фомкою, которого и узнал он по шапке, для того что видел одного в ней днем. Король спросил его, что он за человек. «Вор», – отвечал Фомка. «А ты что за человек?» – говорил он королю. «Я тем же питаюсь промыслом, – сказал король, – станем вместе воровать». – «Очень изрядно, – отвечал Фомка. – Но куда же мы пойдем красть?» – «Пойдем к королю в казенную палату», – сказал король. При сем слове Фомка дал ему такую оплеуху, что едва на ногах устоял. «Как! Негодница! – сказал он, – кто нас поит, кормит и охраняет, а ты к тому хочешь идти красть. Пойдем лучше к тому вельможе, коего дом против самого дворца». Нечего было королю больше делать, как согласиться на желание вора, ибо боялся, чтоб оный его не зарезал. Итак, они пошли туда.

Придя к дому, дал Фомка королю железные свои когти, с помощью коих лазил он по стенам, как кошка, и принуждал короля лезть по стене в кладовую, которая была в третьем жиле над спальнею вельможи. Король насилу мог от того отговориться, и Фомка принял труд сей на себя. Лезучи мимо окна, услышал он, что говорят в спальне. Желая узнать, в чем состоит тот разговор, услышал следующее. «Ну, жена, – говорил вельможа, – завтра произведем мы в действие наше намерение». – «Как оное возможно!» – сказала жена. «Вот как, – продолжал вельможа, – ведаешь, что завтра праздник. Короля после обедни позову я на чарку водки, и так дам ему столь смертную отраву, что он, выпивши, на том же месте падет мертв».

Услышав сей разговор, Фомка оставил свое предприятие, и, спустясь на землю, стал на колени пред королем, и смело говорил ему: «Государь! Я знаю, что ты наш король, прости мою дерзость, что я так с вами давече поступил, а теперь я услышал ужасную противу вас измену». После чего объявил ему разговор вельможи с женою. Король оторопел, но, одумавшись, сказал ему: «Я за давешнее сердце на тебя не имею, а за теперешнее обязан моею жизнью. Не сомневайся в моей милости». При чем снял с головы своей драгоценную шапку, надел её на вора, примолвя: «Сей мой подарок да будет тому залогом. Завтре я прошу тебя к себе в гости. И если то в самом деле так, как ты мне донес, то знай, что ты больше, нежели думаешь, почувствуешь мою на себе благодарность». С словом сим они расстались.

Потру во время обедни, когда король со всеми своими придворными и оным зломыслящим вельможею был в церкви, появился Фомка в королевской шапке. Он шел, её не снимая, прямо к королю. Приблизясь к оному, сказал: «Здравствуй, король!» – и без всяких околичностей стал с ним рядом. Король принял его столь ласково, что все предстоящие удивились и не знали, что о том подумать.

По окончании обедни вельможа оный для исполнения своего злоумышления позвал короля к себе в гости, на что он и согласился. По прибытии к нему в дом вельможа поднес королю рюмку с изготовленным ядом. Но король сказал ему: «Нут-ка, братец, по старине сам на здоровье», Вельможа запялся и начал было отговариваться, что ему не довлеет пить прежде государя, но король принуждал его неотменно выпить. Вельможа увидел свою погибель, упал в яму, кою сам ископал. Он выпил яд, сочтя лучше умереть скорою, чем мучительною смертию. Едва отнес он рюмку от рта, сила одного яда повергла его на землю бездушна. Тут уверился король в правде сказанного ему вором. Он повелел жену вельможи казнить. А Фомку пожаловал на место вельможи, отдав ему все умершего имение и женив на дочери его, которая не знала о злом умысле родителей своих. И так Фомка из бедного вора учинился знатным вельможею. Фортуна нередко делает таковые игрушки!

Повесть о Мавранарском королевиче

В древние времена за 15000 лет до наших дней, до покорения Сибири под Российский скипетр, там находилось обширное и многолюдное государство, называемое Мавранар, которое лежало недалеко от Уральских гор. Им владел король по имени Ахмас. При всём его благополучии не доставало ему только наследника его престола. Для получения этого приносил он богам многочисленные жертвы и раздавал милостыни, строил гостиницы для странствующих. Такие его благодеяния заслужили удовлетворение свыше – бесплодие королевы разрешилось рождением прекрасного королевича, имя которому было дано Абакай. Рождение младенца праздновалось многие дни, большое число знати было поздравлено новыми чинами, была дана свобода узникам и между убогими была разделена великая милостыня. Словом, всякий в той стране чувствовал радость из-за рождения королевича и повсюду ничего не было видно, кроме веселья, игр и гуляний. В то же время не забыл король и собрать со всей земли своей волшебников и астрономов, которым велел по знаниям их и усмотрениям определить – каково будет течение жизни его новорожденного сына. Но оказалось так, что ответы их весьма не согласовались с пожеланиями короля Ахмаса, поскольку все они предвещали жизнь юного королевича до 30 лет, весьма подверженной великим напастьям, но каковым именно – того они не знали.

Подобные предсказания весьма ослабили радость Ахмаса и вселили в него внутреннюю печаль. И потому он, желая упредить грозящую его сыну планетами беду, велел воспитывать ребенка у себя глазах, чтобы быть полностью уверенным в его безопасности. Однако годы шли, юному королевичу минуло уже 15 лет, и до сих пор никакого, даже самого малого несчастья с ним не приключалось. Но поскольку невозможно противиться определению судьбы, та всё же учинилась по её власти. Однажды Абакай, прогуливаясь близ морского берега, возымел охоту поездить по морю. По его велению было подведено богато убранное судно, в которое он и сел со всею своею свитою, в сорок человек. Но едва удалились они от берега, как набежали на них морские разбойники. Хотя слуги царские и дали им всевозможный отпор, но превосходящим числом разбойников они были побеждены, взяты в плен, и проданы на острове Самсарит – жестоким людоедам.

Самсариты были поистине чудовища, имевшие человеческий стан и собачьи головы. Они заперли Мавранарского королевича вместе со всеми его людьми в крепкий дом и кормили их несколько недель миндалем и изюмом. А по прошествии этого времени отводили по человеку на день на королевскую кухню, и убивали их – по одному на праздничное кушанье.

Так все сорок человек были съедены самым безжалостным образом, остался только один королевич Абакай, который ожидал равной себе судьбы, и пребывал в рассуждении, что нежное тело его погибло, будучи оставленным на закуску. Приговариваясь к смерти, думал про себя Абакай: «я знаю, что мне не миновать смерти, зачем же мне быть столь подлым, чтобы отдаться произвольно на смерть? Лучше продам я им жизнь свою подороже, и буду обороняться до последней капли крови...» Пока он так размышлял, пришли самсариты – он позволил им без сопротивления отвести себя на кухню... Но зайдя на кухню и увидев большой нож, коим им надлежало ему быть зарезанным, собрал он все силы, разорвал веревку, которой были связаны его руки, и схватив нож, умертвил всех бывших в кухне, прежде чем хоть кто-то из них мог оказать ему сопротивление. Расправившись с ними, стал он с ножом в дверях, и все отваживавшиеся напасть на него, падали мертвые на землю. Вдруг весь двор возмутился: всюду раздавались собачий вой, бреханье и рычанье.

Когда до короля дошла весть, что один человек воспротивился столь многим его поданным, ужас объял его. Он пришел сам к нему и сказал:

– Молодой человек! Я удивляюсь твоей храбрости и дарю тебе жизнь. Не дерись больше с моими подданными – множество без сомнения тебя одолеет. Скажи мне истину, какого ты роду?

– Всемиловейший Государь, – отвечивал королевич, – я сын Мавранарского короля.

– Твоя храбрость, – сказал король, – довольно свидетельствует о твоей природе. С этой минуты ты в безопасности: мой двор отныне и впредь составит для тебя приятное пребывание. Ты будешь счастливее всех смертных тем, что я избираю тебя в свои зятя, и ты сей час женишься на моей дочери принцессе. Она – любви весьма достойная особа. Все принцы моего двора крайне в нее влюблены, но перед всеми ими я тебе даю преимущество.

– Вы, ваше величество оказываете мне очень много чести, – сказал Абакай, которого слова эти не очень обрадовали, – я думаю, что я не столь к этому способен, как самсаритские принцы.

– Нет-нет, – вскричал Король с жаром, – я не изменю моего слова: ты должен быть моим зятем. Не противься моей воле, чтобы после в том не каяться.

Абакай усмотрел, что сопротивление свергнет его в смертельную опасность, вынужден был во всем повиноваться. Итак его женили на принцессе, которая имела наипрекраснейшую сухую сучью головку, острые ушки, и сверкающие глаза: словом, на самой прелестной из красавиц всего острова. Но со всеми этими собачьими статьями любить её королевич Абакай не мог. Сколько бы она к нему ни ласкалась, он получал от этого всё большее к ней омерзение. От этого он без сомнения должен был ожидать опасных последствий если бы не предупредила их смерть этой принцессы, случившаяся по прошествии немногих дней после свадьбы.

Королевич внутренне радовался, освободившись от этого чудовища, но неожиданно для себя узнал, что на этом острове есть закон погребать, как умершего мужа с живою женою, так и живого мужа с умершею супругой; и что уставу этому подвержены все, не исключая и самого короля. Самсариты к этому обычаю так привыкли, что они ни мало ему не ужасались и шли на смерть, с радостью приплясывая и распевая песни. При чём и все вокруг стоявшие делали то же самое. Так что погребение у них казалось больше праздником, чем печальным зрелищем.

Весть эта повергла Абакая в неописуемую печаль, но следовало повиноваться суровости гонящей его судьбы. Начиная погребальные обряды, его положили в новый открытый гроб, дали ему по обычаю один хлеб и кружку воды. И так несли их обоих живого и мертвую к месту, где обыкновенно у них всех погребали. Состояло оно в обширной и весьма глубокой, специально для этого выкопанной яме. По прибытии туда во-первых опустили тело умершей принцессы, а потом все присутствующие разделились на двое – одна часть пела, а другая плясала. На одной стороне стояли любовники с любовницами, а на другой мужья с женами. Первые пели все вместе хороводом, схватившись рука об руку, а последние плясали попарно.

По окончании всех этих обрядов, в которых Абакай не мог принимать участия, опустили также и его в яму к женину телу. Устье ямы тотчас же было покрыто камнем.

У виде себя в ужасной темнице, вскричал он: «О небеса! В каком оставляете вы меня состоянии! Такова ли награда, обещаема добродетельным людям? Для того ли вы, по неотступной просьбе дали меня отцу моему, чтобы и достался я в добычу столь ужасной смерти?

После этого он предался жестокому унынию.

Хотя Абакай и не имел никакой надежды к выходу из этого ада; но почувствовав, что лежит на земле, он встал из гроба и пошел наощупь вдоль стены. Он не прошел еще и ста шагов, как вдруг в глаза ему блеснул свет. Он удвоил свои шаги, поспешив к месту, откуда

тот исходил!. Приближаясь увидел он, что перед ним стоит со свечой женщина, которая, услышав шорох приближавшихся шагов, огонь загасила.

– О небо! – вскричал Королевич – не сон ли это? Нет, конечно сон, произошедший от моего замешательства. О несчастный! оставь надежду увидеть дневной свет: ты сошел уже прежде смерти в вечное обиталище ночи... Ах! Король Мавранарский! злосчастный мой родитель! перестань уповать о моем возвращении – сын твой не будет опорой твоей старости: уже он в челюстях смерти!

По окончании слов этих услышал он голос, произносящий следующие слова:

– Утешься королевич! Если ты сын государя Мавранарского; то не погибнешь в этом месте. Назначенная судьбою вам в супруги избавит вас отовсюду.

– Государыня моя! – отвечал Абакай. – Хотя, без сомнения, должно счесть великим наказанием, чтобы на шестнадцатом году жизни быть заживо погребенным, но со всем тем я лучше соглашусь сто раз окончить здесь жизнь мою, нежели принять от вас помощь на сказанном вами условии, если вы, можете быть таковы внешне, как моя недавно умершая супруга. Если и у вас такая же собачья голова какая была у нее, то любить мне вас никак невозможно.

– Я не самсаритка, – отвечала та, – притом мне идет только четырнадцатый год, и я уверяю вас, что лицо мое вас напугать не сможет.

При этом она, вынув фитиль, опять зажгла свечу, и показала королевичу столь прелестное личико, которое в мгновение ока воспламенило его сердце.

– Какой радостный случай! – вскричал Абакай с восхищением: – ничто с видимым мною сравниться не может. Но скажите мне, кто вы? Я признаю вас за волшебницу, или божество страны этой; ибо вы обещали меня вывести из этой пропасти.

– Я не волшебница, – отвечала та, – а дочь грузинского царя, по имени Динара. Однако приключения мои я расскажу вам в другое время; а теперь объявлю только, что на этот несчастный остров принесло меня бурей, и я спасаясь от смерти, вынуждена была выйти замуж за одного самсаритского вельможу, который вчера умер. Меня по здешнему обычаю погребли с ним вместе, с одним хлебом и кружкой воды. Перед погребением моим спрятала я под платье фитиль, и несколько восковых свечей. По опущении меня в пропасть, встала я из гроба и зажгла свечу, не имея в себе ни малейшего страха, каковой должно ощущать в столь смертельном месте. Спасующее небо подкрепляло меня во всем, предвещая неизвестную надежду к моему спасению. Я пошла от моего гроба, удаляясь от страшных окружающих меня предметов (то есть мертвых всюду валяющихся тел, от коих происходил великий смрад, и искала способа к собственному избавлению. Не отошла я еще и ста шагов, как увидела впереди нечто белеющееся. Оно представляло собой великой мраморный предо мною лежащий камень. Приблизившись к нему, я оторопела, увидев высеченное на нём моё имя. Пройди и сам прочти эту надпись, – проговорила она, подавая ему свечу, – которая и в тебе не меньше моего пробудит удивления.

Абакай подошел к камню и прочел следующие слова:

«Судьба определившая королевичу Мавранарскому в супружество царевну грузинскую Динару, соединит их в этом месте. Королевич Абакай может поднять этот камень, и выйти с супругою своею на свет по лестнице, под оным камнем находящейся».

– Но как можно поднять такой камень? – изумился Абакай. – Для такой работы потребно не меньше ста человек?

– Не сомневайся, любезный королевич, – проговорила Динара, – употреби только свои к тому силы; без сомнения какой-нибудь добродетельный дух или волшебник вошел в наше состояние, желая нас от него избавить.

После чего Абакай, отдав свечу царевне, приготовился поднимать камень. Однако ему не было нужды обращаться на то все свои силы; ибо едва он дотронулся, камень поднялся сам собою и открыл ступени лестницы.

По ней вышли они в открывшуюся пещеру, лежащую у подножия обширной горы. Из пещеры вышли они к берегу реки. Благодаря небо за избавление, усмотрели они небольшое судно, стоящее у берега реки. И так, не сомневались они больше, что у них есть чрезвычайный охранитель. Это сознание умножило радость, какую почувствовали они, увидев свет. Судно их, хотя и было без вёсел и парусов, однако взошли они на него, исполненные надежд. «Судно это, – сказал Абакай, – должно быть управляемо нашим охранительным духом, который имеет старание привести нас в место, обитаемое людьми, нам подобными». И так отдаляясь от берега, они предалися течению реки, которое понесло их вниз. Чем далее они плыли, тем больше усиливалось течение реки, а ширина берегов её убавлялась ввиду того, что текла она сквозь две высочайшие горы, вершины которых соединились, образуя преужасную пещеру, от чего в том месте было мрачно, как ночью. По приближении к той пещере, их судно столь сильно бросило во внутрь, что Королевич и Царевна считали себя пропавшими. Тут начали они терять надежду на прежде имеемое ими охранение свыше. Между тем несло их очень быстро. Иногда их судно бросало весьма высоко, а иногда опускало в неизмеримую пропасть. Считая себя нисходящими в мрачное жилище теней, не щадили они молитв. Но поскольку не определено им было погибать, то вынесло наконец их судно из пещеры, и прибило к берегу, на ровном берегу. Тут же, прибодрившись, вышли они на берег и оглядываясь в поисках места для отдыха, заметили у подошвы одной из гор огромное здание. Оба тотчас направились к нему и, приблизившись увидели, что то были огромные сооружения, вырубленные в скале. Вход в них был посреди через высокие стальные ворота, на которых были видны каббалистические знаки и была сделана на арабском языке следующая надпись: «Ты, желающий войти в это здание, знай, что не достигнешь этого, не умертвив осьминожных тварей».

– Итак надежда моя миновала, посмотреть эти палаты внутри, – сказала Царевна.

– Не меньше и я того желал бы, – вторил ей Абакай, – но трудно, или не возможно получить желаемое, ибо буквы, написанные на воротах, заключают в себе талисман³⁹.

– Однако давай присядем на эту лавочку, – предложила Динара, и подумаем, что нам можно предпринять в наших обстоятельствах?

Они сели, и Абакай попросил девушку рассказать ему свои приключение, в связи с чем она и начала.

³⁹ Талисман – надпись, содержащая в себе волшебную силу.

Рассказ царицы Динары

Отец мой, царь Грузинский, сильно любя меня, воспитал, как приличествует царской дочери. Один молодой царевич, живший при нашем дворе, увидев меня, почувствовал ко мне крайнюю любовь, которая нарушила его спокойствие. Заметив жестокость его страсти, и добродетельные его намерения, подавала я ему надежду, что вздыхает он не понапрасну. В то время прибыл к нашему двору посол из соседнего государства, с требованием выдать меня в жены своему королю. Родитель мой, считая предложение это хорошей для меня выгодой, без дальнего размышления дал в том обещание. Велено мне было готовиться к отъезду с великим визирем. Отъезд мой столь поразил моего любовника, что он, простившись со мною, в тот же вечер умер. Я оплакивала смерть его так горячо, что о любви нашей наверняка возымели бы подозрение, когда бы меня не защищала близость разлуки моей с родителем, почему в слезах моих все обманулись. Наконец я села на корабль, на котором должны мы были плыть около морского залива. Однако страшная буря нарушила благополучное наше путешествие, и отняла у служителей корабля всякую возможность управлять им. И так нас занесло в неизвестные места, а напоследок прибило к Самсаритскому острову.

Чудовища, на этом острове обитающие, услышав шум от прибытия корабля, прибежали и взяли нас в плен. Прочего я не могу вспомнить от страха меня объявшего. Они поели всех моряков, придворных и самого визиря, ну а я полюбилась некоторому знатному, но крайне престарелому вельможе. Он мне и сказал, что если я соглашусь выйти за него замуж, то это избавит меня от всех угрожающих мне бед, коих я иным способом избежать не смогу. Дряхлость его предоставила мне безопасность от его объятий; ибо в самом деле он умер лишь только нас с ним обручили; потому что я от страха быть съеденною, не взирая на омерзение к собачей его голове, согласилась за него выйти. Вчера только его и похоронили

– Ах! – вскричал королевич Абакай, – у вас на платье тарантул.

Царица зная, сколь ядовит этот паук, испугалась, и вскочила, отряхивая платье. Тарантул упал на землю, и Абакай раздавил его ногой. Вдруг они услышали великий шум и стук, при этом ворота сами собой растворились. Королевич и Царица ужаснулись было; но одумавшись сказали друг другу: «Неужели смерть этой-то осьминожной твари должна была разрешить талисман?».

Они обрадовались и вошли в ворота.

* * *

Им представился обширный сад, в котором они увидели всех родов дерева, носящие на ветвях зрелые плоды. Голодные странники, нарвав фруктов, уже хотели было употребить их в пищу, когда поняли, что все они были из чистого золота. Посреди сада протекал ручей, весьма чистой воды, и на дне которого видно было несчетное множество разных драгоценных камней.

Осмотрев в саду все достойное примечания, они прошли в беседку, сделанную из чистого восточного хрусталя: она являлась входом в палаты. Проходя покоями, они, кроме блистающих по стенам переливов золота, алмазов и яхонтов, не увидели ни одной живой твари. Напоследок им представились серебряные двери, отворив которые, они вступили в богато убранный кабинет, где увидели сидящего на софе старого мужчину, имеющего на голове изумрудную корону. Борода его, белизной подобная снегу, лежала по земле. Там же было видно было шесть претолстых волосьев, особо от бороды висящих; усы его состояли из таких же волосьев, каковых было по три на каждой стороне. Ногти его на каждом пальце

простирались в длину не менее аршина. Этот почтенный муж, ласково взглянув на пришедших, сказал им:

– Кто вы, любезные мои дети?!

– Милостивый государь! – отвечивал ему Абакай, – я – королевич Мавранарский; а эта прекрасная особа – дочь царя грузинского, и когда вы нам позволите, мы расскажем вам наши приключения. Без сомнения надеюсь, что несчастья, нами претерпленные, приведут вас в сожаление, и великодушные ваше дозволит нам иметь здесь пристанище.

– С охотой, – у сказал старик; – я вам очень рад, и тем более, что вы царские дети. Вы очень счастливы, что попали в мой дом – я разделю с вами мое благополучие и удовольствие. Оставайтесь со мною навсегда, здесь насладитесь радостью всевечного счастья. Смерть, содержащая под своей властью своею всех людей, здесь коснуться вас не сможет. Впрочем ведайте, что я царь Китайский. Древность мою вы можете усмотреть по великим моим ногтям, Я живу уже 9700 лет. Бунт произошедший в государстве моем, принудил меня из него удалиться. Я пришел в эту степь, где повелел духам построить этот огромный дворец. Духами я повелеваю, как каббалист⁴⁰. Тысячу лет не выходил я из этого места, и намерен навечно тут остаться. Я разумею тайну камня Премудрости, и силою его я бессмертен. Я научу вас этой важной премудрости после того, как вы проживете со мною несколько веков... Однако я вижу, что слова мои приводят вас в сомнение. Будьте уверены в их истинности. Человек разумеющий, как делать Философский камень, не может умереть естественной смертью, пока того не захочет сам. Правда, хотя он может быть убит, и тайна эта не защищает его от насильственной смерти; но чтобы сохранить себя от таковой опасности, он должен будет удалиться в подземные обиталища, или построить себе замок, подобный моему. Здесь я в безопасности: людская злоба и ненависть навредить мне не могут. Талисман, увиденный вами на воротах, составлен так, что никакой злодей и разбойник в них пройти не сможет; хотя бы и убил он тысячу осмиоженных тварей. Вход сюда дозволен одним только людям кротким и добродетельным.

По окончании этой речи, царь Китайский заключил с королевичем и его спутницей договор о вечной дружбе, а те вознамерились с ним остаться навсегда. Он спросил их, не желают они покушать, и узнав, что они уже два дня не ели, показал им два фонтана, изливающих в обширные золотые купели. Один вместо воды бил наилучшим вином особенного вкуса, а второй – несравненным молоком, которое, попадая в купель, становилось приятнейшего рода кушаньем. Старый царь позвал трех духов, и приказал им подать яства. Те приготовили стол на три персоны, и в трех золотых блюдах поставили эту молочную снедь. Сев за стол, Абакай и Динара поели всё с превеликим аппетитом; причем духи подавали им в хрустальных сосудах вино. Старый же Царь, коему в силу обладания великими ногтями не возможно было употреблять пищу из рук своих, разевал только рот, а кормил его один из духов, как младенца.

После стола старый царь просил Абакаю рассказать свое и Динары приключения; что ими и было сделано. По окончании из рассказа, царь говорил им:

– Забудьте, дети мои, произошедшие с вами несчастья. Вы оба молоды, достойны любви; заключите же между собою вечный союз. Здесь вы насладитесь блаженством нескончаемого благополучия, и любовь ваша взаимно пребудет навсегда.

Абакай и Динара и прежде клялись уже друг другу в вечной любви; а тогда возобновили ласки, и сочетались супружеством.

Нежные любовники эти, хотя и желали бы каждую минуту посвящать взаимной страсти; но из почтения и любви к старому Царю, проводили при нем большую часть дня, забавляя старца приятными разговорами, или слушая от него удивительные истории, кои он им

⁴⁰ Каббалист – в высочайшей степени волшебник.

беспрестанно рассказывал. Так шли годы. Между тем Динара родила двух прекрасных сыновей, коих вскормила собственной грудью. По пришествии их в возраст способный к наукам, один дух, по повелению китайского царя, научил их многим хорошим и таинственным наукам. Семи лет от роду они уже знали очень много.

В то время Динара говорила мужу своему:

– Я признаюсь, что замок этот мне становится скучен. Тщетно вижу я пред собою все эти различные чудеса. Устав вечного здесь пребывания порождает во мне отвращение от всего этого. Хотя Царь Китайский и обнадеживает сделать нас бессмертными; но бессмертие это мне вовсе не приятно. Премудрость его не может учинить такого, чтоб мы не составились; а долгую жизнь в старости я считаю более за бремя, чем за благополучие. Сверх того я крайне желаю видеть моего родителя; если сверх моего чаяния печаль о моей мнимой смерти уже не прекратила дни его.

– Любезная Динара, – отвечал ей Абакай, – в этом бессмертии я нахожу не иное удовольствие, кроме как то, что могу любить тебя вечно. Небо тому свидетель, что и я не менее твоего желаю видеть моего родителя, о коем я никогда без слез вспомнить не могу. Но есть ли нам надежда доехать до Грузии, или до моего отечества?

– Судно наше, – сказала царевна, – стоит еще целое на том же месте, где мы его оставили. Вверим себя ещё раз нашей судьбе. Поплывем опять по реке; может быть, она принесет нас в таковое место, откуда мы сможем сыскать случай приехать ко двору отца моего, или в твои земли.

– Я соглашаюсь на ваше желание, – проговорил Абакай; – ибо, что угодно вам, то и мне всегда приятно. Оставим же этот замок, когда он вам противен, и сядем в судно с детьми нашими. Но каковым покажется отъезд наш китайскому царю? Он любит нас, как собственных детей. Можно ли нам его оставить? Отлучка наша сделает его безутешным.

– Мы поговорим с ним, – сказала Динара, – и притворимся, что отлучаемся от него только на малое время. Я думаю, что он в надежде о нашем возвращении много тужить не будет.

По таком условии пошли они к старому Царю, и представили ему, что они возымели желание непременно повидаться с своими родителями, и что разлуку с ними больше переносить не могут. Они просили у него дозволения на то, обещаясь чрез несколько лет опять к нему возвратиться. Услышав это, старый Царь начал неутешно плакать.

– Ах! мои любезные дети, – сказал он, – итак, я должен вас лишиться. Я не увижу уже вас больше.

– Всемиловейший Государь, – говорил ему Абакай, – дозвоьте нам последовать стремлению родственной любви. Когда же мы его удовлетворим, то опять возвратимся к вам в уединение, и насладимся с вами счастьем бессмертного здесь пребывания.

Динара подтвердила ему то же самое. Но как они ни льстили престарелому царю своим возвращением; он с помощью своей науки знал внутренние устремления их сердец, заключающих в себе совсем иное. Соболезнование, почувствованное им в преддверии лишения милых ему людей, сделало ему жизнь его несносной. Не желая более пребывать на этом свете, призвал он к себе Ангела смерти, которого своими познаниями столь долго от себя удалял – тот и пресек дни его. Едва он закрыл глаза своим вечным сном; как духи унесли его тело, замок со всем убранством исчез; а королевич Абакай с женой и своими детьми очутился в просторном поле. Они не могли удержаться от слез, сознавая, что стали причиною смерти царя Китайского, их благодетеля. Но печаль эту утешила надежда увидеть своих родителей. Итак, они начали готовиться к отъезду. Собрали несколько плодов, которые, не взирая на бесплодие той пустыни, природа произвела в том месте, и отнесли их в судно, которое так и стояло на том же месте, где они его оставили. Потом войдя в свой корабль, пустились они вниз по реке. Река же, неся их с прежним стремлением, через несколько часов примчала к

своему устью, где впадала в море. Разбойники проезжавшие около того места, увидев судно, приблизились к ним, и закричали, чтобы они сдались добровольно, если не хотят умереть. Что было делать безоружному Абакаю, против множества вооруженных злодеев? Он беспрекословно отдался во власть этих злодеев, и лишь только попросил их ради всего, что есть для них священного, чтобы они не бесчестили его супругу, и не отняли жизни у детей их. Забрав их всех на корабль, разбойники поплыли к некоторому острову, высадив на котором Абакаю, отправились далее в море, увезя с собою Динару и обоих её сыновей.

Невозможно описать горя, почувствованного этими нежными супругами при разлуке. Они наполняли воздух жалостными воплями, и любой, кроме тех злодеев, глядя на них, посочувствовал бы им; но те имели глухие на жалость уши. Королевич не переставал проклинять разбойников до тех пор, как корабль скрылся с глаз его.

– О, вы, безбожники! – восклицал отчаянный Абакай, – я не сомневаюсь, что правосудие небес не оставит вас без отмщения. Гнев их постигнет вас всюду! – Потом возведя глаза к небу, он взмолился: – О, праведное небо! всегдашняя моя защита, неужели твоя была воля лишить меня жены и детей столь бесчеловечным образом? Если ты не сотворишь со мною нового чуда, возвратив мне их: то я буду иметь больше причин всечасно на тебя жаловаться, чем прославлять прежде оказанные тобою мне благодеяния. Не нашло ли ты мне другой причины к смерти, как только, чтоб я оставил свет опечаленным отцом и злосчастным супругом?

По окончании этих слов, увидел он толпу людей, приближающихся к нему. Их вид представился ему весьма странным. Они имели стан во всем подобный человеческому, только были без голов, на грудях имели широкий рот, и на каждом плече по глазу. Эти чудища, схватив Абакаю, представили своему государю.

– Ваше Величество, – говорили они, – этого человека столь странного вида мы нашли на морском берегу. Может быть, он лазутчик, подосланный от неприятелей наших?

– Всяко бывает, – сказал их король, – приготовьте огонь, и как только я его допрошу, бросьте его в костер.

Потом, обратившись к королевичу Мавранарскому, начал его допрашивать:

– Молодой человек, поведай мне, кто ты, откуда, и кто привез тебя на наш остров?

Абакай не скрыл от него своей природы, и рассказал обо всём с ним случившемся. Король выслушав про всё это с удивлением, сказал:

– Королевич! Я примечаю, что небо прилагает особое старание о соблюдении вашей жизни; ибо, хотя б вы даже не открыли мне чрезвычайных ваших приключений, то внутренняя склонность сердца моего обращается в вашу пользу. Вы должны остаться живы. Я даю вам при дворе моем любое место, и надеюсь, что вы мне окажете помощь в войне, которую я веду с королем соседнего острова. Я объясню вам причину ее. Дело в том, что неприятель мой и его подданные с виду вовсе не такие, как мы – люди без голов. Они на человеческих туловищах имеют... птичьи головы! Когда же они говорят, голос их подобен птичьему крику. Почему мы всех их, попадающих в наши руки, считая за водяных плиц, попросту съедаем. За это король их объявил нам войну, и беспрестанно вероломно посылает на нас свои вооруженные корабли, которым хоть и не всегда удается нам навредить; однако он не оставляет своего коварного намерения всех нас искоренить, равно и мы надеемся всех их рано или поздно переест.

– Вот какова причина несогласия нашего, – заключил со вздохом безголовый король. – Мы всегда держимся настороже, опасаясь их нападений, а они до сего времени вечно имели над ними выигрыш.

Королевич Мавранарский попросил принять его в королевское войско; за что он и пожалован был королем званием военачальника. В скором времени наш молодой полководец доказал, что он достоин был столь высокого звания, и не напрасно носил чин свой. Вблизи

берегов их острова показалось множество вражеских кораблей. Сам король с птичьей головой и отборными людьми из своих подданных явился для окончательного истребления безголовых. Абакай дал им время высадить половину войск на берега; а потом вдруг ударил в них с своими подчиненными столь отважно, что, приведя неприятеля в замешательство, принудил оставшихся бежать на корабли и спасаться в море. Множество кораблей было потоплено, порублено, и много врагов было взято в плен. Сам птичий король едва смог спасти жизнь свою бегством.

Безголовые еще ни разу не имели такого счастья в победе. Все приписывали честь её королевичу Абакаю, и воины признавались, что они никогда столь хорошо предводимы не были, и что никто из прежних их полководцев не выказал столько храбрости и доброго распорядка в нападении. Эта похвала польстила молодого королевича, оказать еще более ценные услуги. Он предложил безголовому королю вооружить флот, и учинить нападение на неприятельский остров. Совет этот Королю понравился. Он повелел построить сто кораблей, и вооружив их, отправил под начальством Абакая на птичий остров.

Флот прибыл к острову ночью. Абакай высадил тотчас войско на берег, и на рассвете, построив их в боевой порядок, пошел прямо к королевской столице, и напал на нее внезапно, раньше чем птичьи головы могли остеречься. Все способные носить оружие были умерщвлены, город был взят, король со всем своим двором, и множеством подданных был пленен. И так Абакай с победой возвратился на остров безголовых, где ему была учинена знатная встреча, и эта столь славная победа праздновалась еще целый месяц. Пленников разделили по обывателям, коих накушались до отвала подобиями этих водяных птиц. Сам побежденный монарх не избежал той же злосчастной участи. Его в один всенародный праздник съели за королевским столом.

По окончании этого похода, решившего войну, Королевич Абакай в течение нескольких лет вел праздную жизнь при дворе безголового короля, который настолько его полюбил, что однажды, призвав его к себе, сказал:

— Любезный королевич! Я стар уже и не имею наследников мужского пола. Я оставляю тебе мою корону с тем, чтобы ты разделил её с моей дочерью. Хотя ты и весьма чудного и смешного виду; однако же я тебя избираю в мои зятя.

Абакай, хотя и весьма благопристойно от этого отрекся; но Король, переменяя голос, сказал ему:

— Послушайте королевич! вам очень непристойно, отвергать честь, которую я вам оказываю. Знайте, что все ваши заслуги не воспрепятствуют вам почувствовать вам гнев мой, если вы еще хотя бы одну минуту продолжите упорствовать. Завтра вам следует жениться на моей дочери... Или я велю срубить этот шарик, без всякой надобности выросший у тебя между плеч, и тем тебя обезображивающий.

Выговорив это, король в расстроенности чувств пошел от него прочь.

Слова эти были произнесены голосом, вразумляющим Королевича, что он должен жениться на безголовой принцессе, или умереть. В столь печальных обстоятельствах, оставалось ему лишь пожаловаться он на судьбу свою. «Ах! лютое созвездие, под коим я родился, — говорил он небесам — доколе ты не оставишь меня? Не довольно ли того, что я женат уже был на королевне с собачьею головою? Но должен еще быть супругом безголового чудовища. Ах! Динара, моя любезная Динара! отсутствие твое приносит мне эти страдания. Может ли человек, носящий прелести твои, начертанными в своем сердце, жениться на чудище, имеющем на плечах глаза, а на грудях рот, более способный есть, чем целовать людей?

Но не взирая ни на что, наш Абакай должен он был жениться; и в следующий день с великим торжеством совершилась эта церемония.

Когда остались они наедине в спальне, Королевна тотчас подошла к нему. Абакай затрясся от страха и омерзения к ней. Он думал, что приблизилась она к нему с тем, чтобы по должности супруги обняв его, выказать ему любовь свою. Но предложение её возвратило ему спокойствие.

– Я прекрасно понимаю, – сказала она, – что такой человек, как вы, такую жену, как я, не только не любить, но ненавидеть должен. Это заключаю я по собственному моему о вас мнению. Я имею к вам столько же омерзения, сколько вы ко мне. Мы смотрим друг на друга, как на чудовищ, и должны жаловаться на причину столь противного сочетания; вы на угрозу смертью, а я – на повиновение родительской власти. Но я вам скажу коротко: если вы, как человек великодушный, откажетесь от прав супружества; я сделаю вас счастливым человеком.

– Ах! сударыня! – вскричал Королевич, – я с величайшей радостью сей же час все эти права с себя слагаю. Однако скажите мне, как вы можете учинить меня счастливым?

– Знайте же, – отвечала она, – я люблю некоего астрального духа, который также меня сердечно любит. Когда он узнает, что я выдана замуж, без сомнения, он меня унесет. Я попрошу его, чтоб он отнес вас в ваше отечество, или куда вам угодно; и не сомневаюсь, что это доставит ему столько же радости, сколько и вам. Полагаю, что он с охотой исполнит он ваше желание.

– Я буду вами весьма обязан, – сказал обрадованный таким обещанием Абакай. – Я с радостью и в полную власть оставляю этому счастливому духу данное мне Гименеем сокровище.

С этими словами, он возлег с королевной на софе.

Они еще не заснули, как пресловутый влюбленный в безголовую красавицу дух, предстал в их спальне. Выслушав просьбу королевны и Абакай, схватил он их обоих в руки и полетел с невероятной скоростью. Он опустился на остров, отстоящий оттуда не в дальности; где положил королевича на постель, сделанную из розовых цветов; а сам исчез с королевной и очевидно отнес он её в великолепные волшебные палаты, специально приготовленные для её пребывания. Оставшись в неизвестном месте, Абакай подумал: «Быть может этот дух не столь справедлив, как мне о нем было сказано; ибо вместо отечества моего принес он меня на остров, который может быть обитаем таковыми же плотоядцами, как и самсариты». Обеспокоенный такими мыслями, он по наступлении дня увидел пожилого мужчину, моющегося у морского берега. Он с поспешностью встал, и подошел осведомиться, что это за человек. Привыкший к чудовищам, Абакай подумал, что и этот им подобен. Но к неопишуемой радости, приблизившись к нему, увидел во всём подобного себе человека. Он спросил его, какой он страны.

– Я – азиат, – отвечал старик. – Но вы, любезной молодой человек, – продолжал он, – вы кто таков будете? Вид ваш, кажется мне, выдает в вас не простого обывателя.

– Вы не обманываетесь, – сказал ему Абакай, – я – королевский сын.

– Которого же королевства владетель родитель ваш? – спросил с любопытством старик. – Пожалуйста, не скрывайте от меня состояния вашего. Я клянусь вам богами, что я не льстец, и больше склонен служить, нежели вредить вам.

– Если вам угодно знать о том, – отвечал Абакай; – то я – королевич Мавранарский.

– Ах! небеса! – вскричал старик, – возможно ли стать, чтоб вы были тот самый несчастный Абакай, которого увезли морские разбойники!?

– Кто вам рассказал о моем приключении? – оторопел от его слов королевич. – Мне это очень важно знать...

– Милостивейший Государь! – с говорил старик. – Я – один из астрономов, предсказавших родителю вашему, о ваших несчастьях при рождении вашем. Впрочем с сожалением

моим должен я вас огорчить, что похищение ваше стоило жизни вашему родителю. Он умер с печали в несколько дней после того. Народ, весьма его любивший, долго оплакивал кончину его, и поскольку все сомневались в возвращении вашем: то в короли был избран принц Гидда вашей крови. Он же по восшествии на престол собрал всех волшебников и звездочетов, и повелел нам по науке нашей исследовать, каково будет царствование его. Но предсказания наши ему не понравились. Он захотел отомстить нам за те несчастья, которыми грозило ему небо, и велел всех нас казнить. Однако мы по науке нашей предузнав его намерение, оставили Мавранар, и бежали, каждый в ту часть света, кому куда хотелось. Я прошел многие земли, и наконец прибыл на этот остров. Здесь вознамерился я окончить остатки жизни моей; ибо этим островом владеет столь милосердная Королева, что подданные её считают себя самыми благополучными пред всем светом.

В продолжение слов старика королевич Мавранарский неутешно плакал. Кончина его родителя приключила ему столько горя, что старик, оставив свою повесть, принужден был утешать его.

– Милостивейший государь! – говорил он ему, – если я вверг вас в страдание столь печальным известием: то должен припомнить вам и радостную весть. Я помню наше предсказание при вашем рождении. Небо обещало вам после тридцатилетних несчастий все свои щедроты; а поскольку к этому времени вам уже наступил ныне 31 год, то и все несчастья ваши, очевидно, уже миновали. Если вам угодно, последуйте со мною к здешнему великому визирю. Он, будучи человеком добродетельным, представит вас нашей государыне, которая узнав о ваших злоключениях; наверное, окажет вам и пристойные вашей чести благодеяния.

Королевич со всем своим горем не мог отвергнуть такого предложения. Они оба пошли к визирю, который, едва лишь узнав имя королевича: выразил чрезвычайную радость всем своим видом.

– О небеса! – вскричал он, – Лишь вам возможно чудеса творить. Пойдем, ваше высочество, – сказал он Абакаю, – пойдем к моей государыне. Там узнаете вы причину моей радости.

С этими словами повел он его во дворец. По прибытии в покои визирь сообщил Абакаю, что оставляет его на короткое время, дабы предварить государыню о его достоинстве, почему она могла бы учинить приличный ему прием. Визирь исчез во внутренних покоях, и вскоре Абакай усмотрел шествующую к нему Королеву. Он подошел поцеловать полу её платья. – Но какое зрелище! – Королева взглянув на него, вскричала, и лишилась чувств. Абакай бросился ей на помощь и подхватил ее. Он устремил свои взоры на черты лица её.

– Боги! – возопил он, сжал её в своих объятиях, и слова исчезли в устах его. Между тем королева пришла в сознание.

– Дражайший Абакай! – сказала она, заключив его в своих объятиях, – можно ли быть живой от радости, каковую я ощущаю!

– Ах Динара! дражайшая моя супруга! – восклицал он, – не сон ли тревожит измученные чувства мои!

Но восторг этой четы удобнее вообразить, чем описать. Они говорили, прерывали слова, обнимались, и слезы радости проливались посреди нежнейших поцелуев.

После первого восхищения Абакай спрашивал у супруги о своих детях.

– Вы скоро увидите их, – ответствовала Динара. – Они нынче ж возвратятся с охоты, на которую выехали.

– Но скажи, любезная королева, – говорил Абакай, – каким образом ты стала обладательницей этого острова?

– Я расскажу вам, – сказала Динара, – каким случаем взошла на престол, который завтра вам оставляю; и полагаю, что мои подданные будут согласны, если я разделю его с вами.

– «Когда пленившие нас разбойники, оставив вас на острове, уехали со мною в открытое море: то не отъехали мы шести верст, как настала ужасная буря, которой, не взирая на искусство и все старания корабельщиков, принесло нас к берегам этого острова. Корабль наш разбило в щепы о камни. Спаслось только малое число невольников; разбойники же все потонули. Я не намерена была просить небо о своем спасении: ибо жизнь мне по разлуке с тобою была несносна. Я схватила только детей наших, желая умереть с ними вместе. Уже начали было мы погружаться в волны; но жители этого острова, приметившие крушение корабля, подоспели на лодках. Они вытащив из воды нас, полумертвых, отнесли в свои жилища; где стараниями их, мы скоро пришли в себя. Король этого острова, получив известие о крушении корабля, пожелал видеть спасенных, чтоб подать помощь в их несчастье. Он был лет девяноста, и по достоинству был любим своими подданными. Я не скрыла пред ним ничего, как о природе своей, так и обо всех наших приключениях. Он был весьма тронут моими несчастьями, и соединил слезы свои с текущими из глаз моих, от коих я не могла удержаться, вспоминая о тебе, дражайший супруг. Старый король с терпением выслушал мою повесть; а потом говорил мне: «Моя любезная дочь! Вам должно с терпением сносить несчастья. Небо испытывает тем наши добродетели. Если мы переносим их великодушно; то всегда после печалей следуют радости. Оставайтесь при мне; я о вас и детях ваших буду заботиться, как о своих собственных, которых я не имею. Поверьте, что я сохраню к ним дружбу и любовь».

Этот великодушный монарх не довольствовался оказанными мне великими благодеяниями; но всегда требовал советов моих в важных государственных делах, и брал с собою в тайный совет. Все слова мои он считал за премудрый устав, и расхваливал меня пред всеми. Все знали мою природу, и почитали меня, как настоящую королеву. Пять лет провела я при дворе его, по прошествии которых, сказал он мне: «Любезная королевна! время мне открыть вам, свое намерение. У меня есть желание, чтобы вы по смерти моей наследовали мой престол. А чтоб то было надежнее: должен я на вас жениться. Годы мои приводят вас в неопасность помыслить, чтобы вы изменили тем вашему супругу. Подданные мои, почитая ваши добродетели, похвалят выбор мой, и будут меня благодарить, что я вам по себе вручаю корону мою. – Польза и благополучие сынов ваших склонила меня принять это предложение. Свадьба наша, к великой радости всего народа, совершилась, которая удвоилась тем, когда Король в духовной своей объявил меня наследницей престола после своей смерти. Она следовала вскоре, словно этот благодетель наш за тем только и медлил на свете, чтоб совершить с нами свою милость. С того времени я благополучно владею островом, и могу похвалиться, что мое единственное утешение состояло в том, сделать подданных моих счастливыми».

Едва королева окончила свою речь, увидели они детей своих, возвратившихся с охоты.

– Идите к нам, мои любезные, – вскричала Динара, – поцелуйте своего родителя, которого небо вам возвратило.

Движение родственной крови не дозволило принцам усомниться в её словах. Они бросились к своему родителю, королевичу Мавранарскому, который заключил их в свои объятия.

Во время, как это дражайшее семейство оказывало друг другу чувствительные знаки взаимной радости и горячности, великий визирь, по повелению королевы, собрал вельмож, дворянство и народ. Он объявил им произошедшее с королевичем Мавранарским приключение и предложил им признать его королем своим. Все общество охотно на то согласилось, и единодушно возгласило Абакаю своим монархом, который сообщая с супругой своей правил этим местом столь благополучно, что можно сказать, что в то время возвращен был на этот остров золотой век.

Абакай и Динара, имели удовольствие, повидать царя грузинского, отца своего, и еще при жизни еще своей возвести на Мавранарский престол старшего своего сына Алман-

зора. Ибо король Гидда погиб во время бунта народа, озлобленного его жестокостями; что и способствовало без всякого кровопролития принять на престол законного Мавранарского наследника. Младший королевич, Богар, вступил после них во владение островом, где родители его показали пример добродетелей и благоденствия. Он подражал им и был счастлив.

Приключения Гассана Астраханского

В древние времена в Астраханском царстве, в городе Астрахани жил купец по имени Абдармон, торговля которого состояла в одном лишь пиве. Он имел сына шестнадцати лет по имени Гассан, которого природа одарила красотой и разумом. Сверх того он пел и играл на лютне столь совершенно, что всех слушателей приводил в восхищение. Искусство в музыке приносило великую пользу его отцу, потому что у него в питейной лавке каждый день собиралось великое множество народу, и был большой спрос на его напиток. К тому же он напиток свой в такие вечера продавал гораздо дороже, и благодаря тому время от времени становился всё богаче.

Однажды, когда молодой Гассан в удовольствие собравшегося народа играл и пел, пришел туда же некий славный каббалист⁴¹ по имени Падманаб. Сколько ни дивился он игре Гассана, не меньше он и пленился, поговорив с ним, очарованный его разумом. После чего каждый день он начал посещать его лавку, и каждой раз давал ему по червонцу.

Чрез некоторое время, Гассан сказал отцу своему, что к нему ежедневно приходит взрослый муж, вид которого свидетельствует о том, что он человек непростой, что он всегда с ним по несколько часов разговаривает, и при прощанье дает ему по червонцу.

– Сын мой, – говорил ему Абдармон, – тут скрыта какая-то тайна. Может статься, мнение этого мужа не совсем беспорочно. Такие люди, хотя и кажутся на вид простосердечными; но в душе у них всё далеко не то. Завтра, когда он придет, скажи ему, что я с ним охотно желаю поговорить, и приведи его ко мне. Из его слов я узнаю истину, как бы он ни притворялся, и настолько ли он чистосердечен, как кажется на словах.

Гассан поутру это исполнил, и пригласил Падманаба к своему отцу. Тот принял его со всевозможной вежливостью, и для него был приготовлен изрядный обед. За столом разговаривая, усмотрел купец в нем великий разум и постоянство. После чего осведомился он, из какой он земли, и где живет. Узнав же, что он чужестранец, пригласил его жить в дом свой. Падманаб принял предложение его с благодарностью, и переехал жить в дом его. Он одарил отца многими подарками, а сына начал любить более прежнего, так что в одно время сказал ему:

– Любезный Гассан! я хочу тебе открыть тайну моего сердца. Я нахожу в тебе дух, пригодный к познанию таинственных знаний. Хотя по летам твоим ты пока склонен больше к забавам; но надеюсь, что ты переменишься, и будешь думать о тех премудрых таинствах, коим я тебя хочу научить. Намерение мое учинить тебя счастливым. Пойдем со мною за город; я покажу тебе несчетные сокровища, и отдам тебе их во власть.

– Вы ведаете, – отвечал Гассан, – что я завишу от родителя, и без позволения его идти с вами не могу.

Каббалист был ответом его доволен, поговорил о том с отцом его, который поверив во всем этому разумному мужу, позволил сыну отправиться с ним.

Падманаб и Гассан вышли за город и направили путь к одному лежащему вдали, полуразвалившемуся каменному зданию. По прибытии туда нашли они колодец, наполненный водою по самые края.

– Заметьте хорошенько этот колодец, – сказал каббалист. – В нем лежит обещанное вам мною сокровище.

– Тем только худо, – отвечал Гассан, – что в нем вода. Как я смогу достать его с такой глубины?

⁴¹ Маг, изучающий тайную науку каббалу.

– Я не удивляюсь, сын мой, – продолжал Падманаб, – что тебе это кажется чудным. Не всем людям дана мудрость, каковой владею я. А если б ты узнал всё, что я могу делать; то удивление твое было бы бесконечно.

Между тем он, вынув из кармана бумагу и карандаш, написал несколько странных и незнакомых слов, и бросил написанное в колодец. После чего вода из него пропала, так что и капли от нее не осталось.

Они спустились в колодец, где нашли лестницу и пошли под землю. Продолжая путь в течение некоторого времени, нашли они дверь, сделанную из красной меди, и запертую огромным стальным замком. Каббалист написал некое заклятие, и коснулся им замка; отчего тот тотчас же соскочил. Отворив дверь, вошли они в погреб; где с помощью зажженного факела увидели они стоящего и ужасного видом Арапа, опирающегося на великий белый мраморный камень, Арап увидев их, поднял камень, и хотел было в них бросить; но Падманаб, проговорив некоторые слова, дунул на него; от чего тот упал навзничь на пол. И так прошли они сквозь погреб без всякого препятствия и вышли на обширный двор, посреди которого находился некоторый род здания, построенного из самого чистого хрусталя. Вход в него охранялся двумя ужасными, по обе стороны дверей стоящими змеями, которые из страшных своих челюстей выбрасывали пламя и смертоносный дым. Гассан затрепетал, увидев этих чудовищ.

– Ах! возвратимся назад, – вскричал он. – Эти ужасные змеи сожгут нас своим сиянием.

– Будь смел, – сказал ему каббалист. – Наука, которую я тебе хочу открыть, требует неустрашимого духа. Чудовища эти, услышав голос мой, немедленно исчезнут. Я имею власть повелевать духами, и в силах уничтожить все их чары.

Сказав это, проговорил он некоторые слова; от чего змеи скрылись, и двери того здания сами собою растворились. Падманаб и Гассан вошли внутрь, и последний восхитился, увидев там другой двор, посреди коего стоял блистающий храм, высеченный на целого алого яхонта. На верху его поставлен был карбункул⁴² шести степеней в поперечнике, от которого в том подземелье распространялся такой был свет, как если бы там светили два солнца сразу.

Само это здание не охранялось никакими чудовищами; но при входе в него стояли шесть идолов, вырезанных с несравненным мастерством из целых алмазов, и представляющих прекрасных девиц, бьющих в маленькие барабаны. Дверь во святилище, сделанная из самого чистого изумруда, была отворена. Сквозь нее был виден огромный зал. Гассан не мог насытить глаз своих, взирая на столь чудесные вещи. Наконец, осмотрев зал снаружи, Падманаб ввел его во внутрь. Свод зала был сделан из самого чистого золота, а пол из некоторого рода прозрачного порфира, всюду украшенный жемчугом. Тысячи разных удивительных вещей ослепляли там взгляды Гассана. Падманаб провел его в четырехугольную комнату, в которой лежали в одном углу великая куча золота, во втором – гора самых лучших самоцветных камней, в третьем – серебряный сосуд, а в четвертом – кучка земли.

Посредине этого покоя стоял великолепный престол, на котором виден был серебряный гроб, содержащий в себе тело некоего государя. Глава его была увенчана золотой короной, осыпанной крупнейшим жемчугом; а перед престолом стояла золотая таблица, содержащая следующую надпись: «Люди спят, покуда они живы, и пробуждаются не прежде часа смерти своей. Какая мне ныне польза, что я владел таким богатством? Уже я не ощущаю окружающих меня сокровищ. Нет ничего кратковременнее и скорее преходящего, чем счастье. Вся человеческая власть – есть мечта. О безумный смертный! До тех пор, как ты стоишь на весах, и жизнь твоя на обе стороны колеблется, не хвались своим благополучием. Вспомни время, в кое цвели фараоны. Они теперь ничто; а вскоре и о тебе память также исчезнет».

⁴² Карбункулом называется яхонт темно-красного цвета, и весом больше 20 карат. Легенды говорят, будто бы он ночью светит.

– Кто этот царь, лежащий в гробу? – спросил Гассан.

– Один из древних египетских монархов, – отвечал Падманаб. – Он был строителем этих подземных полостей, и собиратель всех видимых здесь сокровищ.

– Вы удивляете меня, – сказал Гассан. – Для чего этот царь построил под землю такое чудо? И зачем он в недрах земли спрятал столь великое сокровище, какого, кажется, во всем свете нет? Все прочие государи прославляют память свою, оставляя отечеству бывшие в их власти сокровища; а не зарывают их от глаз человеческих.

– Твоя правда, – отвечал Падманаб. – Но этот царь был великим каббалистом, и часто удалялся от двора своего в это уединение, для исследования таинств естества. Повелевая духами, ему не трудно было в несколько часов, перелетать пространство между реками Волгой и Нилом. Он знал многие сложнейшие таинства, а между прочими Философский камень, как видно из сокровищ, лежащих по углам этой залы. Все они сделаны из этой черной земли, в углу лежащей.

– Возможно ли быть такому! – вскричал Гассан; – чтобы обычная земля всё это произвела?!

– Не сомневайтесь, – сказал Падманаб. – Я растолкую вам все таинство Философского камня, заключающееся в двух этих Сирских стихах:

Вирехил ароус харби шахсаде хитага,
вир тифтола булардан султан хобруга.

То есть:

Дайте невесту от пастуха сыну Царя Запада;
и от них народится сын прекрасного вида.

Это значит:

«Омочите сухость Адамской земли, приходящей с востока, и из того родится Философический состав, которого – сила – Обращает все металлы в золото и серебро, а кремни – в драгоценные камни. В серебряном горшке этом находится та самая вода, которою должно смочить сию черную землю; и так произведет она всё здесь видимое. Если вы будете иметь одну горсть сей земли; то можете все простые металлы во всем вашем царстве, обратить в серебро и золото, а кремни в дорогие камни, какого б рода вы ни захотели».

– Надо признаться, – сказал Гассан, – что земля эта чудная. Теперь я не удивляюсь больше чрезвычайным видимым здесь сокровищам.

– Ты еще не все знаешь о ней, – прибавил Падманаб. – Земля эта имеет силу исцелять всякие, какие бы то ни были, болезни; хотя бы больной испускал уже последнее дыхание, но по принятии лишь зерна этой земли, болезнь в мгновение ока его оставит. Он получит новые силы, и встанет с постели. Можно сказать и то, что это земля так продолжает жизнь человека, что делает его почти бессмертным. Сверх того каждый, кто соком земли этой помажет себе глаза, тот увидит духов, и будет иметь власть ими повелевать. Все это вообразив, подумай, любезной сын мой, каким награждаю я тебя сокровищем!

Гассан упал к ногам каббалиста и принес ему в чувствительных выражениях свою благодарность.

– Но в ожидании получения власти, вами мне обещанной, – добавил он, – , позвольте мне взять отсюда несколько вещиц, чтобы показать отцу моему, насколько мы счастливы.

– Я не воспрещаю вам этого, – сказал Падманаб; – берите себе всё, что вам заблагорассудится.

Пользуясь дозволением, Гассан обременил себя золотом и дорогими камнями, и последовал за каббалистом, который уже шел обратно.

По выходе оттуда прошли они через другой зал, не уступающий богатством первому; а потом прежним путем возвратились к погребу, где некогда их встречал Арап, который до сих пор всё ещё лежал бесчувственный. Они вышли в медные двери, которые в ту же минуту сами собою затворились, и стальной замок за ними замкнулся. Потом они вылезли из колодца; и Гассан не успел оглянуться, как тот вновь наполнился водой.

Падманаб, заметив, что Гассан удивляется, каким образом колодезь опять стал полон, сказал ему:

– Чему ты удивляешься? разве ты не слыхивал о талисманах?

– Нет, – отвечал он; – и вы окажете мне великую милость, если объясните, что они значат.

– Я не только не скрою от тебя ничего, – говорил ему Падманаб; – но и научу их делать. Между прочим расскажу я тебе следующее: талисманы бывают двух родов, каббалистические и астрологические. Первые состоят из силы молитв к богам и делаются из разных букв. Вторые зависят от Симпатии, пользуясь сообщением небесных планет с металлами. И талисманы первого рода употребляю я. Они открыты мне великим Вирстоном⁴³. Ведай же, сын мой, что каждая буква этого талисмана состоит под охраной особенного духа. Эти духи суть существа чистые, служащие в небесном жилище богов, и они превыше духов, живущих посреди воздуха. А духи, обитающие на земле, – самые последние, и они зависят от повеления вышних духов, а иногда и волшебников. Буквы в талисманах составляют слова, а слова производят молитвы; а ими через чтение призываются духи-хранители этих букв, и они благодаря этому творят те чудеса, которые так удивляют смертных.

Падманаб рассказывал юноше еще многие из тайнств талисманов, и в таких разговорах, прошли они всю дорогу. Они окончили свою беседу, приближаясь к дому Абдармона, в который вскоре и вошли. Радость отца Гассана была неопишима при взоре на принесенные его сыном его богатства. Он осыпал неисчислимыми благодарностями Падманаба, и с того времени перестал торговать, и зажил весьма роскошно.

Между тем надо вам знать, что Гассан имел у себя весьма гордую и скупую мачеху. Хотя он и принес с собою чрезвычайное богатство в золоте и дорогих камнях; но всего этого ей казалось мало; ибо она ничем довольна быть не могла. Для чего и сказала она однажды наедине своему пасынку:

– Любезный сын мой! Если мы продолжим жить в таковой роскоши: то вскоре принуждены будем просить милостыни.

– Не беспокойтесь о том, дражайшая матушка, – отвечал ей Гассан. – Ключ богатства нашего неисчерпаем. Если бы вы видели все эти невообразимые сокровища, показанные мне великодушным Падманабом: вы бы не имели такого суетного страха. Он обещал мне отдать их в полную власть, и я не сомневаюсь в твердости слова этого добродетельного мужа. При первом случае, когда он опять поведет меня туда, возьму я щепоти две черной земли, которая на долго приведет мысли ваши в спокойствие.

– Возьми-ка лучше золота и яхонтов, – сказала ему мачеха; – мне они милее земли всего света. Однако послушай, Гассан, – примолвила она, – мне всегда приходит на ум вот какая мысль: Когда Падманаб всё равно собирается отдать тебе все эти сокровища: то почему он не

⁴³ Вирстон, или Вишну, божество почитаемое индийцами. Может быть, древние астраханцы являются потомками индийцев как и они, по мнению многих, происходят от египтян. Как бы то ни было, но в Астрахани почитали Озириса под именем Вирстона, перенив его от индийцев.

научит он тебя всем этим молитвам, о коих ты мне сказывал, что они настолько уж необходимы для ходьбы в подземное жилище? Если каббалист этот нечаянно умрет (а он вестимо, уже не молод): вся надежда наша погибла. Сверх того может быть, и мы нечаянно досадим ему чем-нибудь, и тогда он отвергнет нас и отдаст свои сокровища другим. Я советую тебе, любезный Гассан, упросить Падманаба, чтоб он научил тебя всему, о чем я тебе сказывала. Когда же ты будешь все его премудрости знать, мы умертвим его, чтоб никто кроме нас не ведал хранимого на дне колодца.

Слова эти повергли Гассана в великой ужас.

– Ах! матушка, – вскричал он, – что вы мне предлагаете! Можете ли вы позволять себе такие помышления? Падманаб нас очень любит. Он осыпает нас благодеяниями, обещает такие богатства, которые достаточны, чтобы наполнить сокровищницы величайших монархов; но в награду за милость его, хотите вы у него жизнь отнять. Нет, я страшусь и подумать... Хотя бы я дошел до крайней нищеты: я лучше соглашусь таскаться с сумой по миру, нежели быть злодеем.

– Сын мой, – подхватила она, – я радуюсь, что ты имеешь доброе сердце; но в подобных обстоятельствах следует взирать на собственную пользу. Счастье представляет нам случай вдруг обогатиться: зачем же его упускать? Отец твой имеет разум гораздо более зрелый, чем твой, однако со мною он уже согласился, и тебе противиться ему в том невозможно.

Гассан всеми силами отговаривал отца от согласия на незаконное это предприятие, но молодость лет его, и пронырливость злой мачехи, подвергли его искушению. Отыскав Падманаба, он стал просить его неотступно научить себя всему тому, что нужно ведать для ходьбы в подземное здание, до тех пор, пока тот, весьма любя его, на то склонился, и написав ему все надлежащие талисманы, и рассказав обстоятельно все подробности, как притом обходиться, отдал всё это Гассану.

Получив всё это во власть, уведомил о том Гассан отца своего и мачеху, которые назначили день к осмотру сокровищ. «При возвращении нашем мы умертвим твоего Падманаба», – заявила эта гордая и злая женщина.

В назначенный день все трое на верблюде выехали они, тайно от Падманаба, и отправились к колодцу. По прибытии к нему, вынул Гассан из кармана первую бумагу, и бросил в колодец; вода в нем исчезла. Они опустились по лестнице и прошли к медным дверям. Гассан коснулся другим талисманом к замку, который отперся, и открыл им путь в погреб, где стоял пресловутый Арап. Как только тот начал поднимать камень, отец и мачеха Гаасана весьма было испугались; но Гассан сокрушил Арапа. Так мало-помалу, они достигли яхонтового капища и покоев, где лежало тело царя Египетского, и все его сокровища. Мачеха Гассана не обратила внимания ни на гроб, не прочла и премудрой надписи; хваленую же землю не удостоила и взгляда – она с великой жадностью набросилась на дорогие камни, и обременилась ими так, что едва могла идти. Муж же её нагрузил себя золотом; а Гассан довольствовался только двумя горстями черной земли, которую положил в карман, имея намерение по возвращении своем, учинить над ней опыт.

И так они все трое вышли из той комнаты, неся с собою сокровища. Но во втором дворе увидели они идущих прямо на них трех чудовищ. Ужасный вид этих монстров повергнул в трепет отца и мачеху Гассана, которые бросились к нему; но юноша, и сам не ведая чем от них защититься, был не в меньшем ужасе.

– Ах! злая и безбожная мачеха! – вскричал он, – ты одна стала причиной того, что все мы сейчас лишимся жизни. Падманаб без сомнения узнал, что мы сюда поехали; а что и еще хуже, он конечно через искусство свое проведаль про покушение наше на жизнь его, и посылает этих чудовищ отмстить смертью за нашу неблагодарность.

И именно в это время услышан был ими в воздухе голос Падманаба, произнесший следующее:

– Вы все трое – неблагодарные люди и недостойны дружбы моей. За многие оказанные вам мною благодеяния отняли бы вы у меня жизнь; если бы не уведомил меня о том охраняющий меня Вирстон. Почувствуйте ж справедливость моего гнева. Ты – женщина и Абдармон, – за то что избрели злой на меня умысел, а ты – юнец – за то, что на него был согласен!»

После этих слов чудовища, бросившись на них, растерзали отца и мачеху Гассана, и уже растворили было страшные свои челюсти и на юношу; но Падманаб представ между ними, дунул на монстров, и тем самым принудил их исчезнуть. Потом обратясь к Гассану, он сказал:

– Хотя ты и никакого помилования не достоин; но не знаю, какая сверхъестественная власть вливает в сердце мое сожаление к тебе. Итак, хотя я не могу отворотить всего посланного тебе от богов наказания; но я по крайней мере дарую тебе жизнь.

Произнеся это, стал он невидим; а несчастный Гассан увидел себя превращенным в мерзкое чудовище. Волосы на голове его сделались ядовитыми змеями, руки и ноги его обратились в львиные лапы, тело же его покрылось такой крепкой кожей, какова бывает лишь на звере-носороге. Свист покрывающих голову его змей был достаточен, чтобы привести в ужас самого неустрашимого человека. Столь ужасное превращение привело Гассана в неопишемую печаль и отчаяние. Он хотел было просить Падманаба о милосердии, и изъяснить пред ним всю величину мук, которыми его терзала его совесть; но в дополнение бедствия своего узнал он и то, что и язык его не мог произносить ничего, кроме страшного рева. Горе отягчило его, и бесчувственным повергло на землю.

* * *

Придя в сознание, Гассан увидел себя не в подземном жилище, но в непроходимой пустыне. Собрав растрепанные силы, он встал и пошел куда глаза глядят. Но куда ни обращался его взор, всюду ему представлялись непроходимые утесы каменных гор, и густые леса. Находясь в столь жалостном состоянии, проливал он горькие слезы, и вместо слов, наполнял воздух страшным своим ревом, который разливался во всем тем необитаемым местам.

Наконец голод вынудил его отправиться в лес для отыскания пищи; но бродя по чаще целый день, он не увидал ни малейшего плода. Тот лес наполнен был одною иссохшей землей, не производящей никакой травы, способной служить к насыщению, кроме терний, коими он изодрал все свое тело, и кровь текла ручьями из его лап. Наступившая ночь принудила его лечь под корнями опрокинутого дерева. Всю ночь провел он в размышлениях о своём несчастье. Стократно предпринимал он попытки разорвать грудь себе острыми когтями своими, и тем окончить жизнь, наполненную мучениями и раскаянием; но крепкая его кожа уничтожала подобные намерения. По наступлении дня, пошел он опять промышлять себе пищу. Голод его был чрезмерный; но бродя большую половину дня, он также ничего не сыскал. Под вечер уже вышел он из лесу в долину, которую освежал текущий из стоящих к одной сторон долины гор источником. Утолив в нем жажду, проследовал он далее, и с радостью нашел несколько плодовых деревьев и укрепил свой ослабевший желудок упавшими на землю плодами.

По приближении ночи пошел он к горам, искать себе убежища. Надо думать, что Падманаб имел о нем сожаление; поскольку он довольно быстро отыскал пещеру, вход в которую с одной стороны запирали стальные двери. Отворив их, увидел он покой, освещаемый лампадой, сделанной искусством какого-нибудь мудреца; поскольку свет от нее происходил без всякого огня, и не уступал дневному.

С одной стороны стояла тут постель, а с другой – шкаф. Любопытствуя узнать, что в нем находится, отворил он дверцы, и увидел корзину, наполненную гранатовыми яблоками, и серебряную кружку с виноградным соком.

«Пусть живет здесь кто-нибудь, – подумал про себя Гассан. – Если это волшебник: он, конечно, ведает про мое состояние, и не взыщет ко мне; когда же это пустынный: то вид мой, конечно же, вынудит его навсегда оставить это жилище».

В таковых размышлениях взял он кружку, для утоления жажды; но поднеся её ко рту, увидел на дне её следующую надпись:

«Должно с терпением сносить, всё посылаемое на нас судьбою. Будь покорен её власти, не вдавайся в отчаяние, и сделай себя тем достойным прощения богов».

Прочитав это подумал он: «Слова эти написаны непосредственно для меня! О правосудие небес! Воображал он, что выводит меня из заблуждения. Теперь ощущаю я, что посланное на меня наказание, мне должно сносить терпеливо. С сего часа и мерзкий вид мой буду я считать за дар, через который привожусь я в познание самого себя».

В таковых рассуждениях напился он виноградного соку, и съев несколько гранатов, лег на постель, и заснул.

На другой день не выходил он из пещеры. Когда же захотелось ему поесть, и он подошел к шкафчику: то увидел, что всё вновь наполнилось. Гранатов было столько же, и кружка была полной по самые края. Удивление его было несказанным. Он пал на землю, и вознес к небесам теплые и благодарные молитвы. Потом насытился гранатами и соком, которые каждый день находил дополняющимися.

Так прошло шесть месяцев, которые провел он в этом пристанище, не видя ни единого животного, не только человека. Он твердо верил, что жилище это построено из сострадания к нему Падманабом, и надеялся, что этот добродетельный муж, сжалившись над его состоянием, возвратит ему прежний образ. В этих утешительных размышлениях, привык он к своему состоянию, и почти забыл про своё несчастье.

В один день, прогуливаясь, и отойдя от своего жилища довольно далеко, полуденный жар принудил его поискать отдых под тенью стоявших в том месте густых деревьев. Он лег и заснул. Вдруг он был разбужен пронзительными криками. Люди, ездившие на охоту, нечаянно наткнулись на него, и страшный и неслыханный вид его стал причиной их воплей. Но поняв, что все они лишь старались уйти от него и он остался в безопасности, он лег и опять заснул.

По пробуждении увидел он великое множество вооруженных людей, крадущихся в разных местах около него. Не предвидя от них ничего доброго, бросился он в бегство; но запутавшись в расставленные ими сети, упал. Ловцы не сразу осмелились подступить к нему. Страшный вид Гассана лишил их смелости. Они много говорили. Язык их был ему неведом, и только по движениям их понимал он, что все они ему удивлялись. Тщетно старался он разорвать сети, и уйти: крепость веревок пресекла ему эту надежду. Наконец ловцы осмелели, опутали его канатами, положили на колесницу, и повезли в свое жилище. Там был он посажен в железную клетку, где его заперли, и куда каждый день собиралось к нему множество зрителей. В пище он не терпел недостатка. Итак вооружившись терпением, он провел в этом заключении несколько лет.

В одну из ночей увидел он во сне представшего перед ним мужа в белом одеянии. Тот с величественным видом говорил ему следующее:

«Гассан! Терпение твое подвигло меня к сожалению о тебе. Спасайся из этой неволи. Без помощи моей остался бы ты вечно в заключении. С помощью этого яблока найдешь ты способ выйти отсюда».

Гассан хотел было пасть пред ним на землю, и принести благодарность, но муж вновь стал невидимым. Пробудившись, размышлял наш герой о значении увиденного им сна, но

увидев рядом лежащее яблоко, данное ему во сне, он пришёл в крайнее недоумение, и не понимал, какую помощь он смог бы извлечь себе от этого плода. Однако же он не мог считать за пустяк это видение. Он надеялся увидеть какого-нибудь благосклонного к нему духа, желающего спасти его из неволи, и возвратить в первоначальное состояние. «Что же мне предпринять с этим яблоком?» – размышлял он. Предположив, что с ним он обретет силу, которая разорвет железные прутья, он и начал им в разных местах тереть свою клетку, но без успеха. Та была так же тверда, как и прежде. Итак он отложил первые свои мысли, и подумал, что сон его ничто значил, а яблоко брошено к нему каким-то человеком, приходившим из любопытства. Он взял яблоко, и начал его есть; но лишь положил в рот последний кусок его, как вдруг увидел себя превращенным в самую малую белую птичку. Радость его была чрезмерной; поскольку, он хотя он всё ещё не был человеком, но не был уже и чудовищем. Он начал летать по клетке. А как прутья решетки были не так часты, чтобы могли удерживать его в птичьем образе, он так и оставил свое заточение.

Вырвавшись на волю, полетел он прямо, нигде не садясь и куда – сам не ведая. Вечер приближался. Гассан почувствовал утомление, и опустился на дерево, стоящее у входа в пещеру. Не долго так сидя, увидел он выходящую из пещеры девицу невообразимой красоты. Птичье обличье Гассана не лишало его человеческих чувств. Прелести этой красавицы так пронзили сердце его, что он, не владея собою, пришел в восхищение и хотел было вскричать, что природа ничего совершеннее не производила; но вместо слов этих, начал он петь столь приятно, что привлек внимание этой юной девицы.

– Ах! Как прелестно поет эта птичка! – сказала она.

Гассан, услышав, что пение его приятно для обожаемой им особы, начал петь громче прежнего, и принудил девицу подойти под самое дерево, на коем он сидел.

– До чего я рада, – говорила девица, – иметь близ себя такую несравненную птичку. О! если б можно было получить её в руки мои: сколь часто принималась бы я целовать эту любезную певичку!

Слова эти учинили то, что Гассан тотчас слетел, и сел на одну из рук её, уподобляющихся белизной снегу. Тогда красота девицы предстала взорам его в полном виде своего совершенства. Он смотрел на нее глазами наполненными любовью, и старался объятиями маленьких крылышек своих, и иными движениями доказать то, что он к ней чувствовал. Потом для оказания некоторого рода почтения он опять начал петь.

Девица будучи не менее удивлена его ласками, не могла подумать, каким образом в пустыне оказалась такая ручная птичка. Посадив её на руку, она понесла к себе в пещеру, чтоб сообщить родительнице своей почувствованное ей удовольствие. Когда вошла она с ним в подземные покои, глаза Гассана пленились несравненным богатством, рассыпанным вокруг. Всюду блистали золото и серебро, смешанное по местам со множеством разного рода драгоценных камней. Что же больше всего приводило его в удивление – имевшийся там свет, достаточный, чтобы спорить о преимуществе с самым ясным днем. Не успел он насытить свое зрение, как взор его отвлек предмет более достойный внимания. Им была женщина, покоящаяся на серебряном троне, и хотя ей казалось лет за шестьдесят, но возраст не лишил её тех прикрас, которые в свое время могли бы поколебать сердце самого нечувствительного мужчины.

Девица приблизившись к ней, сказала:

– Ах! Как счастлива я тем, что вышла наружу! Любезная матушка! Я не могу изъяснить вам удовольствия, которое чувствую, имея в руках эту прекрасную птичку! Если бы вы слышали, сколь прелестен её голос..

– Что ты делаешь, дочь моя!? – вскричала престарелая матрона. – Ведаешь ли, кого держишь в руках своих? Ласкаемая тобою птичка есть молодой мужчина, превращенный в этот образ, в наказание за проступок против твоего дяди Падманаба!

Услышав это Гироуль, (таково было имя этой девицы) покраснелась, и придя в замешательство, выронила Гассана, который вырвавшись из нежных рук обладательницы сердца своего, бросился к ногам Мулом-бабы, (так звалась сестра Падманаба,) и растянувшись затрепетал своими крылышками, изъясняя жалостным криком, что он именем её брата просит отпущения вины своей.

Жалостное его состояние слегка смягчило эту волшебницу. Подняв его с земли, она сказала:

– Изрядно! Ты наказан, по-моему, уже слишком. Сколько не имею я равного участия в обидах, причиняемых моему брату, сколько ни стараюсь я преследовать его неприятелей: столько же ищу я и средств прощать и помогать тем, которые по мере преступления уже наказание претерпели. А поскольку ты можешь искупить свои прегрешения оказанием важной услуги моему брату, которая ему в настоящее время крайне нужна: то находя тебя к тому способным, я возвращу тебе прежний вид.

С этими словами, она взяла лежащую рядом красную палочку, и проговорив: «Если ты создан птицей: останься в прежнем своем виде; когда ж ты был человеком: прими свой образ». – ударила его этой палочкой. В то мгновение Гассан стал по-прежнему человеком.

Радость его была невообразима. Он пал к ногам своей избавительницы, и долго лежал, не в силах произнести ни одного слова. Наконец собрав чувства, он в трогательных выражениях изъяснял свою благодарность, проклинал злой умысел своих родных против её брата и поклялся ей загладить этот проступок своей обоим им преданностью, с обещанием подвергать ради них любым опасностям жизнь свою.

– Встань, Гассан, – сказала ему Мулом-баба, – забудь прежние свои прегрешения; они уже довольно наказаны. Если обещания твои согласны с сердцем: то ныне представился для тебя прекрасный случай доказать моему брату, как то, что ты проступок свой поправляешь, так и то, что ты достоин прежней его дружбы. Знай же, что брат мой Падманаб имел великую вражду с чародеем Рукманом. Ненависть эта состояла в том, что Рукман, был от природы своей зол и употреблял всё своё знание во на вред людям. Он радовался, если ему удавалось доказать свою злобу. Брат мой, напротив, будучи сильнее его, и не склонен к таковым безбожиям, всеми мерами препятствовал его варварству, и отвращал его чары от несчастных, попадающих в его руки. Это сделало Рукмана крайним злодеем брату моему, и принудило искать средств к отмщению. Но сколько он ни старался, не мог достичь исполнения своих желаний. Во-первых потому, что в знаниях он был перед братом моим слабее; а притом и Падманаб, имея у себя за спиной такого врага, на всякий случай остерегался. Напоследок прошедшее долгое время сделало его беспечным; что бессовестный чародей и употребил себе на пользу. Однажды брат мой вышел прогуляться по полю, устал и прилег отдохнуть близ источника, бьющего из крутой каменной горы. Журчание и шум падающей воды принесли ему приятный сон. Неусыпающий Рукман при таком выгодном случае проявил всю величину своей злобы. Надо знать, что все каббалисты и волшебники, сколь бы ни велики они были в знании, во время сна не владеют своим искусством, и всякий простой человек может им навредить. Столько ж мало знают они и о том, что с ними случится впредь. Рукман же, этот изверг рода человеческого, увидев брата моего не в состоянии ему противиться, стократно порывался лишить его жизни; но видно, что удержан от того был охраняющим Падманаба, великим Вирстоном. Наконец вздумал чародей отомстить ему поношением более веским, чем смерть. Он, вынув из кармана приводящий в безчувствие порошок и вдул часть его в ноздри моего брата. Когда же состав возымел действие: он, подхватив жертву за волосы, перенес в свое жилище, и запер его с несколькими свиньями в железную клетку, запечатав её именем великого Вирстона, и лишив тем самым его всякого средства к освобождению. Клетку же свою этот злодей поставил в таковом месте где облегчают желудки. И в этом бедственном состоянии несчастный Падманаб живет уже шестой месяц, вынужденный есть

из одного корыта с свиньями. Все средства, употребленное мною к его освобождению, не имели успеха, ибо я – всего лишь волшебница, а Рукман – истинный чародей. Теперь от тебя, дорогой мой Гассан, зависит избавить его от такой неволи, и знай, что не останется ничего имеющегося во власти моей, от чего бы я не отреклась, чтобы заплатить твою услугу.

– Ах! Всемогущая Мулом-баба! – сказал Гассан, – пусть даже я на всё это отважиться и не робел, и в доказательство, что не смущает меня такая опасность, стократно готов пожертвовать моей жизнью; но какая из того выйдет польза? Если вы со всем вашим знанием не в состоянии помочь любезному своему брату: то что смогу предпринять я – простой человек! Я бы мог назваться счастливым, если бы только одна смерть моя достаточна была принести ему свободу! Но я иду умереть за него. Смерть эта будет мне усладой, если я вкушу её для пользы того, пред которым столько согрешил. Пусть узнает он, что тот несчастный Гассан, подвергшийся искушению его злодеев, ныне ради избавления его лишился жизни. Но наставьте меня, всемогущая волшебница, как мне правильно этой жизнью распорядиться?! Где могу я сыскать этого варвара Рукмана?

– Дорогой мой Гассан, – отвечала она, – превращение твое заставило тебя позабыть про ту бесценную землю, взятую тобою в подземном жилище, которая и ныне еще при тебе. Когда ты ею потрешь глаза свои, то получишь власть повелевать духами; если же натрешь ею всё своё тело: то в состоянии будешь производить и всё то, что и братец мой делать может. Все твари и стихии будут тебе повиноваться. Поди в особую комнату, и исполни всё в точном соответствии с моими словами – и ты сам убедишься – какая произойдет в твоём состоянии перемена.

Гассан повиновался, и вышел в особую комнату. Он начал обыскивать свою одежду и обнаружил у себя означенный ком земли, которую и нашел в том самом кармане, в который её положил. Желая стать равным в знании Падманабу, он тотчас же разделся, и натёр этой землей всё своё тело. Он и сам удивился, какая произошла в нем перемена. Он ощутил в себе истинную неустрашимость, и присутствие духа, свойственные героям. Он в мгновение ока вспомнил все слова требующиеся для входа в подземное жилище, и которые давно уже изгладились было из его памяти. Наполнившись мыслями, приводящими его в восхищение, ходил он взад и вперед по комнате, задумавшись; от чего оступившись, крепко ударился ногою о пол. Вдруг оттуда выскочил дух ужасной величины, и встал пред ним. Это новое явление принудило юношу несколько отступить назад. Дух же, подступив к нему, с подобострастием сказал:

– О, великомощный повелитель духов, и всех стихий! Вы видите последнего раба вашего, готового к исполнению ваших повелений.

Подобное повиновение привело Гассана в себя.

– Очень хорошо, – отвечал он; – я доволен послушанием твоим. Я имею великую в тебе необходимость, для чего и призвал тебя. Назови мне свое имя и звание и скажи мне, знаешь ли ты, где заключен великий Падманаб, и как могу я освободить его из неволи?

– Милостивейший государь! – отвечал дух, – Меня зовут Кангриганом и я демон пятой ступени. Что касается знания о месте пребывания Рукмана, где и Падманаб сидит в заключении, это от меня не скрыто. Он находится в весьма отдаленном отсюда острове, окруженном водами великого Океана, и куда никто из простых смертных ни под каким видом приблизиться не может. Потому что, во-первых, в водах около берегов острова живут страшного вида и размера рыбы, которые по заклинанию Рукмана, воспрещают ход ко нему. Они проглатывают все суда, туда приближающиеся. Берега же острова охраняют множество крылатых змиев и львов. Так что туда трудно пройти человеку, не имеющему власти Философского камня. Вы же, обладая им, хотя и сможете войти туда; но не в силах будете вызволить Падманаба из клетки. Поскольку заперта она печатью с именем великого Вирстона, которую Рукман похитил из капища на солнечном острове. Печать эту не возможно отпереть, разве

что будет она разрублена мечем Вирстона, с которым он ходил воевать против Исполинов, грозивших разорить небесное его жилище. Однако где этот меч находится ныне, мне неизвестно: хотя, может быть, про то ведаёт начальник миллиона духов, в состоящего в вашем повелении.

«Миллион духов в моем повелении!» – подумал Гассан и спросил: – А все ли каббалисты, имеют у себя по миллиону духов?

– Нет, – отвечал тот, – только обладателям Философского камня предоставлена эта честь. Прочие же волшебники, по мере знаний своих, начальствуют над сотней тысяч, над десятью, и менее.

– Как же называется начальник моего миллиона? – спросил Гассан.

– Пиллардок, – отвечал дух.

– Приведи же ко мне его, и всех знатных особ под начальством его состоящих, – повелел Гассан. Дух повиновался, и исчез.

Не прошло и трёх минут, как вся комната наполнилась духами различного и страшного вида. Их столь появилось столь много, что стены в этом покое от тесноты начали трещать. Предводительствовал ими упомянутый Пиллардок. Дух этот был не более пяти четвертей аршина вышиной, и вдвое против того шириной, зеленоватого цвета. Лицо его украшал, выходящий с начала лба, орлиный нос длиною около полуаршина. Как горящие угли, ясные глаза его были покрыты густыми седыми бровями. Нафабранные усы его торчали, как рожны, на обе стороны. А уж если таков был начальник, то не менее хороши были и подчиненные. Словом, если бы Гассан не был уже каббалистом; за его душевное равновесие в таком случае ручаться было бы не возможно. Пиллардок, как начальник, находясь впереди, начал говорить, что он, дескать, как верный раб, соблюдая повеление его, предстал со своими подчиненными к его услугам и ожидает приказа.

– Я очень доволен вашим послушанием, – отвечал Гассан. – Отпустите всех; ибо я имею необходимость переговорить с вами наедине.

Слова его были соблюдены с крайнею покорностью. Все собрание с великим шумом исчезло, и остался лишь один Пиллардок, которому Гассан приказал открыть то, о чем спрашивал у первого духа.

Пиллардок, подумав недолго, отвечал:

– Милостивейший государь! Не подумайте, чтобы повиновение, коим я вам обязан, принуждало меня открыть тайнство, скрываемое до сего часа не только от смертных, но и от духов. Необходимость предпринимаемого вами дела убеждает меня. Строжайшие казни не смогли бы были исторгнуть это из уст моих; но я чувствую, что на это есть соизволение самого великого Вирстона, к удовлетворению вашего желания, поскольку от того зависит спасение Падманаба. Не вы первый покушались достать этот меч. Многие прежде вас окончили свои жизни, истощив все возможности проведать о месте, где он хранится. Да хотя бы и проведали, то дерзновение получить его для удовольствования своих страстей, было бы наказано их казнию. Да и я не имел бы о нем ни малейших сведений, если бы не был прежде хранителем острова, на котором покоится этот меч, но и мне под страхом превращения в лягушку, запрещено сообщать об этом, и велено навеки удалиться от этого острова, который потом покрыли воды океана. Можете сами судить, каковы препятствия положены простому смертному! Да и не только невозможность пройти туда водою, кладет пределы к достижению этого желания. Сам остров этот настолько удален отовсюду, что не прежде чем через 1200 лет можно достичь его обыкновенным мореходным плаванием. Вот как сокрыта драгоценная эта вещь, и каковая предосторожность, превосходящая понятие человеческое, положена препятствием к похищению. Так что я вам не могу подать ни помощи, ни совета, разве что сам отнесу вас в жилище Короля духов; где вы от него самого, может быть, получите наставление, как вам туда добраться. И как поступать при извлечении меча. Склонить

же короля духов на свою сторону, вы не сможете ни чем иным, разве что излечением единой родной его дочери, прижитой им с царевной китайской⁴⁴, которая ныне страдает, пребывая в ужасной болезни. Вы сможете исцелить ее, дав ей проглотить всего одну крупинку находящегося у вас праха земли Философского камня. Помощь эта теперь крайне нужна; ибо по тщетным опытам всех сверхъестественных лекарств, осталась она без всякой надежды.

При этих словах дух остановился, ожидая ответа Гассана, который поблагодарив его за уведомление, решил отправиться с ним к Королю духов. Он приказал Кангригану дожидаться своего возвращения в той комнате; ибо он спешил принести благодарность свою Мулом-бабе за данное ею наставление, и взять у неё дозволение к отправке в путь.

Не успел он войти к ней, как увидел её идущую к нему с видом почтения. Удовольствие отразилось на лице ее, когда она узрела Гассана способным к избавлению её брата.

– Любезный Гассан! – сказала она, – не удивляйтесь, что я обхожусь с вами гораздо ласковее прежнего. Теперь вы уже не тот Гассан, коему я возвратила человеческий образ; вы почти равны по силе брату моему. Но, позвольте открыться, вовсе не по должности к знатым людям, оказываю я вам почтение. Неизвестная мне власть; вливает особое к вам чувство, которое вкладывает в мысли мои надежду, что я благодаря вам наконец-то буду освобождена от всех угнетающих мое сердце печалей. Продолжайте же помогать Падманабу, и знайте, что не останется ничего, состоящего во власти моей, от чего бы я не отреклась, чтобы вознаградить вас по его избавлению. Я уверяю вас в том всем, что ни есть святого.

Слова эти придали смелости плененному красотою Гироулы Гассану, изъяснить перед её матерью на словах то, что чувствовал он в сердце; ибо любовная страсть нередко принуждает нас выступать из пределов благопристойности. Почему и отвечал он ей:

– Милости ваши ко мне, высокородная Мулом-баба, столь велики, сколько я недостойн, поскольку был некогда сообщником врагов брата вашего. И если я преуспею в усердном желании моем, способствовать во избавлении его: это не может мне быть засчитано в заслугу, а будет только знаком исправления в моем преступлении... Но если великодушные ваше простирается до такой степени, что можете вы без омерзения взирать на меня... Ах! Сударыня! Простите ли вы смелость? Если я дерзну изъяснить перед вами состояние сердца моего?.. Но язык мой немеет; я уже и так много наговорил, и дерзость моя достойна наказания.

– Продолжайте, – говорила Мулом-баба, понимающая его намерения, – слова ваши не несут мне огорчения, в чем бы они не состояли. Я клянусь в том благополучием моего брата.

Ободренный тем Гассан повергся на колени, и продолжал:

– Вы ведаете, до какой степени может простирается власть всемогущей любви; итак представьте вину мою достойную прощения, если я откроюсь пред вами. Прелести беспримерной Гироулы, вашей дочери, поразили сердце мое с первого взгляда, и овладев моими чувствами, вы сделали меня её вечным невольником. Теперь судьба моя в ваших руках. От соизволения вашего зависит жизнь или смерть моя; я всё сказал.

Он пал к ногам ее, ожидая решения своего жребия. Но Мулом-баба, не допуская его к таковому унижению, говорила:

– Я была бы непризнательна за усердие ваше к нашему дому, являемое вами в столь опасном предприятии и к тому же весьма трудном для избавления моего брата: если бы захотела стать причиной ваших мучений. Склонность ваша к дочери моей составляет верх её благополучия, и я не буду препятствовать действию приятного вашего голоса, которым вы в бытность свою еще птицей, воспламенили её сердце. И в залог верности слов моих, я сейчас даю я вам её руку. – Она кликнула дочь свою, которая вошла к ним, закрытая покрывалом.

⁴⁴ Древние язычники, как и ныне магометане, думали, что духи могут сообщаться с людьми женского пола; и будто бы от того рождаются смертные духи, свойствами средними между человеком и духом, и обыкновенно волшебники.

Неожиданное свершение желаний Гассана, привело его в такой восторг, что он, считая себя счастливейшим из смертных, не дал Мулом-бабе выговорить, и бросаясь к ногам Гироулы, заговорил голосом, наполненным нежности:

– Божественная Гироула! Вы видите у ног своих человека, плененного вашей красотой с первого же брошенного на вас взора. Я изъясняю теперь то, чего вы не могли разумать из движений и песен моих, когда я был еще птицею. Не ставьте же мне в вину того, что я осмелился просить руки вашей без вашего на то согласия. Почтение, которым я обязан вашему достоинству или, лучше сказать, любовь безнадежная мне в том препятствовала. Но когда счастье мое столь велико, что и родительница ваша на то согласна; то от вас одной зависит совершить мое благополучие или вечное несчастье. Поведайте же мою судьбу.

Гироула пришла в смятение, и стояла безмолвная. Но её мать пришла ей на помощь. Она потребовала от дочери доказательств повиновения, дав согласие на желание Гассана. Она подняла юношу, лежавшего у ног её дочери, и сняв с нее покрывало, обнажила столько прелестей, собранных в лице ее, сколько заключило бы сияние красоты в самой богине любви. Стыд, рассыпавший розы на щеках ее, умножил те прелести, которые проникают во внутренность души. Взор скромный, но решительный, явил Гассану его счастье, хотя был с препровожаем ловами, что благополучие её состоит только в том, что было бы угодно её матери. Все совершилось для счастливого Гассана. Он поцеловал прекрасную руку Гироулы, которую подала ему Мулом-баба.

Он бы еще долго пробыл во сладостном этом восторге, если бы благоразумие не напомнило ему того, что прежде следует оказать услугу Падманабу, и тем, загладив прежний свой проступок, стать более достойным внимания Гироулы и её матери. И так против воли вынужден он был оставить предмет своей нежности, и сказать, что настало время ему начать предприятие, и что не осталось уже ему желать иного, кроме благополучного ему окончания.

– Ступай же, сын мой, – говорила ему Мулонбаба; – я не буду называть тебя иначе с этого времени: иди совершить наше общее желание! От твоей неустрашимости и любви к Гироуле все зависит. Но для отвращения некоторых неудобств в пути твоём, возьми этот пузырек, – продолжала она, подавая ему склянку. – Одна капля состава, в нем содержащегося, имеет силу избавлять человека от голода и жажды. Прощай же и знай, что отсутствие твое будет нам чувствительно.

Гироула, хотя ничего не говорила; но взоры её яснее слов показывали, насколько тягостно ей его отбытие. Гассан поцеловав руки их, вышел, и поспешил к началу своего предприятия.

* * *

Дух Пиллардок дожидался его в комнате. Гассан принял несколько капель состава, данного ему Мулом-бабой; от чего почувствовал приумножение отваги и силы.

– Начинай свое дело, носи меня к Королю духов, – сказал он Пиллардоку.

Пиллардок с великим подобострастием посадил его к себе на руку, и выйдя вон, поднялся вверх, рассекая воздух с невообразимой скоростью. Величие земного шара тотчас скрылось из глаз Гассана. Он видел его малой точкой, блистающей в пространстве эфира. Менее двух часов спустя Пиллардок, достигнув столицы короля духов, начал опускаться книзу с быстротой пущенной из лука стрелы, и любой другой, кроме Гассана, задушен бы был воздухом в этом путешествии; но его охраняли капли Мулом-бабы. Вскоре узрел он хребты гор, которые, казалось, гордились своей вышиной достигнуть ночного светила. Чем ниже они спускались, тем слышнее становился Гассану шум ужасных бездн кипящей воды. Волны бросало выше гор, между которыми море это, или лучше сказать страшная пучина находилась. В это место, способное одним видом своим принести человеку смертельный

страх, дух, опутившись, погрузился вместе с Гассаном. Как ни бесстрашен он был, но можно ли не трепетать сердцу, увидевшего очевидную гибель? Он содрогнулся, и мысленно уже укорял духа в измене, возлагая на него желание утопить его в водах это клокочущей пропасти, как почувствовал, что ему и в воде, столько же свободно было дышать, как на свежем воздухе, и что сама вода и к платью его не прикасалась.

Через несколько минут находились они уже не в воде, но в красном тонком воздухе, который, казалось, был составлен на тысяч огней. Приблизившись, понял он причину вида этого воздуха. Горящее вещество предстало глазам его. Повреждения от него он не столько уже опасался, и в самом деле, огонь не вредил Гассану, как и кипящая бездна. Через минуту он увидел небо, подобное нашему. Свет исходил от нескольких солнц, не уступающих в ясности освещающему мир наш; к каковому блистанию едва мог он приучить глаза свои. Опускаясь на твердь, представился глазам его город, сияющий от золота и дорогих камней. Это и была столица Короля духов. Он ощутил землю под своими ногами близ самых ворот этого города. Вид стражей, охраняющих врата, поразил его; ибо хотя тот был весьма страшен, но не меньше, чем вид и прочих горожан.

Следуя за Пиллардоком, вошел он в город; причем стражи, так и все встречающиеся, не только не препятствовали, но выказывали ему великое почтение. По прибытии во дворец, он не имел нужды, чтобы кто о нем докладывал. Все придворные, хотя и были с рогами, но соблюдали политические обряды, и двое из них, с почтением подхватив Гассана под руки, повели к королю. Зала, в коей стоял трон, равно как весь дворец, блистала драгоценностями, и каждая вещь достойна была удивления. На троне сидел сам король духов, кстати совсем не похожий на своих подданных. Может быть, образ свой он принял для того, чтобы не казаться столь отвратительным прекрасной своей китайской царевне, которая сидела близ него на другом троне. Хотя она имела и более тридцати лет от роду; но прелести её от того не умалились, и можно сказать, что природа не пожалела истощить на нее все дары свои, чтобы составить предмет достойный удивления. Но на лицах их обоих отображалась внутренняя печаль.

Король духов, увидев вошедшего Гассана, встал с трона своего, и оказал ему благосклонный прием, обратившись к нему со словами:

– Я удивляюсь, почтенный Гассан! Что могло побудить тебя сойти в мое царство? Ни один смертный своей по воле не сходил сюда. Ужасные преграды к достижению моего престола доказывают, сколь велика твоя неустрашимость, без которой не смог бы ты избежать ста разных смертей, подстерегавших тебя в пути твоём. Скажи мне, что стало виной этого пренебрежения опасностями, и пришествия твоего?

– Великий Король, и самовластный повелитель духов! – говорил Гассан, – ни любопытство, ни корысть не стали виной появления моего пред очами Вашего Величества. Не менее ваша собственная польза, как и нужность осведомления о некотором деле из уст ваших, стали причиной, побудившей меня предпринять все эти труды, и призреть опасности. Не безызвестна мне и болезнь вашей дочери, и все тщетно приложенные к её излечению средства. Я, обладая силой Философского камня, в одно мгновение могу возвратить ей прежнее здоровье.

– Ах! Что ты говоришь! – вскричал в радостном восторге Король духов. – Может ли такое сбыться? О! если ты совершишь это, и снимешь отягчающую нас печаль: чем смогу я отплатить такую услугу твою! Знай что не останется от власти моей зависящего, от чего бы я не отрекся, желая вознаградить тебя.

– Ваше Величество! – сказал Гассан, – вознаграждение за это, мною требуемое, не столь для вас важно. Оно состоит только в том, чтобы сказать мне – где сохранен меч великого Вирстона, как мне дойти туда, и каким средством смогу я достать его? Только этого хочу я от щедрот ваших.

– Хотя это и не маловажно, – отвечал король духов; – но знай, что я не откажусь этим порадовать тебя. Иди, Гассан, удовлетвори мое нетерпение, и после этого жди моей благодарности. Я клянусь тебе в том моею властью.

Гассан поклонившись, просил, чтобы ему позволено было начать дело. Затем король и королева сами повели его в спальню своей дочери. Девушка эта имела от роду только 14 лет. Жестокость болезни её была так велика, что утомленная грудь её едва означала слабое дыхание. Гноеватые вонючие струпья покрывали все её тело.

– Вот Гассан! – сказал Король духов, – имею ли я причины собирать соболезнования? Одна дочь, единственная надежда моя, находится у дверей смерти. Вся власть моя, всё моё знание, тщетны оказать ей помощь.

– Скорбь ваша пройдет в одну минуту, – заверил его Гассан. – Оставьте меня одного и вверьте мне ваше сокровище.

Король и Королева повиновались ему, и оставили его производить свой опыт. Но не нужно было Гассану щупать пульс у королевны, он не был врачом; ибо имел в руках надежный способ. Произошедшее показало справедливость слов Пиллардока. Одна лишь крупинка земли Философского камня, вложенная в уста больной, согнала все следы болезни с её тела, и возвратила ей прежнее здоровье; капля же состава Мулом-бабы придала ей новую силу и живость. Гассан нашел в этой королевне столько прелестей, что ему не возможно было бы укрыться от сердечных ран, если бы сердце его не было занято несравненной Гиролой; однако в тот час ему следовало наполнить свое воображение красотами возлюбленной, чтобы забыть, что он всё же азиат.

Ни с чем не возможно сравнить радость, с какою узнал король духов о благополучном излечении своей дочери. Он забыл всё свое величие, и поспешил с распростертыми руками обнять Гассана. Смешанные слова его, которые он адресовал ему, не возможно отобразить. Они были наполнены радостью и благодарностью.

– Пойдем Гассан, – продолжал король духов, – насладимся торжествами, знаменующими мое благополучие, и обязанность мою к тебе.

Но Гассан желая поскорее оказать помощь Падманабу, отвечал ему:

– Милость вашего величества будет мне гораздо чувствительнее, когда вы, дав мне свои наставления, позволите проследовать к мечу Вирстона. Вам известна причина, побуждающая меня к этому. Падманаб, человек, достойный всех на свете благополучий, страдает в варварских руках недостойного Рукмана. Суровость этого чародея делает каждую минуту его жизни несносной. Надеюсь, вам известны и причины, вынуждающие меня стараться о его избавлении.

– Всё так, – отвечал ему Король, – я обо всём этом ведаю. Благодарное сердце твоё достойно похвалы. Я постараюсь доказать тебе своей помощью, скольким я тебе обязан. – Он отвел Гассана в свой кабинет, и наедине сказал следующее:

– Без помощи моей ты никак не достиг бы места, сохраняющего этот меч. Я надеюсь, ты не ведаешь, что остров, его сберегающий, лежит на дне Океана, и в столь отдаленном отсюда расстоянии, что тысяча с лишком лет обыкновенного мореплавания потребна, чтоб достичь его. Сверх того, вокруг него под водою обведено три стены, первая стальная, вторая – серебряная, а третья – золотая. Стены эти ворот не имеют, и вход в них не может быть открыт иначе, как тремя выстрелами стрел Вирстона из лука. Лук этот и стрелы тебе придётся унести из кладовой палаты кривого духа Тригладита. Но это тебе причинит не столько труда, как путешествие в такую даль через пространство Океана. До жилища Тригладита донесет тебя Пиллардок. Впрочем я не смогу дать тебе лучшей помощи, как подарив вот эту вещицу, (при этих словах он подал Гассану маленькую серебряную коробочку, осыпанную дорогими камнями). От неё будет зависеть всё твоё благополучие. Дальнейших наставлений от меня не требуй, доходи сам до испытания, и больше всего опасайся осторожности Триг-

ладита. Малейшая оплошность будет тебе стоить великих бед. Большого я сказать не могу, ибо и я подвержен законам. Желаю тебе счастья, и сожалею что долее удерживать тебя не могу. Прощай!

Гассан принес благодарность Королю духов и вышел, исполненный сомнения. Неизвестность, в которой находился он в рассуждении достижения того отдаленного острова мучила его. «Что мне делать с этой коробочкой? – думал он. – Как смогу я достать лук и стрелы Вирстона, когда при этом предприятии грозит мне столько бед от осторожности Тригладита. Сильнейший из подвластных мне духов Пиллардок, не может мне больше помочь ничем, кроме как донести к жилищу кривого духа. Тригладит в своих познаниях меня сильнее... О! Король духов! Что заграждало уста твои, дать мне более ясное наставление?... Дело это заключает в себе тайну превосходящую, мое понятие! Ничто не предвещает мне доброго; конечно, предприятие это будет стоить мне жизни!.. Но пусть я умру, если так положила судьба моя!.. Однако небеса справедливы, и не допустят меня погибнуть на пути спасения добродетельного Падманаба...

– О, защитники невинных, всесильные боги, покровители добрых намерений! – вскричал мятущийся Гассан, – вы ведаете, что принуждает меня вдаваться во все опасности! Будьте же спутниками и защитниками усердия моего к добродетели. – При этих словах пришел он в себя, и почувствовал в сердце своем некую отраду, которая как бы предвещала ему благополучное следствие. – Здесь ли ты Пиллардок? – кликнул он, оглянувшись, ибо в размышлениях своих вышел уже за ворота столицы короля духов.

– Я готов к исполнению ваших повелений, – отвечал откуда ни возьмись появившийся дух.

– Изрядно! Начнем путь, – сказал Гассан, и принял несколько капель состава Муломбабы, отчего вновь ободрился. – Неси меня к жилищу кривого Тригладита, – продолжил он.

Дух повиновался, и подхватив его на руки, с такой же скоростью поднялся кверху, с какою он и опускался в эту страну. Не успел Гассан осмотреться, как они уже были на середине неба, блистающего от огненного вещества. Вскоре пролетели они кипящую бездну, и были уже в нашей атмосфере⁴⁵. Меньше чем за час достигли они дома Тригладита; где дух спустившись, поставил его близ озера, на коем стоял замок этого кривого духа.

– Большого я от тебя не требую, – сказал Гассан Пиллардоку; – иди куда желаешь.

И дух исчез, оставив Гассана размышлять о его начинании.

Он сел на траве, и первым делом рассмотрел подарок Короля духов. Долго вертел он коробочку, пока не смог усмотреть, где она отпирается. Несмотря на отсутствие замка, чудная эта коробочка отмыкалась с помощью талисмана, находящегося под потаенной бляшкой, которую он невзначай отодвинул. Однако познания его были большими, чем разобрать этот талисман. При прочтении им последнего слова, коробочка, раскрывшись, показала ему лежащую в себе золотую книжку. В верхней обложке её был вставлен карбункул, а в нижней – маленькое зеркало.

– Неплохо! – сказал себе Гассан; – обе эти вещи нужны. Карбункул будет мне светить ночью; а зеркало я употреблю по обыкновению. Но посмотрим, что написано в этой книжке. – Но развернув ее, увидел он одни только гладкие золотые листки. Сомнение овладело им снова. – Какое же дал ты мне наставление, неблагодарный Король духов!? – сказал он в отчаянии. – Такой ли платы требовала услуга, мною тебе оказанная? – После чего предался он печальным мыслям и навоображал себе всё, что только может вложить отчаяние в душу, наполненную страхами.

⁴⁵ Атмосфера – густой воздух, окружающий нашу землю. (Прим. автора).

Посреди этих размышлений взглянул он на книжку, которую держал еще разогнутой в руках своих, и увидел в ней написанные фиолетовыми буквами два следующих славенских стиха:

Отчаянью, Гассан, в тоске не поддавайся,
Будь бодр, и на богов во всем ты полагайся.

Нечаянное это явление подвигло отчаявшегося было Гассана к удивлению. Он понял, что небеса ему уже помогают, и что в стихах этих они изобразили ему укор за легкомысленное отчаяние.

– Так, всесильные боги! – вскричал он, – я погрешил моим сомнением, впредь я буду осторожнее, и даже мысли не допущу, чтобы вы не защищали добродетель. – Он вторично взглянул в книгу, и прочел вновь оказавшиеся написанными голубыми буквами стихи:

Коль хочешь, что начать, простишься-ка ты со мною;
Подумай, что получишь, имея меня с собою.

– О! сколь обязан я тебе, король духов! – говорил Гассан. – Теперь я понимаю, что дар твой бесценен, и что без этой помощи не имел бы я надежды достичь моего желания. Я уверен, что книжка эта подаст мне во всем наставления. Я ободряюсь с этого же часа, о удивительная книга! Начну принимать твои советы, и так исполнится мое намерение.

Гассан горел желанием достать лук и стрелы из кладовой духа Тригладита, почему и обратил взор свой к его дому. Тот стоял в замке, утвержденном на воде столь хитрым образом, что ничто иного его не поддерживало, но со всем тем, здание было столь же твердо, как если бы зиждилось на камне. Волны бились о его стены и, не нанося никакого им вреда, рассекались, и падали с ужасным шумом назад. Заросшие травой и деревьями башни, находящиеся по стенам замка, являли древность и пустоту. Мрачные туман и мгла, покрывающие замок, представляли жилище это жутковатым. Острые колья, водруженные по стенам замка, обагрены были кровью воткнувших в них человеческих голов тех несчастных, которые ранее покушались достать стрелы и лук бога Вирстона. Это варварское украшение дополняло вид ужасного жилища кривого духа, и способно было охладить кровь в самых неустрашимых витязях.

– Ужасный этот предмет недостаточен, чтобы привести меня в робость, – говорил себе Гассан. – Варварство твое, жестокий Тригладит, не отвратит меня от моего намерения. Сей же час я или погибну, или лишу тебя сокровища, которого ты недостоин. Божественная книга! Наставь меня, – продолжал он, разгибая ее; и черные буквы начертали в ней следующее:

Коль что страшит тебя, смел будь против того.
Все страхи презирая, достигнешь ты всего.

Из слов этих он уразумел, что ему не велено ничего страшиться. Однако он не обнаружил никакого наставления, как ему перейти через озеро, и как поступать при поисках лука и стрел. Всё это повергло его в задумчивость. Он вознамерился вновь спросить книгу; но вдруг, оглянувшись назад, усмотрел приготовившегося прыгнуть на него тигра неслыханной величины. Гассан полагавшийся на непреложность слов, прочитанных им в золотой книге, воззрел на эту опасность с неустрашимостью. Надежда его на невидимую охрану была слишком велика, чтоб он оробел при виде тигра. Он вооружился саблей и одним ударом, отделив голову зверя, поверг его мертвым.

Но сколь велико было удивление его, когда он увидел голову тигра, обратившуюся в человека, одетого в странную одежду, туловище ж тигра обратилось в лодку и весло! Изумление его при виде этого явления умножилось, когда все озеро на котором стоял дом духа, начало закипать. Небо тот час же померкло. Страшные молнии заблестали с таким стремлением и треском, как если бы хотели все вокруг обратить в ничто. Громовые удары были так сильны, что земля затряслась под ногами оглушенного Гассана. В таком состоянии он не знал, с чего начать. Ужасное происшествие это приводило его в робость. «Что из всего этого будет? – думал он с трепетом. – Не причинил ли я вреда смертью тигра? Так, конечно причинил. Я пропал! Тригладит проведает про приход мой! Да и можно ли ему не проведать, когда всё явление происходит не иначе, как от его волшебного талисмана, заключенного в тигре. Ах! Дражайший Падманаб! – вскричал он с жалостью, – я лишаюсь надежды подать тебе помощь! – Он бы распространился и далее в своих жалобах; но возвратившаяся в прежнее состояние природа, и исчезнувшее видение привели его в себя, чтобы вместо ужаса наполнить новым удивлением.

Когда озеро перестало волноваться, и небо получило прежний вид; из тростника, растущего близ берега, восстало множество человеческих тел без голов. Они шли прямо к Гассану, и окружив его, попадали все к ногам его. Новое явление, которое принудило его задуматься! Но человек, вышедший из тигровой головы, отвлек его из замешательства, обратившись к нему со словами:

– Не ужасайся, храбрый Гассан! Все увиденное тобою заключает в себе благополучное для вас предвестие.

Гассан оглянулся, и увидел в нем мужчину, морщины и седины коего означали глубокую старость. Одежда на нем была из тонкого флёра, с изображением разных неизвестных ему букв, и астрологических знаков. Всего же удивительнее показалась ему нижняя половина его тела, которая была деревянной.

– Вы удивитесь, – продолжал старик, – но я выведу вас из сомнения изъяснением всего того, что вы здесь ни увидите. Не опасайтесь Тригладита. Его нет дома; он улетел на Тамарские границы, предводительствовать там в собрании ведьм. Сила находящейся у вас книги воспрепятствует ему знать о том, что здесь происходит. Я расскажу вам приключение мое, которое всем известит вас.

Повесть древлянского князя Миловида

«Я рожден в странах обширной России, близ великого озера Меотиса⁴⁶. Рождением моим я обязан владетелю древлян, князю Премиславу, и княгине Драгоусте, дочери старославенского князя Стосила. Первые годы моей жизни прошли без всяких происшествий, исключая то, что воспитали меня так, как приличествует мое состояние. Мне уже исполнилось шестнадцать лет, как я получил чрезвычайное желание осмотреть соседние земли. Охота к странствиям так мною овладела, что я не долго думая отправился в путь, не испросив на то позволения от моего родителя. При первом удобном случае я ему объяснился. По счастью родитель мой отпустил меня с тем только требованием, чтобы я возвратился прежде года. Я обещался исполнить повеление его, собрался в путь, простился с моим родителем и матерью, которая не могла без пролития слез снести разлуки со мною. «Любезной сын, – говорила она, – я не могу удержать тебя от предприятия, способного послужить к просвещению твоего знания. Но сердце мое предвещает нечто такое, что наполняет горем дух мой. Но я предаю тебя во власть судьбы; предел которой неизбежен. Молитвы мои будут сопровождать тебя повсюду, где бы ты ни обретался».

Я выехал, не взяв с собою даже великолепного эскорта, назначенного моим родителем. Все спутники мои состояли из дядьки и любимца моего Красовида. Я проехал несколько земель, осматривая всё, достойное моего внимания, и прибыл напоследок в столицу Болгарского князя. Расположившись на постоялом дворе, стоявшем на берегу реки Волги, сходил я осмотреть город. Положение его настолько мне понравилось, что я вознамерился некоторое время прожить в нём.

В один день, прогуливаясь по берегу реки, зашел я к самым стенам княжеского сада. Устав от ходьбы, сел я отдохнуть под тенью деревьев, посаженных около схода к реке, сделанного от садовых ворот. Тихий ветерок, навевающий тогда, колебал листву на сучьях, висевших над моей головой; что производило приятный шум, соединяемый с журчанием воды, текущей по водопадам, из находившегося близ садовой стены фонтана, и склонило меня ко сну. Я лег на траву, и сладко заснул.

Покой мой прерван был разговорами нескольких человек, приближавшихся ко мне. Я открыл глаза, и увидел идущую девушку чрезвычайной красоты. Препровождали её двенадцать служителей, которые, как мне показалось, оказывали ей большое почтение. Это уверило меня в её значимости. Я заключил, что она была никто иная, как дочь князя Болгарского Прелеста; что и на самом деле было так. Она, пользуясь хорошей погодой вышла прогуляться на берег реки, и увидев меня в иностранной одежде, любопытствовала посмотреть.

Я притворился спящим, и желал услышать, что они будут обо мне говорить. Княжна приблизившись ко мне, долго меня рассматривала, и наконец сказала потихоньку, как видно опасаясь меня разбудить, к одной из девиц своих:

– Милонрава! Рассмотрй этого молодого чужестранца, сколь он прекрасен!

– Правда, – отвечала та, – я признаюсь, что в жизни моей не видела таких правильных черт лица.

Наложив руки мои на глаза, я с осторожностью, чтобы того не заметили, смотрел на княжну. Имя её согласовывалось с лицом ее; и я с первого взгляда поражен был её прелестями. Не знал я, что следовало мне начать, встать ли, или притворяться сонным. Последнее избрал я за лучшее в моем смятении.

⁴⁶ Меотида, Меотийское озеро (или болото) от ἡ Μαῖωτις или ἡ Μαῖωτις λίμνη, Maeotis palus, получившее свое имя от жившего на его берегах народа *меотов* – нынешнее Азовское море. В древности относительно положения и величины Меотиды существовали самые неясные и противоречивые представления: некоторые считали его частью северного Великого океана, и только после походов Александра Великого это мнение было оставлено. (прим. ред.)

Прошло около четверти часа, что Княжна не преставала меня рассматривать. Вид лица её доказывал, что быть близ меня ей не наскучивало.

– Примечай, Милонрава, – говорила она, – эту нежность, эту белизну, эти правильные черты лица его. Эти прекрасные светло-русые волосы; всё это свидетельствует о том, что он не простого происхождения.

Нечаянный случай открыл им подлинное мое состояние. Во время сна, полукафтанье мое развернулось, откуда выпала бывшая у меня на шее лента, и осыпанная алмазами золотая звезда, на коей были написаны мое достоинство, имя и день моего рождения⁴⁷.

– Ваше высочество, не ошиблись, – сказала Милонрава. – Рассмотрите эту звезду, и прочтите, что на оной написано...

– Ах! ... это молодой древлянский князь! – сказала княжна торопливо. – Каким чудесным случаем находится он здесь, и один? Пойдем скорее прочь, пока он не проснулся. Присутствие его мне кажется опасным, – продолжала она, покрасневшись... – Я не знаю, что вселяет в меня робость, препятствующую здесь помедлить! – С этими словами она поспешно удалилась, наполнив мысли мои удивлением, а сердце – неизвестною мне печалью.

Смущение препятствовало мне собрать мысли, рассеянные таким внезапным случаем. Я лежал, не смея встать, и провожал глазами, виновницу неизвестного мне дотоле беспокойства. Когда они ушли, и я пришел в себя. Я встал на ноги, чтоб удалиться от места, где не чувствовал себя в безопасности. Чем далее поспешные шаги меня оттуда удаляли: тем ближе были мысли мои от княжны. Я истолковывал различным образом, сказанные ею слова: «Присутствие его мне кажется опасным!» «...я не знаю, что вселяет в меня робость, препятствующую здесь помедлить...» – Прелести её наполнили всё мое воображение, и представляя себе прекрасный образ её, понял я, что отсутствие её для меня было невыносимо. Я смущался, не зная, с чего начать. Я исчислял все мои мысли, сравнивал их с состоянием моего сердца, и сознавал, что влюблен. Стократно покушался возвратиться назад, и столько же раз опровергал это. Словом, я шел, не зная куда. Встретившийся со мною Красовид, который меня искал, тотчас понял по лицу моему, что со мною случилось нечто чрезвычайное.

– Ах! Что я вижу, дражайший князь! – сказал он мне торопливо; – вы смущены. Беспокойство написано на лице вашем... Откройте причину вашего беспокойства.

Но слова его вместо того, чтобы вывести меня из смущения, еще больше его умножили. Сердце мое воспламенилось, голос исчез из уст моих, и я наговорил ему тысячи таких слов, смысла которых и сам не понимал. Хотя я ничего таить от него не мог; но мне не доставало слов к изъяснению моих чувств. Безмолвные звуки, подкрепленные телодвижениями, заменили речь мою. Наконец придя в себя, решил я его удивление, объявив ему в коротких словах, что предмет носящий в себе бессмертную красоту, и увиденный мною нечаянно, влил в душу мою сладкую отраву любовной страсти; и что заразившая меня этим нежным пламенем, была никто иная как дочь здешнего государя.

– Как! Вы влюблены! – сказал Красовид.

– Всё так, любезный друг, – отвечал я ему; – в первый раз ныне почувствовал я муки, которые терпят сердца, не имеющие надежды быть в страсти своей счастливыми.

– Но что же приводит вас к такому беспокойству? – говорил любимец мой. – Вы не имеете причин сомневаться, что князь Болгарский, не посмеет отвергнуть ваше требование о его дочери. Ваш сватовство должен он счесть за особое счастье, беря во внимание силы вашего родителя.

⁴⁷ День моего рождения – у древних государей было обыкновением, вышивать детям на груди шелком звезды, а иные вместо того накладывали золотые звезды, с подписанием имени и часа рождения; чего кроме монархов никто сделать не мог (*Прим. автора*).

– Знаю все, – отвечал я; – величие отца моего обещает мне многое. Но не это тревожит мой покой. Я страстно люблю княжну Прелесту, и хочу, чтобы и она ко мне чувствовала то же, и согласилась за меня пойти не ради пространства земель многолюдного княжества, наследником которого я являюсь. Нет, друг мой, такой брак сулит мне тысячу несчастий. Я желаю прежде из уст её узнать, что я ей не противен; но не вижу к тому никакой надежды. Это-то и есть причина моего беспокойства. Я твердо решил презреть все опасности на свете, только бы достичь моего желания.

Красовид постарался представить мне невозможность моего предприятия, и посоветовал, не вдаваясь в опасности, искать брачного союза торжественным посольством. Стократно выдумывал он средства, чтоб отвести меня от такого намерения: ничто не успевало. Я решился или умереть, или лично поговорить с княжною.

В таких разговорах пришли мы на наш постоянный двор. Целую ночь не мог я закрыть глаз. Желание обладать прекрасной княжной, не давало мне покоя, и изгнало от меня сон. Чего бы я ни выдумывал, все казалось мне неудобным; никак невозможно было добраться до княжны, которая по обыкновению той земли повседневно была под строжайшим присмотром. Прошло несколько дней, в которых каждый час умножал мое беспокойство. Я предался тоске, которая нанесла опасность моему здоровью, и истребила живость лица моего. Хотя сказанные княжной слова, неким образом и уверяли меня, что я ей не противен; но я толковал их иначе.

В задумчивости моей, вышел я однажды прогуляться, чтоб наедине посвободнее порассуждать о моей страсти. Идя глухим переулком, встретился я со одной старухой. Бледное мое лицо, смущенные глаза, и склоненная голова, доказывали ей моё уныние.

– Молодой чужестранец, – сказала она, – вид ваш открывает состояние тайных ваших мыслей. Не скрывайте от меня терзающую вас печаль; может быть, я смогу принести вам облегчение. Сострадание мое обо всех несчастных не в силах сносить вашего смущения. Скажите мне...

– Оставь меня, старушка, – отвечал я. – На что тебе знать то, в чем ты мне не можешь оказать ни малейшей помощи?

– Может быть и могу, – прервала она речь мою. Я хотел от нее удалиться; но она, удержав меня за руку, сказала: – Постой, князь Миловид, и не старайся скрываться; я тебя довольно знаю.

– Как! Тебе известно имя мое? – вскричал я с удивлением.

– А я знаю и иное, равно как и причину твоей печали. Знай же, что я – та благодетельствующая волшебница, которую называют Рушибедой. Родитель твой, древлянский князь Премислав, и мать, княгиня Драгоуста, мне хорошо знакомы. С самого часа рождения твоего, они отдали тебя мне на сохранение. Я, взяв тебя на мои руки, с тех самых пор пекусь о твоём благополучии. И так не удивляйся, что я пришла извлечь тебе из твоего уныния. Обстоятельства твои не столь достойны сожаления, как ты думаешь: Княжна сама влюблена в тебя. Впрочем, будучи во власти моей не оставляй надежд.

Неожиданная встреча эта наполнила меня страхом, а слова волшебницы – радостью. Я пал к ногам ее, и принес чувствительную благодарность за её обо мне заботу.

– Встань, любезный князь, – говорила она, поднимая меня. – Сегодня же вечером увидишь ты княжну Прелесту, и из уст её узнаешь обстоятельство твоей судьбы. Кольцо это, – продолжала она, подавая мне его, – будет делать тебя невидимым, если ты положишь его в рот. Ободришься! теперь ты имеешь в руках надежный способ достичь предмета твоей страстной любви. Впрочем иные обстоятельства принуждают меня расстаться с тобою. Я постараюсь упредить все, способные случиться с тобою опасности, если только это не будет сверх моей силы. – И с этими словами она исчезла, наполнив радостью и надеждой мою душу.

В тот же час испытал я силу моего кольца. Я положил его в рот, и пошел назад. Встретившийся со мною Красовид, вытерпел первый опыт моей невидимости. Я щелкнул его по носу, и навёл на него такой страх, что он счел щелчок полученным от нечистого духа. Скорое его бегство, и наполненное ужасом лицо, доказали мне, что он меня совершенно не видит. Смех, от коего я не мог при этом удержаться, дополнил его ужас. Ноги его подламывались, и он приседал с каждым шагом.

– Не бойся, любезный Красовид, – закричал я ему, вынув из рта кольцо. – Теперь ты видишь, что у меня есть способ пробраться к Княжне. – Затем я рассказал ему всё моё приключение. Радость его при этом, доказала мне в тот час, как сильно он любил меня...

* * *

Солнце свершило уже дневной путь свой, и готовилось скрыться в морских водах; румяная заря простирала на бледнеющий горизонт свои багряные волосы, когда я вышел из моего постоянного двора, и поспешил в то место, где жила владетельница моего сердца. Вырвавшийся из тенет олень, не с таковою быстротой направляет бег, спасая свою вольность. Я летел, а не шел, наполненный сладостным воображением. Ничто мне не препятствовало. Двери сада, в коем был дом княжны, были не заперты. Я вложил в рот кольцо, и прошел сквозь стражу.

Редкое великолепие и украшение сада, не привлекали моего внимания, наполненного прелестями княжны. Пройдя одну густую покрытую дорогу, узрел я мою богиню, сидящую на дерновой софе. Смущенные глаза изъясляли беспокойство её мыслей. Она опираясь на снежно-белую руку, погруженная в глубокую задумчивость. Не приготовившись предстать перед нею, я пришел в великое смятение. Обробев, стоял я неподвижно. Жизнь моя мне изменила, и я не ведал, что начать. Однако я все же собрал дух мой, и вознамерился предстать. Я вынул кольцо, надел его на руку, и приближаясь, пал к ногам Прелесты, рассказав ей все, что могла влить страсть в мои мысли... Но могу ли я описать вам подробности этого счастливого часа! Княжна узнает меня, удивляется, случайно увидев, меняется в лице. Полагает сердиться за мою дерзость; упрежденное ею в пользу мою, сердце за меня предстательствует. Гнев её смягчается, и прерывающимся голосом произносит она:

– Какое странное явление?!.. Какая смелость побудила тебя, князь, предаться таким опасностям? Чего ты от меня хочешь?

– Всесильная страсть, – отвечал я с трепетом, – и чистый пламень, который с первого взора возжег прекрасный образ ваш в моем сердце, разрушили границы моей терпеливости, и принудили пуститься на все, только бы принять из уст ваших определение судьбы моей.

Смятение вновь охватило княжну, молчание продолжается, сердце её волнуется. Страх опасности моей заступает место всего, и она вопрошает:

– Каким чудесным образом прошел ты, Князь, сюда?.. Спасайся! жизнь твоя в опасности. Разве тебе неведомы наши уставы?

– Любовь сильнее всех опасностей, – отвечал я. – Жизнь моя в безопасности. Благоклонная ко мне волшебница доставила мне средство, войти сюда невидимым. Кольцо это (которое я снял с руки моей) имеет в себе следующую сверхъестественную силу.

Я встал, положил кольцо в рот и сделался невидим, а затем опять вынув его, надел его на палец. Новое удивление для Княжны! Она не знала, что отвечать мне. Я вновь бросился на колени, повторяя про жалостное состояние моей страсти, и действие её очарования на моё сердце. Пролитые при этих словах слезы, подвигли её в мою пользу; она поднимает меня. Ответы её, исполненные скромности и величия, показывали мне одну только спокойную благодарность за предпочтение; но в глубине сердца была она полна заботы о моем утешении. Стыдливость покрыла лицо ее, и придала ей тысячу новых прелестей. При

этом глаза мои воспаляются вновь, сердце трепещет, голос исчезает в устах моих; более желания, более застенчивости. Но надежда ободрила меня: я обрел дар речи. Разговор мой был стремителен и наполнен жаром. Княжна была тронута, волнуема, смятенна. Она хотела показать, будто сомневается; боится и еще колеблется. Бесполезные усилия для сердца, чувствующего равную страсть! Сердце её слабеет, глаза оживляются, и она склоняется в мою пользу. И наконец она объявляет мне состояние души своей, и действие причиненное мною в её сердце.

– Какой восторг! какая радость овладела мною в тот час!.. Невинное веселье! Для чего ты не вечно продолжаешься? – так говорил Миловид пред Гассаном, приведенный в восторг от этого воспоминания, и испустив тяжкий вздох. – Но в превратной нашей жизни малейшие отрады влекут по себе стократные печали.

Слова Прелесты меня оживили. Сладкий жар разлился в моих жилах. Я осмелился поцеловать прекрасную её руку, и сообщил ей, что я пылаю желанием соединиться с ней священными узами, и иметь с нею одну судьбу, одну душу, и одну жизнь. Но что не получив на то её соизволения, не хотел искать милости у её родителя через посольство, опасаясь тем оскорбить ее; но что теперь желание мое свершается, и ничего более не осталось, как искать благосклонности на это её отца. Княжна довольна была моим признанием. Первое наше свидание кончилось в уверениях и клятвах о вечной верности, и в желаниях благополучного конца наших намерений. Очередное свидание было назначено в следующий день, и я не преминул явиться.

Мы находили новые друг в друге прелести. Разговоры наши пленяли нас взаимно, и умножали пламень, горящий в нас обоих. Желание к соединению возвратились и сулили нам наполненную радостями жизнь. Чего нам еще оставалось ожидать, кроме скорейшего соединения? Но рок играющий людьми, и распределяющий дела их по своей власти, поверг было меня в жесточайшую опасность; или может быть тем хотел дать яснейший опыт постоянной моей страсти к княжне Прелесте. Положено было, мне послать к родителю моему Красовида, с требованием позволения его на брак наш, и чтоб он чрез торжественное посольство просил у князя Болгарского дочь его мне в жены; а я между тем жил бы там тайно, и продолжал наши свидания. Но сверх чаяния нашего, когда я упоенный любовью, стоял пред княжною на коленях, и целовал её руки, сам князь Болгарский Богомир пришел в нам внезапно. Ужасный случай! Не успел я призвать на помощь кольцо мое, князь был близ нас. Глаза его блистали гневом. Суровый вид его доказывал, что он ведаёт о наших свиданиях, как то и в самом деле было так. Один евнух, приметив первое наше свидание, донес ему о том. Вооруженная кинжалом рука, представила нам погибель нашу неизбежной.

– Недостойная дочь! – вскричал он яростно, – тем ли платишь ты за горячую мою к тебе любовь? Обещанием ли моего величества подтверждаешь ты мою о тебе надежду, как на единородное дитя моё? Раскаешься, негодная о своей подлости! Вечное заточение поздно просветит потемневший рассудок твой, и представит всю гнусность твоего поступка... Ах ты мерзкий изверг! – кричал он обратясь ко мне, – кто ты ни есть, хотя бы ты был высочайшего рода, ничто не избавит тебя от моего мщения. Крови твоей мало омыть нанесенное мне тобою поругание.

С этими словами взмахнул он кинжалом, чтобы поразить меня. Должно быть выше человека, чтоб имея в руках способ, не постараться избежать предстоящей смерти. Я вложил кольцо в рот, и стал невидим, к вящей ярости и удивлению Богомира Болгарского. Увидев гнев свой тщетным, обратил всё мщение своё на дочь свою.

– Не думай, изменник, – кричал он, приготовившись её пронзить. – Волшебство твое не станет преградой к моей мести тебе. В казнь твою, не пожалею я моей дочери.

У меня не было времени выбирать; любовь торжествовала. Видя почти неминуемую смерть княжны, и любя её столь страстно, забыл я про свою безопасность. Я вынул кольцо из рта, и бросившись, стал между ним и Прелестой.

– Гнев твой справедлив, великий князь! – говорил я ему: – но если смерть несчастного князя древлян сможет удовлетворить твоё мщение: рази меня, но спаси кровь свою. Хотя дерзновение, что я вошел сюда, и достойно казни; но обращение мое против дочери твоей, ничего не заслуживает. Честь твоя соблюдена, и желания мои не были постыдны. Я хотел соединить браком союз двух государств...

Богомир опустил руку, и сказал со удивлением:

– Ты – князь древлянский!... Но это не мешает... Преступление твое не прощительно.... Однако скажи, чем докажешь ты, что поступки твои против дочери моей были честны?

– Великомогущий Государь! – сказал я, бросаясь пред ним на колени, – если б я хотел нанести только поругание дому вашему; что бы удержало меня от того, чтобы скрыться? Вы видели опыт, что я мог быть от вас в безопасности; но сильная страсть, влитая в меня красотою вашей дочери, столько же велика, как и желания мои честны. Мог ли бы я, желая только обольстить дочь вашу, предать себя в жертву вашему гневу? Вот вам причина моей невидимости, – продолжал я, подавая Богомиру кольцо; – велите меня удержать. Вы видите, что я не стараюсь спастись. Не сочтете ли вы это за знак нелицемерной любви моей к несравненной Прелесте? Рази Государь, – говорил я, открывая грудь мою, – удовлетвори справедливому гневу; но пощади дочь свою!

Слова мои начали смягчать Богомира. Он выронил кинжал из рук. Между тем княжна не могла перенести столь страшного переживания. Слабый дух её оставляет, и она падает без чувств у ног своего родителя. Глаза её покрываются смертным мраком; мое сердце леденеет. Я счел её умершей. Зрелище это пронзило душу мою, отчаяние постигло меня. Я схватил кинжал, лежавший у ног Богомира, и направив его к моему сердцу, хотел было его пронзить. Ослабший язык мой едва смог произнести:

– Любимая княжна! Ты мертва; чего я жду?..

В то же мгновение Богомир схватил меня за руку. Великодушное его сердце склоняется к жалости, глаза наполняются слезами, и глас природы производит действие в груди его. Он выхватывает кинжал из руки моей, и бросает прочь. Поднимает меня с земли, взирает на дочь свою, и время некоторое пребывает в безмолвии, обращая по всюду смущенные и беспокойные взгляды, в которых сражаются родительская любовь, гнев и жалость. Все трепещут в ожидании его определения. Сами евнухи и стражи, неспособные к жалости, пребывают в унынии, и ожидают первых слов, которые он произнесет. В это время Прелеста приходит в себя, встает и повергается к родительским ногам; слезы её орошают их. Просьба о помиловании меня входит внутрь души его. Стенящий голос её пронзает его сердце. От гнева он приходит к родительской любви, поднимает дочь свою, и обнимая ее, прощает вину нашу. Он подает руку, и велит мне рассказать все мое приключение. Дух мой собрался, и надежда, принявшая меня в свои объятия, сообщила мне красноречие. Я все подробно рассказал ему. Он поверил в нашу невинность и согласился соединить нас вечными узами. «Неустрасимость твоя, – сказал он, влагая руку дочери своей в мою, – делает тебя достойным, и доказывает знаменитость твоей природы». Мы оба бросились к коленам его, и обнимая их, приносили ему благодарность в словах, живо изображающих наши чувства и радость о его великодушии. «Встаньте мои дети! – говорил князь Болгарский, поднимая нас: – Живите счастливо, и служите примером всем страстным сердцам».

Таковым образом этот несчастный случай, против ожидания, возымел благополучные последствия. Мы пошли во дворец государя, сыскали дядьку моего и Красовида, который заплакал от радости, узнав о происшедшем. Я с дозволения князя Богомира, отправил его к

моим родителям, для испрашивания дозволения их о вступлении моем в брак. Он отъехал, и я поселился при Болгарском дворе, в совершенном удовольствии. Беспрепятственные свидания с любезной Прелестой умножало нашу горячность. Обращения же мои от часу от часу увеличивали ко мне любовь князя Богомира. Два месяца, в которые Красовид ездил к отцу моему, протекли в одних только увеселениях.

Наконец возвратился Красовид, и привез мне письмо от моих родителей, в котором они посылали благословение на брак мой, и повеление о скором возвращении с женою моею к ним, для прекращения скуки, испытываемой ими о моем отсутствии. Князь Богомир также получил чрез нарочного поста грамоту о утверждении этого союза. Также были присланы приличное моему достоинству число придворных, и изрядные богатства, для совершения великолепной свадьбы. Все исполнилось, брак наш на другой день торжественно свершился. Я имел в объятиях моих дражайшую супругу, в которой полагал всё моё благополучие. Радость наша взаимно выходила из пределов. Но увы! Все это было преддверием жесточайших наших несчастий, и мучений, которые были для меня горше самой смерти!

Не прошло и трех дней нашему бракосочетанию, как суровый рок мой приготовил уже мою погибель. Во то время, когда я упоенный нежностью моей дражайшей супруги, заснул в её объятиях; представьте себе ужас мой и отчаяние, когда я, пробудившись не нашел ее. Холодный пот разлился по моему телу, и сердце мое окаменело, когда я, вместо нее, увидел лежащее на постели моей следующее письмо: «Ты недостойно завладел сокровищем, которое создано для одних бессмертных: так что не тужи, что одного лишился. Довольствуйся тем, что сам оставлен в живых. Если же хочешь, чтоб голова твоя воссела на железном колу: то ищи свою жену в доме духа Тригладита».

Какая весть, какая жестокая весть была для несчастного моего сердца! Громовый удар не так бы поразил меня. Как можно изобразить тогдашнее волнение моей крови? Отчаяние покорило отягченный горем дух мой. Я рвал на себе волосы, делал все, что творил развращенный тоскою мой разум. Вопль мой раздался по всему дворцу; все прибегают ко мне в трепете. Сам князь, тесть мой, спешит в ужасе узнать сего причину. Он побледнел взглянув на меня.

– Что с тобой стало? – сказал он. – Ах! Что вижу я... Где дочь моя!?

– Увы! – отвечал я: – прочти письмо это... нет не письмо, но приговор на смерть мою, и познай наше бедствие!

Богомир прочел письмо. Силы изменили ему; он не мог удержать полившиеися ручьями из глаз слезы. Тоска моя превзошла его соболезнавание. Я бросился к моему оружию, и схватив меч, хотел пронзить им себя; но его вырвал у меня Красовид.

– О варвар! – закричал я ему, – или ты звериное имеешь сердце? Что заставляет тебя препятствовать пресечь мои мучения?.. Исчезни от меня! Такова-то оплата за любовь мою к тебе!

Напрасно Князь Богомир, и все тут бывшие тут, старались меня утешить. Отчаяние свирепствовало в душе моей. Наконец прошли первые терзания, и уступили место слезам. Печаль овладела мною во всей своей широте.

– О небо! – кричал я, – Чем заслужил я гнев твой?.. Какое мое преступление подвигло тебя поразить меня таким ударом? О варварский Тригладит! зачем ты, лишив меня любезной супруги, не лишил жизни? Но что я говорю? Он лишил меня ее. С нею унес он все, радость, покой, утехы, словом жизнь мою... Нет, варвар! желание твое не исполнится. Ты оставил во мне дух, для того, чтобы я век мой страдал. Нет я не боюсь угроз твоих, иду отнять у тебя сокровище, коего ты лишил меня. Пусть я умру там, но умру близ моей супруги. Пусть глава моя будет жертвою бесчеловечия твоего. Намерение заключено: я иду умереть, или возвратить мою супругу.

Бесполезно старался утешить меня тесть мой. Я положил твердое намерение, искать мою дражайшую Прелесту. Тщетно говорил мне Богомир, чтоб я не усугублял его печали моим отсутствием, и вознаградил бы утрату его дочери моим при нем пребыванием. Все было напрасно. Я ушел один, и направил в смятении путь мой, не зная сам куда. Только Красовид последовал за мною, не слушая меня как прочие, которым я запретил идти за собою.

Не отошел я и шести верст от столичного города Боогорда, как мне предстала благодетельная моя волшебница.

– Куда идешь ты, злосчастный князь? – сказала она.

– Умереть, – отвечал я.

– Это лишь действие скорби твоей, – сказала она; – но какая из того выйдет польза твоей супруге, страдающей в руках проклятого кривого духа? Утешься, Миловид! послушай меня. Я дам тебе наставление, которое, может быть, принесет тебе пользу, и доставит опять в объятия твои Прелесту.

Я пал к ногам ее, принося благодарности за её содействие.

– Послушай, – продолжала она, поднимая меня; – полагаю, что тебе неизвестно, что побудило Тригладита унести ее. Он был давно влюблен в твою супругу; но охранявший её каббалист Тугоркан, препятствовал ему в этом мерзком намерении. Вчерашним днем он умер, и дух при первом ж случае, употребил кончину его в свою пользу. Теперь что остается тебе делать? Жилище его отсюда очень удалено. Он властью меня сильнее, и я не могу больше помочь тебе, как и доставить тебя к нему, могу лишь дать тебе перстень, способный сохранить тебя от смерти; но берегись лечь спать в полночь. Если ты заснешь в это время: он украдет у тебя перстень, и ты падёшь жертвой его варварства.

Потом она свистнула, и с небес опустился к нам чрезвычайной величины орел.

– Эта птица, – говорила мне волшебница, – донесет тебя до места жительства Тригладита, а этот платок, (который она мне подала) брось на воду, которой окружен его дом. Из него составитя лодка, которая перевезет тебя через озеро, на коем стоит его дом. Если на воротах духовя двора будет висеть зачарованный замок: значит, его нет в доме; если же замка не будет: опасайся входить, и возвратись опять за озеро. Найдя замок, коснись его перстнем; отчего замок свалится. Ты прежде всего постарайся войти в погреб, закрытый стальными дверьми. Там ты найдешь алмазную фляжку. Если ты её получишь, дух будет тебе покорен, а ты вновь обретешь свою супругу.

Сказав это, она стала невидимой, не дав мне отблагодарить себя. Мне о чем было рассуждать более. Мы с Красовидом сели на орла, который поднялся с невероятной быстротой, и меньше чем за час доставил нас к этому месту, где мы теперь стоим. Тот час же бросил я платок мой на воду; и он превратился в лодку. Я сел в нее вместе с Красовидом, который ни в какой опасности не хотел меня оставить. Лодка сама собою перевезла нас до ворот духовя двора. На воротах висел замок. Мы вышли на берег, и я коснулся перстнем замка; от чего он упал. Но едва вошли мы во внутрь двора, как меня начало клонить в крепкий сон. Сколько ни напоминал мне Красовид, что тогда была полночь; я не в силах был одолеть себя. Лишь только мы взошли на обширную медную доску, на коей был изображен талисман: то попадая, заснули оба бесчувственно у самых стальных дверей. Ужасный свист и шум разбудил нас. Мы прервали сон, но поздно; я лишился перстня. Дух стоял у самых наших голов. Страшный вид его наполнил нас трепетом; а вооруженная саблей рука изображала конец наш.

– Дерзость твоя не прощительна, – вскричал он страшным голосом; – прими достойную казнь!... Но этого мало: смерть твоя окончила бы всё. Я оставляю тебе жизнь, для того, чтобы она была тебе мучительнее самой смерти. – Он начал читать некие варварские заклинания, по окончании которых, я с ужасом увидел себя превращенным в тигра. – В этом образе, – продолжал дух, – ты должен будешь жить на той стороне озера, и, взирая на дом мой, где обитает жена твоя, томиться вечным отчаянием. Все приходящие доставать что-

нибудь из моего дома, будут умирать от когтей твоих. Но если ли кто из отважных убьет тебя, и пресечет тем самым мое волшебство; то и тогда ты не надейся получить свой прежний образ. Ты на всегда останешься дряхлым стариком, и никто не сможет тебя узнать. Дерзкий же тот человек, оружием своим разрушивший твой тигриный облик, в наказание потонет на лодке, в которое превратится тигриное туловище. Если же ты его известишь об этом, то наполовину превратишься в деревяшку. Итак смерть твоя неизбежна, и ничто не укроет тебя от руки моей. – Потом обратясь к Красовиду, сказал: – Твое преступление не так велико; довольно с тебя посидеть на колу. – С этими словами демон сорвал с него голову, и, насадив её на кол, поместил в дополнение к прочим головам несчастных, покушавшихся достать лук и стрелы Вирстона,

Совершив это злодеяние, дух исчез; а я очутился в подземной пещере. находящейся неподалеку отсюда. Превращение мое не отняло у меня человеческих чувств. Мучительные мысли терзали меня поминутно. Стократно желал я умереть; но ничто не представляло средств к этому. Множество несчастных погибло от когтей моих. Едва я их усматривая, как пускался на них со свойственной тиграм свирепостью, и терзал их моими когтями. Всё это было действие колдовства Тригладита. Скоро минует три года, как я начал страдать в этом проклятом месте, и никогда не ожидал, что найдется кто-либо настолько смелый, чтобы ополчиться против меня, и доставить мне по крайней мере человеческий образ: ибо против желания моего нападающая на меня ярость к людям, столь мне мерзка, что я по совершении убийства, не пью и ем по несколько дней. Тела убитых мною витязей тотчас обращаются в тростник, а головы сам дух насаживает на колья.

За три дня перед твоим приходом, когда я вышел из моей пещеры, ко мне прилетела белая, как снег, птица. Удивление мое было чрезвычайно, когда она, сев близ меня, начала говорить следующее: «Миловид! Я принесла тебе радостную весть. Неволе и мукам твоим скоро придет конец. Великий каббалист Гассан, разрушит чары кривого духа, возвратит твой первоначальный образ, доставит в объятия твои супругу твою, и всем погибших от рук духа возвратит жизнь. Тригладит будет наказан за свое бесчеловечие. Лук и стрелы Вирстона достанутся в добычу Гассану. Но вели ему опасаться плыть через озеро на платке данном тебе от волшебницы Рушибеды. Сила его уничтожена закланием кривого духа. Лодка, в которую превратится тело тигра при убиении твоём, также ему вредна. Пусть разрубит он ее, и отрубив деревянные ноги твои, которых ты получишь, став стариком, бросит в озеро; и из них составит мост. Возвращение же прежнего твоего вида зависит от твоего платья. Напоследок узнаешь ты, кто я». – Потом она стала невидима, наполнив меня радостной надеждой. Сегодня, увидев вас, я получил обыкновенную мне ярость, и бросившись, хотел растерзать вас; но узнал, что вы и есть тот великодушный Гассан, который возвратит мне счастливые дни мои. Я жду с нетерпением, когда вы отсечете мои неказистые конечности, и окончите все мои злосчастия».

Продолжение приключений Гассана

Гассан не меньше него был обрадован полученным известием, видя надежду о благополучном завершении его предприятия. Он сперва разрубил лодку, потом одним ударом отделил деревянные ноги Миловида, вместо коих тот обрел обыкновенные человеческие. После чего Гассан бросает обрубки в озеро, через которое в одно мгновение появляется мост, и тем же самым действием все головы бывшие на кольях, прыгнув с них, покатались по мосту, и каждая из них пристала к своему туловищу. Не ожидая конца этих превращений, Гассан оставив всё, устремился через мост. Прибыв к воротам, не знал он, что делать с замком. Он прибег к своей книге; но едва лишь он вынул её из коробочки, как блеснувший от карбункула луч, раздробил замок на части; ворота же сами, отворясь, открыли ему беспрепятственный доступ внутрь двора кривого духа. Первым препятствием на его пути стала стальная дверь. Гассан приблизясь к ней, почувствовал, что его клонит сон. Он догадался, что действие это происходит от талисмана, начертанного на медной плите, лежащей у дверей. Разобрав талисман, уничтожил он его силу, и беспрепятственно отворил стальные двери. Он сошел в погреб по ясписовым ступеням и внутри среди различной утвари увидел на сосуде, сделанном из синего яхонта, стоящую алмазную фляжку. Зная её силу, Гассан взял её и положил в карман; при чём услышал страшный гром. Бывшая в яхонтовом сосуде вода начала кипеть, и погреб сам с ужасным треском провалился в землю с такой скоростью, что Гассан едва успел выскочить вон.

Не успел он оглянуться, как увидел самого духа Тригладита, лежащего без чувств посреди двора. При этом радость Гассана стала неопишуемой. Он поспешил отыскать лук и стрелы Вирстона. Он вошел в палаты, сквозь десятки дверей миновал множество комнат, пребывающих в ужасной пустоте. Потом представились ему двери, сделанные из слоновой кости; но лишь хотел он их отворить, как явился исполин страшной величины, и подняв железную дубину, приготовился раздробить ею голову Гассана. Тот не испугался, но выхватив кинжал свой, поразил противника в живот. Исполин с страшным ревом пал на землю. Вторичный удар пронзил его сердце, и вон потекла чёрная дымящаяся кровь, унося с собою жизнь исполина. Но кровь, потекшая ручьем из раны, вместо того, чтобы распространиться по комнате, возросла кверху кучею. И можно ли объяснить удивление Гассана, когда увидел он, что кровь, превратилась в женщину несравненной красоты? Она упала к ногам Гассановым, принося ему благодарность за свое избавление.

– Я не понимаю, чем я смог помочь вам – отвечал Гассан.

– Убив исполина, вы разрушили волшебство духа Тригладита, и возвратили мне мой первоначальный образ. Я догадываюсь, – продолжала она, – что вы овладели тем алмазным сосудом, в коем заключена судьба кривого духа. Имея его, имеете вы и Тригладита в своей власти. Без того вы никак не смогли бы убить исполина, в кровь которого я была превращена.

– Прошу объяснить мне, – сказал Гассан, – кто вы и какая причина побудила духа так свирепо с вами поступить?

– Перечисление моих несчастий, – отвечала она, – послужит к умножению томивших меня доселе мук. Но будучи обязана вам избавлением, исполню ваше повеление. Я – дочь болгарского князя Богомира.

– Так это вы, прекрасная княгиня Прелеста? – прервал речь её Гассан. – Про несчастья ваши узнал я из уст вашего супруга, князя Миловида.

– Он жив еще?! – вскричала она. – Неужели ненависть кривого духа не лишила его жизни?

– Конечно, – отвечал Гассан, – однако он жив и находится недалеко отсюда.

– О небеса! – вскричала восхищенная Прелеста, испуская радостные слезы, – я забываю все несчастья мои!

– Про многие ваши приключения мне известно, – сказал Гассан. – Но расскажите мне, что случилось с вами, со времени, как дух унес вас из объятий вашего супруга?

– Заснув сладким сном, – начала она, – не ожидала я никакого себе горя; но, представьте себе мой ужас, когда, очнувшись, я увидела себя в страшном этом жилище, на руках мерзкого уроды! Взглянув на него, я вскричала, и упала в обморок. Остановившаяся в жилах моих кровь, возымела напоследок свое движение, и к умножению мук возвратила мне чувства. Придя в себя, вынуждена я была слушать изъяснения любви этого духа. Он извинял себя пред мною сильною страстью, принудившею его учинить это похищение, льстил мне, что дарует мне бессмертие; если я соглашусь на его желания. – «Исчезни от меня, – кричала я ему с омерзением. – Я лучше соглашусь стократно умереть, нежели пасть жертвою моего стыда и неверности к моему супругу. Разве для того хочешь ты сделать меня бессмертной, чтобы я вечно оплакивала разлуку с дражайшим моим князем, и мерзкий твой вид всеминутно умножал бы моё горе. Возврати меня, варвар! Возврати к супругу моему, или умертви сей же час». – Напрасно старался он меня успокоить. Я вместо утешения, прибавляла мое отчаяние, и на каждое его слово отвечала клятвами и ругательствами. – «Я вижу, – сказал дух, – что тебе надобно время для успокоения». – «Нет мерзкий, – кричала я, – до тех пор не буду я спокойна, пока ты не исчезнешь от меня навеки, и я не буду в руках моего князя». – «Забудь об этом навсегда. Ты никогда этого не получишь». – сказав это вышел он вон.

Рассудите сами, в каком я тогда была страхе. Всё, что я ни думала, пресекало мои надежды, увидеть когда-либо супруга и родителей моих. Воображение это, вливая ужас и отчаяние в мою душу, наполняло меня мучительными мыслями. Слезы и тоска, были мне вместо утешения. Невозможно вообразить всех слов моих, которые я произнесла в моем горе. Словом, я пожелала прекратить жизнь мою; но осторожность духа пресекла к тому все способы. Страдание мое умножалось тем, что дух часто захаживал навестить меня, и утешение, которое он старался мне подавать, обращалось для меня в жестокие мучения. Видя бесплодность своих предприятий, грозил он мне, получить насилеи то, в чем не преуспевал своими стараниями. Но ответами моими были одна только брань.

Недавно придя ко мне, он сказал: «Напрасно ты думаешь сохранить верность своему мужу. Его уже нет на свете. Дерзновение его, которое имел он в намерении лишить меня алмазного сосуда, в коем заперта судьба моя, и увезти тебя, стоило ему жизни.

– Ты убил его? – вскричала я. – О варвар! о хранилище всех мерзостей!.. – Тут отчаяние овладело мною, и гнев заступил место всего. Я с яростью бросилась на него, желая выдрать последний его глаз. Хотя он и был духом; но едва смог отвратить от себя эту беду. Он схватил мои руки, и, оттолкнув от себя прочь, вышел вон, сказав мне: «Наконец-то ты смягчишься и будешь поласковее».

Тут печаль овладела мною во всей своей мрачности. «Праведные небеса! – вопила я, – таково ли воздаяние ваше людям, следующим по пути добродетели? Чем заслужила я ваше гонение?.. О князь! Дражайший мой супруг, ты мертв, что осталось мне? Для чего не могу я за тобой последовать?..» Потом произнесла я множество тому подобных, отчаянных слов, рвала на себе волосы, и билась о стену до тех пор, как бесчувственная не упала на пол.

Придя в себя, я не могла успокоиться. Тягостные мысли терзали меня, пока крепкий сон овладел мною. И среди этого успокоения, которое всем злосчастным людям изглаждает из памяти их огорчения, представился мне некий сединами украшенный муж. Я узнала в нем покойного каббалиста Тугоркана, которому при рождении моем отдана была в покровительство. – «Дочь моя! – сказал он мне, – несчастье твое не дает покоя тени моей в вечности. Томления твои, сносимые в руках мерзкого разбойника, принудили меня оставить блаженное жилище, чтоб дать наставления к твоему избавлению, в случае, когда смерть моя

воспрепятствовала мне вырвать тебя отсюда, и наказать кривого духа за его лютость. Пока я был жив; он был заперт у меня в железной клетке, и не делал никаких пакостей роду человеческому. Когда ж я заплатил долг природе; то все талисманы мои против него стали недействительны. Он разорвал свою темницу, и унес из моего дома алмазную фляжку, в которой по науке моей была заперта судьба его. Если бы кто её разбил: он навечно остался бы слабее всех смертных, и сидел бы в подземной той тюрьме, где я его держал, всеми позабытый. Но она теперь в руках его, и он хранит её крепко. Одни лишь стрелы Вирстона, у меня им украденные, могут лишить его всего; но и те у него под присмотром. Если ты сможешь их украсть так, чтобы дух не узнал про это, тогда, как он снова придет к тебе, пусти в него золотую стрелу. Если ты попадешь, дух упадет без чувств, и тогда ты сможешь той же стрелой отворить стальные двери погреба, где хранится алмазный сосуд, и разбив его, заключить духа навеки в тюрьму, специально мною для него сделанную, и стать после этого свободной. Больше я не могу тебе ничем помочь. Кладовая, где хранит он стрелы, близ твоей комнаты. Вот этим мечом, (который он мне подал,) ударь по стене; это откроет тебе вход в кладовую; но опасайся ступить на изумрудную плитку. Если её коснется нога твоя: все мои наставления станут недействительными. Дух тотчас же всё проведает, и ты станешь жертвой его злобы. – Сказав это, стал он невидим, наполнив меня радости.

Проснувшись, я, хотя и сохранила в памяти все, сказанные им слова; но явление это сочла плодом смятенных моих мыслей, и волнующейся крови. Однако меч, находящийся в руках моих, уверил меня, что это не было сном. В ту же минуту я встала и ударила мечом по стене. Она расступилась и открыла мне вход в кладовую. Желание овладеть скорее луком и стрелами, изгладило в памяти моей опасение не наступать на изумрудную плитку. Я ступила на нее... Сильный стук и шум от того происшедшие, напомнили мне мою неосторожность. Я оторопела, и в самую ту минуту в комнату явился кривой дух и воскликнул: – Надо же! Я едва не погиб навеки! А ты, неблагодарная, решила погубить меня, – кричал он страшным голосом. – Так-то ты мне платишь за мою любовь к тебе, за мое старание, так? Что Индия имеет драгоценнее, и что берега Нила приносят вкусней того, что я тебе доставлял? Но чем можно угодить душе злобной?.. Я спасся моей осторожностью; а ты прими достойное наказание». – Подумав немного, он дунул на меня, и я превратилась в того мерзкого великана, которого вы убили. – «Страдай же вечно в этом образе, – сказал он, – имей все нужды человеческие, будь бессмертна, томись голодом, терзайся воспоминаниями о твоём недостойном супруге, мучайся, вместо красоты твоей имея этот мерзкий вид, и вместо меня, охраняй вход в мою кладовую». – С этими словами он исчез, и я его уже больше не видала. Страдая почти три года всем тем, что дух мне предсказал, до нынешнего счастливого дня, принесшего мне свободу, первым из живущих на свете увидела я вас. При первом взгляде почувствовала я такую ненависть, что хотела, убив вас этой железной дубиной и, стыдно сказать, съесть. Но благодарю небо и вас, моего избавителя; все чары злодея окончилось. Через вас надеюсь я получить прежнюю мою спокойную жизнь.

Выслушав приключения княгини Прелесты, Гассан сказал ей:

– Я рад, что смог оказать вам эту услугу; а чтобы дополнить утешение ваше, извольте знать, что муж ваш на берегу этого озера с нетерпением ожидает моего возвращения. Ваше присутствие бесконечно обрадует его, а я силой моего знания, обязуюсь вас вместе с ним доставить в дом к вашему родителю менее чем за час. Но не отходите от меня ни на шаг, чтоб с вами снова не приключилось какого-нибудь несчастья.

Можно ли представить удовольствие и радость, овладевшие княгиней, при этой благополучной вести? Нежная природа её едва не лишила её чувств. Она принесла благодарность Гассану, и ухватилась за его полу, когда он вошел в кладовую. Гассан тотчас же взял с стены

лук и стрелы Вирстона; стрелы эти были золотая, серебряная и стальная. Он надел на себя колчан и тул⁴⁸, и вышел вон из замка, оставив в нем лежащего без чувств Тригладита.

Прелеста искала глазами своего супруга, но не находя, пришла в великое сомнение; ибо старый вид и дряхлость его сделали его ей незнакомым. Гассан оставил её в этом недоумении, и за первое счел необходимым, отправить Тригладита навеки в подземную тюрьму. «Прими достойную казнь за недостойные твои дела, мерзкий Тригладит, – сказал он, вынув из кармана алмазную фляжку, и разбил её вдребезги. Едва совершился удар этот: весь замок и озеро с страшным треском провалились в землю, из которой долго был слышан стон кривого духа. Земля выровнялась, и оставила по себе забытое природою место – пустыню, горы и тернии. В то же мгновение, когда дом кривого духа развалился, князь Миловид получил свой настоящий образ; ибо заклятье Тригладита окончилось с его гибелью. Князю этому было не больше двадцати лет, и можно сказать, что он был совершенным творением природы; а потому не удивительно, что Прелеста так стойко хранила ему постоянство.

Невозможно описать радостный восторг этой прекрасной четы. Они бросились друг к другу в объятия, и наговорили множество слов, которых сами смысла не понимали. Придя в себя, пали они оба к ногам своего избавителя; ибо пустыня всех делает равными, и в отдалении от престола, благодарность бывает очень чувствительна. По крайней мере от этого унижения Гассан удержал их, не допустив их целовать прах ног своих, и сказав им, что он только исполнил долг всякого честного человека; хотя на самом деле и не для их спасения предпринял он этот подвиг.

В самое же то время увидел Миловид ту белую самую птицу, предвестившую ему избавление.

– Ах! Вот та птица, – сказал он Гассану, – о которой я вам рассказывал!

А та летела прямо к ним, и опустившись на землю, превратилась в женщину, в которой узнали они волшебницу Рушибеду.

– Любезные дети мои! – сказала она к юному князю и его супруге, – несчастья ваши окончились с помощью великодушного Гассана. Принесите же ему вашу благодарность, и готовьтесь доставить радость вашим общим родителям – князьям Болгарскому и Древлянскому с их супругами, которые теперь в Болгарии оплакивают вместе вашу гибель. Я отнесу вас туда в один час. Вот теперь вы и сами видите, что все добродетельные люди, какие бы на них беды ни посыпались, бывают напоследок счастливы; но все злодеи погибают так, как Тригладит. С этого часа кончатся все ваши беды, и вы до самой смерти никогда более не будете чувствовать их тяжести.

Гассан, как ученый муж и каббалист, впелся было в речь волшебницы, и уж хотел было сказать по крайней мере длинное поучение в том же духе; но по счастью вспомнил, что ему еще осталось постараться о возвращении жизней тех людей, головы которых украшали кольца, а особенно о Красовиде. Но того как всё это сотворить он пока не ведал. Он подошел к безжизненно лежавшим телам, и задумался. Миловид последовавший за ним со всею радостью своей не мог удержаться от слез, взирая на труп названного брата своего Красовида; однако думал, что Гассан уже совершает заклинания, хотя тот и не представлял с чего ему начать. Предубеждение заставляет нас так судить о знаменитых людях. Мы полагаем, что они уже взлетели в воздух; но они и в то время и после него часто пребывают еще на земле. Волшебница, узнав причину смущения Гассана, вывела его из ступора, спросив, отчего он медлит оживить их наведением на их лица зеркала, находящегося в его книжке,

⁴⁸ Тул, также как и более привычный для современных людей колчан – футляр для ношения и хранения стрел. Но колчан – слово татарское, получившее распространение на Руси только с XVI века, причем колчан и тул имеют принципиальное различие – тул имеет круглую или эллиптическую форму и крепится в подавляющем большинстве случаев у пояса, оперением стрел вперед. Тогда как колчан – плоский и его обычно носят или у пояса (оперение стрел направлено назад) или за спиной.

Гассан употребил это средство, покраснев, и упрекнув себя внутренне за недогадливость. Едва он навел зеркало на Красовида; как тот вскочил, подобно пробудившемуся от сна, и бросился к своему князю, чтобы узнать во всех подробностях о его приключениях, и разделить с ним радость о конце общего их несчастья. Между тем Гассан оживил все бывшие тут тела, из которых восстали единственно волшебники, хироманты и прочие ученые мужи. Они все упали к ногам Гассана и принесли благодарность своему избавителю. Гассан поднял их, и велел каждому рассказать про свои приключения; но эти рассказы доставили им мало удовольствия; потому что у всех их несчастий была одна причина – желание достать пресловутые лук и стрелы Вирстона. Выслушав их, Гассан сказал:

– Я радуюсь, что смог вам оказать услугу; но впредь будьте осторожнее, и не пускайтесь в предприятия, которые выше ваших сил. – Он пообещал им доставить каждого в его жилище. При этом он топнул ногой о землю, из которой к его услугам выскочил покорный ему дух. Ему повелел Гассан доставить столько колесниц, сколько было здесь ученых мужей. Дух повиновался, и вскоре явились колесницы, запряженные крылатыми змеями и иными чудовищами. Все избавленные бросились вновь к ногам каббалиста, и поблагодарив еще, сели в колесницы. Гассан приказал в течение часа времени доставить всех их, куда они пожелают, и колесницы в мгновение ока скрылись из глаз оставшихся тут с Гассаном, князя Миловида, княгини Прелесты, Красовида, и волшебницы Рушибеды.

– Не могу ли я служить вам еще чем? – сказал Гассан князю Древлянскому.

– Ни чем больше, – отвечал Миловид, – как одолжением, чтоб вы разделили присутствием своим нашу радость, которую будет иметь свидание наше с родителями.

Гассан отговорился от того важным своим предприятием; при чем рассказал им свои приключения, по окончании которых, просил дозволить, чтоб один из служащих ему духов, понёс за ними Красовида, а затем известил его обо всем, что с ними случится. На том и порешили. Дух получил приказ, и они расстались. Волшебница подхватила Миловида и Прелесту, а дух – Красовида. Всей компанией они поднялись в воздух и скрылись из глаз Гассана, который между тем любовался своею книгою, и полученным в добычу луком и стрелами.

Возвратившийся дух принес Гассану известие, что спасенные им молодые люди благополучно прибыли в Болгарскую столицу; что радость всех встречавших и встречаемых была неопишная; что все заочно приносили ему благодарность, и пили за его здоровье по обыкновению; и что старый древлянский князь Премислав положил прожить в Болгарии целый год; а потом чтоб дети их жили у них погодно, год в земле Древлянской, и год в Болгарии, и что Красовид, по взаимной склонности женился на Милонраве, наперстнице княгини Прелесты.

Между тем Гассан, оставшись один, вновь начал думать о своем пути. Столь дальнее расстояние до острова, где хранится меч Вирстона, приводило его в изумление. Он вновь прибег к своей книге, на помощь которой имел немалую надежду. Развернув ее, он прочитал он означившиеся белыми буквами стихи:

В златой найдешь стреле, чем к морю путь открыть,
А ехати на чём, – стальной землю порыть.

Прочтя это наставление, он вынул золотую стрелу, которая упав из рук его, воткнулась в землю. Он поднял ее, и из того места, где она воткнулась, протекла широкая и быстрая река. Когда же он коснулся воды стальной стрелой, у самого берега появилась фарфоровая лодка, запряженная четверкой лебедей. Без долгих размышлений собирается он в путь-дорогу, принимает несколько капель из настоя Мулом-бабы, и сложив коробочку свою книгу, садится в лодку. Лебеди, почувствовав седока, помчали лодку вниз по реке, с невероятной быстротою. Гассан не успел осмотреться, как был уже в открытом море.

Прошу моих читателей поискать окончания этой сказки в третьей части, а в этой, второй,

Больше ничего

Часть третья. Русские сказки

Продолжение приключений Гассана

Лодка, в которой Гассан продолжал свой путь, с равной быстротой рассекала воды Океана, как пущенная из лука стрела. Свист ветра и шум волн, ударяющихся об утесы каменных гор вознесенных на поверхность моря по пути, где он ехал, составляли ужасный звук для его ушей. Но он, исполненный желанием достичь острова, в котором хранился меч Вирстона, презирал все опасности и ободрял себя надеждой получения во власть свою только одного сокровища, трепещущее свое сердце. Желание иметь у себя что-нибудь преимущественное перед другими – страсть, свойственная людям. Нередко для насыщения необузданных желаний, мы пускаемся в не меньшие опасности, чем был путь Гассана. Хорошо было бы, если бы человек почаще призывал на помощь свой рассудок, так как наш герой призывает свою книгу. Тот, может быть, хотя не в стихах, а в прозе, вливал бы в наши мысли предрассуждение о вреде погони за вещами непозволенными, и тем полагал бы пределы нашим стремлениям. Но обыкновенно, когда человеком овладевает страсть, рассудок не помогает.

Чем далее проплывал Гассан своим путем: тем менее ужасны становились окружающие его места. Ветры замолкли, и сделали на успокоившемся море поверхность подобную зеркалу. Солнце, имеющее в тех странах течение свое ближе к земле, ударило полным блеском лучей в море, и составило в нем изображение бесчисленных радуг. Обитатели дна неизмеримых вод, сирены, появились в множестве вокруг его лодки, покрытые венками из морских растений. В руках они держали коралловые ветви. Красота их и звуки пения вводили Гассана в сладкую истому. Глаза его и уши, заняты были вниманием таких редкостей. Дельфины и прочие мелкие водные звери играли по разным местам. Плавающие и летающие птицы соединяли нежные голоса свои с пением Сирен. Таковое прелестное последование сопровождало Гассана, который забывал сам себя, упоенный подобной радостью. Но скорость плавания его сокрыла наконец все эти удовольствия из виду, и представила вдали такую мрачную тень, как бы ночь, уступающая свету, оставляла земной круг, и покоилась в том месте во время дня. Не успел он вперить взоры на рассмотрение причины этой тьмы: как лодка его, обернувшись три раза в круг, остановилась; и лебеди, завернув головы под крылья, предались сну. Неизвестно, робость ли или удивление больше им тогда овладели. Но нельзя не смутиться в таковых переменах. Он прибег к своей книге. Но вынимая её он увидел вдали нечто к приближающееся к нему огромной скоростью. То были двенадцать Тритонов или морских жителей, несущих на себе колесницу, сделанную из жемчужных раковин. Они остановились близ самой его лодки, и неизвестным языком проговорили то, чего он не понял; но знаки их и телодвижения изъясняли ему, что они просят его сесть в себе в лодку. Гассан смятенный столь различными в одно время явлениями, не знал, что заключить. Он развернул свою книгу, и прочитал следующее:

Сомненье отложа, садись-ка ты к Тритонам.
На дно моря спустишь, найдёшь конец препонам.

Этого было достаточно, чтобы утвердить его в намерении, согласиться на просьбу морских обитателей. Он оставил лодку с лебедями, которая в то же мгновение исчезла, и сел в носилки. Со скоростью, равной той, с какой плыла лодка, понесли Гассана эти жители Океана, и меньше чем через четверть часа он оказался на месте тьмы. Вечная ночь, обитавшая на этом пространстве, принудила его прибегнуть к карбункулу, который и светил ему

всю дорогу, продолжаемую им в темноте. Несколько минут спустя, тритоны остановились, и Гассан увидел, что тьма начинала исчезать. Но вместо того воды стали кипеть, как если бы они были в котле, стоящем на великом жару; потом, понимаясь кверху, сделались вокруг него подобием стен и сводов. В этом водяном здании приметил он перила из той же стихии, и посреди них сход по ступеням в глубину. Между тем, как он удивлялся этому сверхъестественному виду, Тритоны взяв его под руки, высадили из носилок, оставили и скрылись. Страх утонуть напал на него; но к удивлению ощупал он ногами, что прозрачный пол под ним был столько же тверд, как бы построенный из крепкого металла. Он ободрился, и заключил, что ему следует сойти по ступеням на дно Океана. Привыкнув уже к чрезвычайным случаям, он без ужаса исполнил это намерение. Он миновал несколько тысяч ступеней в пространное поле, от которого отделенная вода не касалась земли. Воздух в этом месте был настолько же свеж, как на поверхности земного шара, и свет не уступал тут ясностью дню. Поле это пестрело от прекрасных, испускающих благовоние цветов и деревьев, вида совершенно отличающегося от растений, произрастающих на поверхности земли. Немного пройдя, он увидел огромное здание, превосходящее великолепием чертоги индийских царей. Он направился к нему, желая вблизи рассмотреть его и узнать, кому оно надлежит.

Это был замок, стены которого состояли из чистого восточного хрусталя. Вход в него имелся сквозь врата чистого золота, сделанные искусной работой. Он не стал останавливаться чтобы рассмотреть лица, выработанные на притворах, и прошел во внутрь. Два стрегущих ворота морских льва, уклонились в стороны, и дали ему свободно пройти.

Все, на что ни взирал Гассан, служило к умножению его любопытства. Столько драгоценностей, сколько пышного великолепия и редкого искусства, составляли внутреннее украшение этого замка. Площадь в нем выстлана была в шахматном порядке из зеленых изумрудов и лалов. Посередине него стоял фонтан, изображающий Парнасскую гору, сделанную из цельного синего яхонта. На вершине её был виден крылатый конь Пегас, так словно бы он собирался лететь во Вселенную. Из-под ног его источником по позолоченным скатам текла вода. Аполлон стоял там с своею лирой, звуки которой приводят и бессмертных в восхищение. У ног его лежал лук со стрелами, и труп убитого им чудовища Пифона. Девять Муз его окружали, и подведенные внутри органы, под действием воды производили звук многоголосого хора; что казалось происходящим от музыкальных орудий, в руках их держащих. Пониже, где падала вода тамошней Ипокрены, видимо было множество восходящих поэтов, из которых иные, казалось, пили Кастальские воды, а иные напившись, шли по трудному пути горы, выше и выше, и каждый из них действием тех же органов соединял сладкое пение с хором Парнасской музыки. Многие из них ползли как раки, некоторые от подошвы горы, за отбытием Парнасского коня, ехали на ослах и коровах. В самом же низу горы, где Ипокрена смешала чистые свои струи с болотною водою, видна была толпа стихотворцев меньших статей, кои, глотая мутную воду, запорашивали горло; но силою этих струй побуждаемые к пению, издавали крики, схожие с испускаемые свиньями перед ненастной погодой. Гассан, взглянув на последних, усмехнулся, и подумал про себя: «много и у нас в Астархани певцов, побывавших у подошвы этого фонтана».

Осмотрев это редкое произведение искусства, возвел он взор свой на палаты, источившие на себя всё искусство, превосходящее труды человеческих рук. Золото, серебро, и все дорогие вещи употреблены были на то, чтоб учинить из сего дома невообразимое мыслям великолепие. Целый алый яхонт, составлял кровлю его... – Но я пропущу описание несравненной работы статуй и писанных образов, виденных Гассаном внутри дома, чтоб не наскучить читателю, а скажу только, что он, насыщая зрение блеском редкостей, прошел множество комнат, не приметив никого в них живущего. Это навеяло ему разные мысли. На что, думал он, собрано здесь столько драгоценностей, когда их некому употреблять? Не скупой ли какой волшебник сокрыл сюда плоды своей жадности?... Здесь должно

быть много чего чрезвычайного. – Но эти мысли его были прерваны. Он услышал в ближней комнате испущенный тяжкий вздох, и за ним последовавшие томным голосом произнесенные слова: «Несчастный Светомил! Когда же перестанет над тобой свирепствовать гневная судьба? Будет ли конец мукам, ежеминутно угнетающим сраженное твое сердце?... Уже ли ты, злобный Рукман, не насытил варварство свое моими страданиями?... Дражайшая Всемила! Открой глаза, оживи злосчастного твоим приятным взором.»

Услышав это, Гассан заключил, что человек этот должен быть очень несчастен, если терпит гонения свирепого Рукмана.

– О! изверг человеческого рода! – вскричал Гассан, – долго ли терпеть небесам твою злобу? Для чего земля носит и не поглотит тебя, разверзшись, в свои пропасти? Лютость твоя простирается в концы земли, и наполняет Вселенную следами твоего варварства. Помогите, боги, чтоб я мог быть орудием, способным наказать тебя за все твои мерзкие дела ... Однако пора посмотреть, кто тот несчастный, голос которого я слышал; можно ли ему помочь?

С этими словами отворил он двери в комнату, из которой происходил стон. По входе в оную, увидел он на софе сидящего нагого человека. Тело его с верха до пояса было обыкновенное человеческое, а от пояса железное. Вблизи него стояла кровать, и на которой лежала женщина великой красоты. Смертная бледность, покрывающая её лицо, не могла закрыть сияния её прелестей. Слабое дыхание и едва подрагивающие временами веки, были единственными знаками, что душа ещё обитает в её теле.

Дивясь этому необычайному виду, Гассан стоял, задумавшись; но тот молодой полужелезный человек, прервал его размышление, сказав:

– Кто бы ты ни был, незнакомец, беги из этого места, ибо твоя жизнь в опасности. Особое несчастье привело тебя в этот зачарованный замок, предвещая твою погибель. Дом этот – место злополучное. Злоба чародея Рукмана обратила его в ад. Спасайся, пока ещё можно.

– Не заботься обо мне, несчастный Светомил! Я думаю, так тебя зовут, поскольку не сомневаюсь, что б не твой я слышал голос. Рукман мне навредить не сможет. Благодарю небо, приведшее меня, может быть, к прекращению твоих несчастий. Я ищу случаев отомстить злобе Рукмана, и помешать его варварству. Власть Философского камня, и стрелы Вирстона, которыми я обладаю, делают меня безопасным от его чародейства. Знай же, что я – каббалист Гассан, подвергающий жизнь свою неслыханным опасностям, только для того, чтоб лишить её Рукмана, и чтобы с погибелью его очистить свет от столь мерзкого чудовища.

При сих словах надежда и радость отразилась на смутном лице Светомила. Он силился встать, чтоб броситься к ногам Гассана; но железные его ноги оставили тело его неподвижным.

– Великодушный Гассан! – говорил он, – да продлит небо дни твои, и даст добродетельным намерениям твоим успех. Но я сомневаюсь, чтоб беды моим мог настать конец. Участь моя кажется одной из жесточайших на свете. – При этом слезы пресекли его голос, и запекшиеся уста связали язык его.

– Успокойся Светомил, – сказал Гассан, – приди в себя, и расскажи мне про свои приключения, чтоб я мог по ним заключить о судьбе твоей.

Собрав истощенные силы, Светомил начал.

– Повторение бедствий моих послужит к умножению моих горестей, и отворит новые раны в уязвленном моем сердце. Но поскольку вы входите в сострадание о моих злоключениях: я исполню ваше желание. —

Приключения Светомила

Род мой обитал в столичном древних Русских Государей городе, старом Славенске, который, по перенесении на новое место, назван Новград. Предки мои происходили от знаменитых бояр, служивших при дворе великих князей Славена и Руса. Род наш, время от времени приходя в упадок, стал наконец так беден, что дед мой принужден был приняться за торги, и трудами своими сыскивать себе пропитание. Он умер, оставив в наследие отцу моему Святобою малое имение, и тот же промысел. Тогда в Руси купечество было еще в новинку. Отечество наше, привыкшее к трудам военным, искало славы своей в оружии и покорении народов; и однородцы наши, варяги, были первыми, которые дали нам понятие о этом нужном для общества занятии. Острота и понятие, которыми одарила Россов природа, сделали так, что вскоре река Волхов, озёра Ильмень и Ладожское, покрылись мореходными купеческими судами. Отец мой прилежанием своим собрал столько богатства, что мог построить пять судов, на которых и производил торги с народами живущими по берегам Варяжского моря. Некогда побывал он в городе Виннете, и продав свои товары, ходил прогуливаться в роще, находящейся не вдалеке от города. Тут встретился с ним старик, ведущий на веревке весьма тощую суку. Все тело её было покрыто ранами, которые умножал он имевшеюся у него в руках суковатою палкою. Жалостливое сердце отца моего принудило остановить старика, и спросить, какая причина принуждает его поступать столь бесчеловечно с невинной тварью? Тот отвечал ему, что она – самая негодная из всех тварей, и он за многие причиненные ею пакости ведёт её повесить. Отец мой просил старика, чтоб он отдал её ему; но старик оставив просьбы его без ответа, продолжал свой путь. Святобой шел за ним издали, примечая то место, где он хотел лишить её жизни, чтобы оказать ей помощь. Старик, насытив свою суровость, тотчас пошел прочь, оставив её повешенной. Святобой же, подойдя к дереву, обрезал веревку, и по счастью нашел её еще живой. Взяв животную, он с радостью повел его домой. Приложенные им старания вскоре поправили здоровье несчастного животного. Раны на ней зажили, и она стала гораздо лучше. В один раз, когда Святобой любясь своей собакою, поглаживая её рукою, вошла в покои к нему хозяйка того дома, в коем он стоял. Удивление изобразилось на лице её при взгляде на суку.

– Что вы мне дадите, – сказала она, несколько подумав, – к отцу моему, когда я из сей суки сделаю вам девицу несравненной красоты? – Отец мой счел слова её за шутку, и отвечал ей, смеясь, что он, любя эту собаку, охотно бы пожелал, чтобы с ней произошло это чудо. – Я не шучу, продолжала она: вы имеете в руках своих не суку, а дочь чешского князя Горивоя. Злоба одного волшебника стала причиною её несчастья. Не удивляйтесь, что это от меня не скрыто. Я сама волшебница, и сейчас же докажу вам, что я могу возвратить ей первоначальный образ.

Отец мой исполненный удивления не мог ей ответить; но размышлял об услышанном. Между тем она выйдя на короткое время, появилась пред ним в волшебном поясе, держа руках чашку воды, и оставив отца моего в изумлении и робости быть свидетелем происходящего, начала читать неизвестные ему слова; при чем покои его стряслись, и вода в чашке начала кипеть. Окончив заклинания, плеснула она воду в глаза собаке, сказав: «оставь принятый, и прими свой природный образ». В самое то мгновение, увидел отец мой собаку исчезнувшей, а вместо нее стоящую девицу, превосходящую красотой естество смертных. Она бросилась к волшебнице, и приносила ей со слезами благодарность за её благодеяние, потом отца моего в самых чувствительных выражениях поблагодарила за избавление от смерти, и приложенное о ней попечение.

– Вы видите, – начала она, – несчастную княжну чешскую Остану, которую суровая участь с самого рождения не переставала осыпая злключениями. Родитель мой князь Гори-

вой не может по достоинству наградить вас. Не останется ничего из имеющегося в его власти, чем бы не согласился он пожертвовать из благодарности к вам. Само небо, воздающее добродетелям более его, примет вас в объятия щедрот своих.

Отец мой, который не мог взирать на прелести Останы, чтоб не заразиться страстнейшею к ней любовью, был тогда совсем смущен. Любовь неизвестная до сего его сердцу, начала впервые торжествовать в нем. Рассудок его оставил, и язык не слушаясь, сделал его немым. Веселье, печаль, надежда, отчаяние, непонятная радость и робость, нападая на него попеременно, произвели в нем великое потрясение. Смущенные глаза его устремились на княжну, и безмолвным образом живее означали внутреннее его состояние. Словом, в одну минуту вкусил он власть неизъяснимых нежных нападений. Наконец приметив произошедший в себе беспорядок, он попытался преодолеть смущение, и собрать рассудок, заодно и желая скрыть движение души своей. Он принял на себя вид, изъявляющий должное почтение к её состоянию, и сказал, что он числит себя счастливейшим из смертных, имея возможность нечаянно услужить не менее великой, чем и прекрасной Государыне, и что почитает себя достаточно награжденным уж тем, что случай доставил ему возможность называться её избавителем. Что он и все его имение состоят во власти её высочества; чем она и может располагать по своему изволению.

Обменявшись несколькими взаимными, и по большей части беспорядочными учтивостями, отец мой попросил княжну, чтоб она в знак своей к нему милости удовлетворила его любопытство рассказом о своих приключениях. в связи с чем она и начала свой рассказ.

Рассказ княжны Останы

В самом моем младенчестве, лишилась я моей матушки по злости одного из придворных отца моего. Этот ненавистный человек имел при Дворе нашем чин великого спальника⁴⁹ по имени Колмар. Красота родительницы моей сделала к себе чувствительным сердце этого нечестивого человека. Он долго таил в себе свою постыдную страсть. Великое различие природы связывало язык его, и полагало опасные пределы его желаниям. Страх открыться и быть наказанным, и сильная, но безнадёжная страсть, вселили в Колмара дерзкое намерение, обесчестить мою мать, если удастся к тому способ. Порочная душа его скоро открыла к тому случай. Родительница моя, будучи великой охотницей к псовой охоте, оказалась однажды в поле в провождении малого числа придворных, в том числе и этого мерзавца. Множество найденных зверей принудило каждого разъехаться в разные стороны; а выбежавший олень побежал на самое то место, где стояла моя родительница, а она поскакала за ним с металлическим копьём. Быстрый бег скоро отлучил её на дальнейшее расстояние от охотников, и поскольку не могла она достичь оленя: то осталась с одним тем скрытным злодеем, следовавшим за нею в густом лесу.

Родительница моя, утомясь, сошла с коня для отдыха; причём Колмар вздумал открыть ей страсть свою.

– Ваше Величество! – говорил он самым бесстыдным образом, – судьба определила родиться вам прекрасною, а мне несчастным. Если достойно наказания то, в чем я теперь пред вами хочу открыться: так в том виною ваши прелести, нанесшие неисцелимые раны моему сердцу, и наполнившие его всеми теми мучениями, какие только может приключить любовь всецельная и безнадёжная. Случай, положивший великую разницу между мною и вашим состоянием, не положил однако предела моей страсти, противиться которой я не в состоянии. Должность и рассудок ей покорились, и я ожидаю смерти, или наистливейшей жизни в зависимости от вашего соизволения.

Вообразите себе смущение, какое должно охватить родительницу мою. Почитая добродетель и чистоту за первое в мире счастье, могла ли она не содрогнуться, услышав такие дерзости из уст недостойного раба? Справедливый гнев овладел ею.

– Как мерзавец! – вскричала она, – Ты мог отворить гнусный рот свой к произнесению столь дерзостных слов твоей Государыне! Имел ли ты разум предпринять то, о чем и помыслить надлежало тебе ужасаться, и которое несет за собой ни иное что, как смерть твою? Раскаешься, негодный! Мучительная казнь вместе с жизнью истребит и твою дерзость.

– Преступление мое не так велико, как ты думаешь, – сказал Колмар холодно. – Твое величество закрыто тенью густого леса. Поздно ты стараешься утратить меня. Я не боюсь смерти, и скорее соглашусь умереть, когда получу желаемое. Ты здесь в моей власти. Никто не поможет тебе. Согласись лучше добровольно удовлетворить мои желания, или я удовлетворю их против твоей воли.

Мать моя, не отвечая ему, начала кричать, и звать на помощь охотников; но они были далеко. Злобный Колмар схватил её за руку, и хотел уже произвести свое безбожное намерение. Тщетно силилась мать моя обороняться. Он бы совершил свое злодейство, если бы трое придворных, услышав крик, не прискакали к ней на помощь. Но – ужасный случай, воспоминание о котором исторгает из глаз моих слезы. Соппротивление стоило жизни несчастной моей родительнице. Варварская душа, видя неуспех своего беззакония, исполнилась зверства. Он поразил её в грудь кинжалом, и тем же самым железом изверг злобный дух свой, прежде чем могли подать помощь княгине, и его схватить. Еще живая родительница моя

⁴⁹ Спальник – чин нынешнего камергера (прим. автора).

довезена была во дворец наш; но скончалась на другой день, оставив меня сиротой и наследницею своих злосчастий.

Я жила спокойно до 14-ти лет, по совершении которых, злобный рок отворил ядовитую пасть свою, и начал пожирать благополучие дней моих. Красота, которую, сказывают, я имею, была источником моих напастей. От нее я терпела все мучения до сего часа. Лучше бы я родилась менее пригожей, чем злополучной. Царевич соседнего государства, оказавшись по случаю при нашем дворе, увидел меня, и в ту же самую минуту полюбил. Сколько раз мы ни бывали вместе, глаза его устремлялись на меня. Взоры наши встречались, и принуждали меня краснеть, и потуплять очи вниз. Любовь мне была пока неизвестна, и сила её не властвовала еще над душой моей. Хотя следует признаться, что Царевич этот родился совершенным творением природы, и то для того только, чтоб быть, наконец, причиною жестокой моей участи. Он искал случая меня увидеть, и я начинала смущаться, на него взирая. Я удивлялась моей перемене, и не ощущала, что я мало-помалу глотала любовную отраву. Искра её зародилась в моем сердце, и вскоре зажгла великое пламя. Мне скучно было его не видеть; но увидев, я старалась от него скрыться. Смущение повсюду следовало за мною. Я советовалась о том с мыслями моими и сердцем; но не получала отрады и объяснения от чувств, в любви неискушенных. Неизвестная печаль владела мною, и следующий случай показал мне, что я пленилась, и что начинаю любить.

Имея голову наполненную смущенными мыслями, старалась я искать уединения, чтобы на свободе поразмышлять о перемене моего характера. В один день зашла я в удаленное место нашего сада, желая сидеть в беседке находящегося там фонтана. Но до чего же испугалась я, войдя внутрь, когда увидела сидящего тут царевича. Я хотела было уйти; но он вскочив, остановил меня, и заговорил:

– Вы убегаете от меня, несравненная княжна! Присутствие мое кажется вам ужасным.

Я изумляюсь перемене тогдашнего моего состояния. Я сделалась против обыкновения смела. Благопристойность ли была того причиною, или слова царевича, тронувшие мое сердце, но я ответила ему:

– Присутствие ваше приносит мне всегда удовольствие, а не ужас. Если же я хотела уйти, то для того лишь, чтоб не помешать вашим размышлениям, в которые, как мне показалось, вы погружены.

– Очаровательная княжна! Я смущен, задумчив и несносен сам себе, но тогда как ... Однако не рассердитесь ли вы, если я скажу?

– Что?

– От чего я смущаюсь.

– Нет.

– Слова мои не будут вам противны?

– Ни мало.

– Тогда как вас не вижу.

– Мне приятно; но какую пользу приношу я вам моим присутствием?

– Вы меня оживотворяете.

– Изъяснитесь, что это значит? Как могу я вас оживотворять. Вы без меня довольно живы.

Царевич бросился предо мною на колени, и хотел заговорить; но уста его ему изменяли, и одни телодвижения служили вместо слов, коих он не мог произнести, начиная до нескольких раз. Таково действие невинной любви. Робость ей предшествует, и приятная стыдливость окружает её со всех сторон. Нельзя мне было, остаться в иных расположениях, нежели царевич. Румянец покрыл мое лицо, и смелость мою сменило место робости. Я не знала, что начать, и не определила, остаться ли мне тут, или уйти. Сердца наши одни говорили между

тем, и бессловесным образом изъясняли состояние чрез пламенные взгляды. Напоследок царевич пришел в себя, и прервав молчание, заговорил:

– Прекрасная княжна! Я в замешательстве своем, преступил может быть пределы должного к вам почтения; но причиною того жестокая страсть. Я вас узнал, и в первый раз для меня равно было видеть вас и вами плениться. Слабое и признательное сердце мое не воспротивилось силе ваших чар; а сияние глаз ваших впервые зажгло нежнейший пламень любви, о коей я, не зная вас, не имел сведения. Вы дали мне познать всю её прелесть, и всё мучение, которое может стерпеть человек пленённый, и не имеющий надежды быть в страсти своей счастливым.

Я не знала, что ему отвечать, и спрашивала, не от меня ли происходит его мучение.

– Ах! Дражайшая княжна, – продолжал он, – я вас люблю, обожаю, не могу жить без вас, и вы вопрошаете, не от вас ли происходит мое мучение? Признаюсь, что воображение не владеть вами, не быть вам равным, жесточе для меня самой смерти.

– Если только от меня зависит, избавить вас от этого, – сказала я: – то вы останетесь живы; но откройте, что вам для этого от меня нужно.

– Ваша склонность, ваше сердце, и равная любовь. ...Однако я не распространюсь повествованием подробностей, не столько нужных вам, как для моего сердца.

Кратко сказать, мы узнали, что пленены друг другом взаимно; поклялись хранить вечную верность, и уговорились, чтобы царевич просил меня в супружество у моего родителя. Такова сила чувств нежной природы. Они не требуют науки. Темные слова и знаки служат при этом гораздо лучше явственных. Язык наш тогда не властен, и против воли произносит то, о чем мы желаем умолчать. Однако, когда рок определит, излить на кого жестокость свою: обыкновенно пред тем не тревожит дни человека назначенного для этой жертвы, и позволяет вкушать сладость покоя и счастья, чтобы тем несноснее казалась наступающая его участь. Отец мой из уст любезного моего царевича узнал вашу склонность. Воля его согласовалась с нашими желаниями. Все шло с успехом. Родитель царевича равно желал укрепить через нас союз двух государств, и видеть меня в объятиях своего сына. Мы беспрепятственно виделись, и вкушали утех разговоров невинной любви. Судьба наша вскоре соединилась бы браком; но, увы! – помешал злобный час наставшего моего бедствия. Я видела одну лишь тень прошедшего благополучия, и после наступила мрачная ночь моего несчастья.

Надобно думать, что род Колмара, убийцы моей родительницы, произошел из ада, и вынес с собою всю тамошнюю злобу; или предел небес положен был пострадать от него нашему дому. Сын его, оставшийся по смерти злобного своего отца своего десяти лет, словно невинный воспитан был при Дворе своею матерью, и был в чине чашника⁵⁰. Может быть, не ведал о тем родителем мой, или по допущению судьбы не помышлял, что имеет опасного врага в своем доме. Злоран (так его звали) также в меня влюбился; но, не смея открыться, таил это от всего света. Свежая память отцовского злодеяния и гибели, влагала страх в его душу. Между тем видя, что я достаюсь другому, он совсем потерял надежду, на которую и полагаться не имел права. Но чего не может сделать сильная страсть, а особенно в человеке порочном? Отчаяние овладело им и завело его в крайность. Рассудок его погиб, и он твердо положил намерение увезти меня, если найдет к тому способ.

Случай, способствующий порочным людям, предал меня ему в жертву. Я и любезный мой царевич, уговорились в один приятный день выехать прогуляться в рощу, находившуюся при взморье. Мы собрались с компанией не более как в 10 человек, поехали, и были уже в роще. Исполненные веселья, не ожидали мы приготовленной нам напасти. Злоран, проведав обо всём, подговорил подобных себе по злобе приспешников, на отвагу которых он мог полагаться. Им приказал он залечь в лесу, и напав на нас, меня схватить, и отнести

⁵⁰ Чин мундшенка.

на приготовленное судно, на котором положил он уехать со мною в отдаленную часть света. В этом ему удалось преуспеть. Едва мы вошли в середину рощи, как нас окружили двадцать вооруженных человек, и с закрытыми шишаками лицами. Не ожидая сопротивления, они отважно напали, и старались схватить одну меня; но царевич успел вынуть свою саблю, и побудить придворных, бывших при нас, к обороне. Трое злодеев от первых ударов пали к ногам его бездыханны. Но, о небо! Можно ли было противиться превосходящему числу разбойников, жребий которых зависел от одного лишь успеха в предприятии. Они со зверской запальчивостью изрубили всех, и сам несчастный царевич не избег их свирепости. Пронзенный мечом, он упал в мои объятия. Я любила его больше жизни, и так представьте себе тогдашние мои горе, отчаяние и ужас! Я бросилась на его тело, и сжав его в руках моих, пожелала тут же испустить дух мой. Кровь во мне охладела, чувства ослабли, и я упала в обморок. Злодеи, не в силах высвободить Царевича из моих объятий, понесли нас обоих на судно; где по пришествии в себя я увидела, что мы отплыли уже далеко. Я не ожидала пережить этого несчастья; но рок, определивший меня к этой участи, сохранил жизнь мою. Царевич лежал на дне судна, и едва дышал. При взоре на него жалость и отчаяние овладели мною вновь. Я бросилась к нему, и омывала слезами лицо его.

– Итак, лишаюсь я тебя, любимый мой царевич! – кричала я. – Ты умираешь от рук злобных убийц. Прекрасное лицо твоё покрывается мраком; а я ещё живу!... Нет, без тебя мне жить невозможно. Я умру сей же час! Пусть души наши в вечности наградятся своим соединением; когда здесь мы разлучены. – С этими словами я выхватила у одного убийцы меч, и хотела им пронзить себя; но Злоран успел его у меня вырвать.

– Этого вам не удастся, – сказал он. – Жизнь ваша еще нужна для меня.

– Ах! Злодей! – вскричала я, – так ты стал причиной всего моего несчастья? Не думай, чтоб небо оставило без мести твоё беззаконие. Погибнешь ты, варвар, от его правосудия. Стрелы его, казнящие порочных, достигнут тебя всюду, хотя б ты и под землею скрылся. Такова твоя благодарность к дому нашему за то, что в тебе оставлена кровь безбожного отца твоего, которую следовало всю принести в жертву тени моей матери?

– Отца моего и моя вина, не столь достойна казни, – сказал он; – если только рассмотреть, что мы были побуждаемы к тому любовью, которой превозмочь не могли.

– Разве не порок, злодей, – кричала я, – питать постыдную страсть к своей государыне? Поздно ты раскаешься в преступлении своем; казнь твоя наступит скоро. Не мыслишь ли ты, чтоб я имела слабость, устраситься твоей насильно приобретенной надо мною власти? Никогда на это не надейся. Я прежде умру, чем ты восторжествуешь со своим преступлением.

– Время укротить первые порывы твоего гнета, – сказал он, отходя с пренебрежением; – и когда минует печаль: мысли в тебе будут другие.

Я осыпала его клятвами, и бросилась на умирающего жениха моего, произнося все, что горесть и соболезнование могли вложить в смущенные тоскою мысли. Я обливала лицо его горчайшими слезами. Падающие капли их пробудили полмертвые его чувства. Он открыл томные глаза свои, и едва смог произнести:

– Я умираю ... Дражайшая Остана... Любя ... тебя – Тут он опять лишился чувств. Злоран не мог перенести, видя в руках моих своего соперника. Он велел меня оттащить, и сказав: «Надо лишить её этого несносного», – отсек ему голову, и бросил вместе с телом в море. Я при виде этого зрелища вновь была поражена жестоким ударом. Силы мои мне изменили, и я полумертвая упала в руки моих злодеев, которыми отнесена была в горницу, построенную на судне, и положена на постель. Придя в себя, увидела я Злорана, сидящего у моих ног. Он старался утешать меня, изъяснять чрезмерную свою любовь ко мне, и просил извинения в своем проступке. Но я отвечала ему одними проклятиями. Он принимался

грозить мне; но я взидала на него с презрением, и продолжала углубляться в печаль мою, оплакивая разлуку с моим родителем, и смерть любимого моего царевича.

Уже две недели прошло нашему плаванью, и отчаяние мое доходило до того, что я готова была броситься в море, если б нашелся к тому случай; но Злоран надзирал все мои движения и пресек все способы окончить мою бедную жизнь, которая была мне тем несноснее, что убийца этот усугублял мои муки нестерпимыми своими домогательствами. Наконец начал он выходить из терпения и решил получить от меня силою то, чего не смог старанием и угрозами. Он сообщил мне о том, повелевая подготовиться к этому в следующую ночь. Что мне оставалось, кроме усугубления точки и отчаяния? Я рвалась и билась как безумная о стены, просила со слезами небо, чтоб оно или избавило меня от моего мучителя, или окончило бы смертью мои страдания. Стенания мои были услышаны, и я была отведена от этой опасности, но лишь для того, чтобы быть ввергнутой в иную, не менее ужасную.

Настала та страшная ночь, в которую добродетель моя должна была выдержать жестокое искушение. Злобный Злоран пришел уже, и не взирая на мое сопротивление, слезы и отчаяние, конечно бы совершил свое злое намерение: когда бы раздавшийся на судне нашем великий крик, не принудил его оставив меня, отправиться узнать о причине сего. Коик этот произошел от нападения на нас варяжеского разбойничьего корабля. Превосходящая сила не лишила мужества моих злодеев. Они оборонялись отчаянно, и были все перебиты. Злоран не избег мести небес за свою бесчеловечность. Видя гибель свою неминуемой, и не желая, чтобы я досталась другим в руки, вывел меня на край судна, и хотел было срубить мне голову; в то самое время лишился своей головы одним ударом руки разбойничьего атамана. Этот случай очистил свет от чудовища, и доставил меня во власть злодеям, равным ему в суровости. Меня перевели на их корабль, и тогда же назначили в наложницы варяжскому князю. Радость отразилась на лице разбойничьего предводителя, когда он меня увидел, и счел меня за тот дорогой подарок, которым единственно он сможет угодить своему Государю. Надежда на великое награждение, и опасность, чтобы я от страха не похудела, принудили его меня утешать, уверять в моей безопасности, и содержать иначе, чем невольницу. Но могла ли я полагаться на слова человека, жизнь которого была цепью варварства и кровопролития? Беспокойство мое не уმაлялось; и я если не избежала опасности: по крайней мере радовалась, избавившись от зверского Злорана. Корабль взял путь к варяжским берегам. Мучительные мысли были мне спутниками всю дорогу. Три дня ветер дул нам благосклонно; а потом началась ужасная буря. Небо задернулось густыми и черными облаками. Море закипело, покрылось седой пеною, и вздымало волны к небесам великими горами. Корабельные снасти затрещали. Свист ветра, и вопли отчаянных корабельщиков, соединяясь вместе, наполняли слух трепетом. Паруса изорвало в лоскутки, и сломило большую мачту. Корабль бросало иногда в воздух, и после погружало среди невероятных водных бездн. Все лишились надежды и приговариваясь к смерти, ожидали в унынии последнего мгновения. Одна только я меньше всех робела смерти, искав её уже давно, и почитая её концом всех моих бедствий. Страшный девятый вал разбил потом в щепы корабль, и я перепоручая богам дух мой, упала в море в беспамятстве. Не знаю, каким средством избавилась я от потопления; ибо по пришествии в память, увидела себя на берегу, лежащей в пустом месте. Буря тогда уже утихла, и солнечный жар помог мне высушить мое платье. Видя себя избавленною от злодеев, я порадовалась что жива. Желать смерти есть одно отчаяние; а по прошествии его, проходит и желание расставаться с жизнью. Я благодарила небо за избавление, и пошла искать пропитания от плодов земных. Голод мучил меня жестоко; но целый день ходя, не нашла я ничего к насыщению. Место это было забыто самой природой. Песчаное дно его не имело на себе никаких растений. Ночь покрыла меня своею темнотою прежде, чем я нашла убежище к ночлегу. Я шла в робости, которая объяла меня, бывшую одну в пустом месте.

«Праведное небо! – взывала я в тоске моей, – чем навлекла я на себя гнев твой? Какое мое пред тобою преступление, что ты караешь меня столь жестокими казнями? Ты видишь мое сердце, дела мои от тебя не скрыты, как и невинность этого не заслужившая. Но если виновна я: то чем погрешил добродетельный мой родитель, страдающий теперь о моем лишении. О! Возлюбленный мой отец! Каких мук я тебе стою? Любезный царевич! Из-за меня погиб ты! Не зная меня, цвела бы еще красота твоя. Я всему причиною; но заслуживаю ли я казни за это?» – Отягчающие дух мысли заступили место жалоб, и я шла, не ведая сама куда, окруженная печалью и ужасом.

Блеснувший из дали огонь, обратил мой путь туда, откуда происходил луч света. Кто бы там ни жил, размышляла я, пойду к нему. Неужели весь свет наполнен моими злодеями? Жалкое состояние моё конечно его тронет; а хотя и ошибусь то смерть равна, когда я должна здесь погибнуть от голода, или лютых зверей. Через несколько часов, дошла я близко к тому месту, и увидела при отверстии пещеры горящий большой огонь, и при нем сидящих двоих леших⁵¹, которые жарили на вертеле человека. Они отрезая части, пожирали их полсырые. Текущею из них кровью были обагрены губы и руки их. При взоре на этих чудовищ я оцепенела, и желала убежать; но ноги мои подкосились. Собрав оставшиеся силы, побежала я от этого ужасного места; но упала в ров, выкопанный от леших вместо забора. Стук падения дошел им в уши, и я в тот же час досталась им в добычу. Не успела я прийти в себя, как была уже в руках этих уродов. Сколько дозволил мне заметить страх мой, они мною любовались, поворачивали с боку на бок, и после посадили в какую-то узкую нору, завалив ее огромной колодой. Я не могу объяснить величины моего страха, поскольку полагала, что они и меня съедят. Тогда впервые узнала я страх приближающейся смерти, и хотя прежде желала её многократно; но не могла сносить её приближение. Утомленные мои чувства повергли меня в сладкий сон, в котором показалась мне мать моя, держащая за руку молодого пригожего мужчину. «Несчастливая моя дочь! – говорила она мне, – ты рождена под самым злым созвездием. Бедствия, тобою перетерпленные еще не окончились; но ты должна сносить их с твердостью, пока не перестанет тебя гнать рок твой. Этот человек окончит твои злоключения, и увенчает спокойствие оставшихся дней. Постарайся прорыть стену, которая очень тонка, и спасайся отсюда». При этом я проснулась, и не могла растолковать, чтоб значило видение моё, почитая его действием моего смущения. Но надежда, вселившаяся в мою душу, меня ободряла. Я толковала его в мою пользу, и вздумала испытать, не удастся ли мне спастись из заключения. Поискав в темноте, чем бы начать работу, я отыскала древесный сук, который послужил мне вместо заступа. Менее чем через полчаса блеснул мне в мою темницу слабый свет. Я усилила работу, и вскоре освободилась. Не о чем сомневаться, что я, выбрвшись в отверстие, употребила остаток моих сил к скорейшему удалению от опасного места. Страх быть догнанной лешими, придавал крылья ногам моим. Целый тот день продолжала я путь свой, не встречаясь ни с одним животным. Ночь я провела на дереве, придя в дремучий лес. Поутру усмотрела я, что ночлегом служила мне яблоня, покрытая зрелыми плодами. Я укрепила ими ослабший мой желудок, и запасшись на дорогу, продолжала путь, взойдя на пешеходную тропку.

Около половины дня, пришла я по ней ко двору, построенному в середине леса. У ворот его сидел тот самый проклятый старик, который хотел лишить меня жизни, и от коего вы

⁵¹ Лешие в древние времена обожествлялись язычниками, будучи почитаемыми ими в качестве лесных полубогов. У славян были они тем же, чем у греков и римлян сатиры. Их представляли покрытых сивой шерстью, с коровьими ногами. Думали, что они откликаются людям в лесу, заводят внутрь чащи, и когда обойдут вокруг человека, тот теряет память, и забывает дорогу. Тогда они, поймав его, давят, жарят на огне и пожирают. Но что поедали они только мужчин, а женщин употребляли для сожительства с собою. Им же отдавали власть над зверями, коих будто бы они по соизволению своему перегоняют из места в место. Впрочем им приписывали и то свойство, что они могут быть невидимы, когда захотят, и перемещать рост свой по произволу; то есть вровень с лесом, когда идет по лесам, или вровень с травой, если шествует лугом.

меня избавили. При первом взгляде на него, я затрепетала, не зная и сама, чтоб тому было причиною. Сердце мое предчувствовало те мучения, которые перенесла я от гонений этого злого волшебника. Он удалялся в это место, чтоб совершать жестокости над несчастными, попадающими в его руки.

– А! это ты, Остана! – сказал он мне сурово. – Мать твоя была причиною смерти моего родного племянника; а от тебя погиб внук мой Злоран. Прекрасно, что ты попалась мне в сети. Тень их не удовлетворена ещё кровью, и ты будешь им жертвой. Я уже стар. Не надейся красотою своею возжечь в охладевшем моем сердце тот же пламень, от которого они пропали.

От слов этих холодный пот разлился по моим членам. Тщетно старалась было я убежать от него. Он дунул на меня, и я, как бы окаменевшая, не могла сдвинуть ног с места. Хотела было слезами и просьбами подвинуть его к сожалению; но язык и глаза мои столь же мало действовали, как и все члены тела. Одни ужасом наполненные чувства, ожидали в трепете моей судьбы.

– Смерть одна, – вскричал он, – прекратила бы всё. Ты должна ещё испытать прежде те казни, которые заслуживают мои преступники. – После этого начал он читать заклинания; причем густая тьма меня окружила, страшный гром заглушал полумертвый слух мой; и как все иное исчезло, и я с ужасом увидела себя превращенной в собаку. Он положил мне цепь на шею, и дал сто ударов суковатой палкой. Потом запер в железный ларь; где провела я два года, получая ежедневно разные побои, и по куску хлеба, чтобы не умерла с голоду, и не оставила бы ненасыщенным его варварство. Вчерашний день назначил он лишить меня жизни, и затем привел в ту рощу; где вы по великодушию своему удержали мою жизнь. Я обязана сожалению вашему обо мне тем больше, что признаю в вас того самого человека, коего во сне мать моя назначила моим избавителем. Жребий счастья моего зависит от вас, и я предаю на усмотрение ваше всю будущую мою судьбу, как на того, который свыше назначен быть моим защитником.

Продолжение рассказа Светомила

Неизъяснимая радость овладела чувствами отца моего, когда услышал он последние слова Останы. Плененное сердце его наполнилось сладкою надеждою. Он толковал слова эти в свою пользу, и был приведен в такое замешательство, что забыв благопристойность, бросался к ногам княжны, и целовал её руки, наговорив ей множество речей, коих сам не понимал. Княжна сама пришла в смущение. Сердце её, упрежденное в его пользу, загорелось тем же огнем, которым пылал отец мой. Страстные взоры заменили их слова, и довольно объяснили друг другу внутреннее состояние свое. Наконец Святобой пришел в себя, и хотя не имел причины раскаиваться в своем поступке; но при первом случае искал скрыть движение свое, и сказал Остане, что он благополучной считает свою судьбу, доставившую ему случай, быть рабом столь совершенной государыни; что если угодно ей к завтрашнему дню приготовить всё нужное для отъезда в её отечество, подвергая при том жизнь свою и имение на её услуги. Княжна благодарила его за это самым признательным образом, и против воли своей, включила тут несколько слов, изображающих скрытые её тайны в пользу его. Радость Святобоева возрастала, и он забывал сам себя, питая дух лестною надеждою, что может быть ему удастся овладеть несравненными прелестями чешской княжны; чего желать, когда она сама открывала ему случаи.

Всё подготовлено было к отъезду, и на другой день были они уже в пути к пределам Чехии. Разговоры, большей частью касающиеся общей их пользы, коротали эту дорогу. Каждое слово умножало их взаимную склонность, и наконец страсть их из малого огня стала великим пожаром. Они познали, что жить друг без друга не могут. Всегдашнее и беспрерывное свидание сделало их неразрывными. Они без робости изъяснились на словах, о чём дотоле говорили только знаками, и клялись друг другу в вечной верности, соединяясь цепями священного союза. Святобой считал себя благополучнейшим из смертных; а княжна, утешая его, говорила, что разница состояния не может сделать того, чтобы любовь его променяла она на престол первого монарха на свете, и что не знатность может доставить счастливую жизнь; но одна только нежная и истинная склонность; с того времени часы их текли в услаждении невинной любви. Ничто не тревожило покоя их, дальняя дорога показалась им кратким путём. Они прибыли в землю чешскую.

Расположившись на постоялом дворе, услышали они следующую весть, которая надолго остановила течение прежнего их удовольствия. Хозяин постоялого двора, на вопрос о состоянии сего государства, сказал им:

— Княжество наше в великом замешательстве. Миротлюбивый и милосердный наш князь лишился своей единокровной дочери Останы, которая безвестно пропала, поехав гулять с обручённым женихом своим. Побитые тела бывших с ними придворных, и в то же самое время отлучка чашника Злорана, без сомнения решили догадки в возложении причины сего злодеяния. Три года уже как не имеем мы ни малейшего о них известия, и так нет сомнения, чтоб не пали они жертвою Злоранова бесчеловечия, князь наш пришел от всего этого в столь великую печаль, что впал в тяжёлую болезнь, лишившую его последних сил. Он хотя и выздоровел; но никогда не являлся пред народом, оплакивая свою дочь во внутренних покоях. Всё явилось причиною того, что вельможи наши вознегодовали на него, и учинив бунт, свергли с престола. Вождь войск наших, человек суровый, преобративший счастливые дни наши в собрание мук и горестей, в этом смятении похитил престол. Дражайший наш князь, был захвачен и брошен в темницу, в которой скоро после того и скончался. Отец того царевича, который назначен был в супруги княжне нашей Остане, думая, что сын его убит по умыслу наших чехов, хотел отмстить за смерть его. Он напал с великим войском на нашу

землю; но был разбит, и пал жертвой жестокой смерти. Государство его было присоединено к нашему. Мы стенаем теперь под игом тиранства гордого государя.

Княжна Остана не могла превозмочь горя, её объявшего. Потоки слез полились из очей её. Утешения отца моего были не в силах осушить их, и он, разделяя несчастье дражайшей своей половины, принимал в её скорби равное участие. Хозяин постоянного двора удивился необыкновенной их печали, и не воображая, чтоб одна единственная человеческая жалость могла им этого нанести, заключил, что в этом скрыта какая-нибудь тайна. Он повнимательнее рассмотрел Княжну, признал в ней дочь своего Государя, бросился к ногам её, и не мог удержаться от слез. Он служил при дворе отца её. Нельзя было ему ошибиться в чертах лица Останы.

– Несчастливая Государыня злополучных твоих подданных, – сказал он, – ещё нам рок судил тебя видеть! Но, увы! тогда, как не можешь ты подать отрады бедному своему народу. Сила мучителя нашего слишком велика, чтоб можно было его лишить её. Все вельможи и войска на его стороне. Здесь дни твои в опасности. Спасайся, Государыня, чтоб не стала и ты жертвою ненасытного тирана. Терпи, о единственная наша надежда! Пока гневный рок не перестанет свирепствовать, и защитники невинных, справедливые небеса, не избавят тебя и нас от нашего гонителя.

Что было отвечать Остане, как не усугубить печаль свою и слезы. Опасность принудила её и отца моего, в тот же час оставить пределы чешские, и обратно направиться в путь к Новгороду в Россию. Во время дороги, говорила Остана отцу моему: «Любезный Святобой! Теперь ты видишь, что всякое человеческое благополучие ничто иное, как сон и привидение. Иметь его – удовольствие большое; но потерять прискорбно. Могла ли я подумать, чтоб не до конца препроводила я счастливо жизнь мою, и её похитило бы какое-либо злополучие? Я была дочерью великого государя; но знатное положение не избавило меня от жесточайших напастей. Ныне я повержена на дно всех бед, забыта всеми, и не имею иной надежды, кроме как на тебя, дражайший Святобой; но и ты со мною столько же несчастен. Я хотела во удовлетворение твоей ко мне любви, и твоего ко мне попечения, принести тебе скипетр Чешский; а нынче сама стала беднее последнего моего подданного. И когда уже я столь злосчастлива, то по крайней мере счастлива тем, что не станут возмущать дух твой несносные мысли о неравенстве нашего состояния. В сердце твоём имею я больше, чем престол Чешский».

Святобой подтверждал ей клятвы о вечной верности, и ласки его мало-помалу уменьшали величину его скорби. Они продолжали путь свой около половины месяца, не встречаясь ни с какими злоключениями. Уже печальные мысли изглаживались в их памяти, но на кого свирепое несчастье растворит алчный зев свой, и начнет пожирать его благополучие, тогда с каждым шагом глотает оно спокойствие того несчастного. Проезжая один лес, подверглись они нападению разбойников. Превосходящая их сила не отняла природной россиянину храбрости. Он со своими служителями сопротивлялся им отчаянно. Большая часть злодеев пала бездыханными от рук их. Он спас жизнь свою и имение. Злодеи оробели, и обратились в бегство; но успели увезти возлюбленную его Остану, защитить которую он не успел. Тщетно старался отец мой их преследовать. Они скрылись, как блеснувшая молния в пустоте лесной. Отчаяние и горе овладели Святобоем во всей своей необъятности. Печальные картины взволновали кровь его, тоска рвала пораженное его сердце, и он едва не лишил сам себя жизни, в первых стремлениях этого движения. Потом жалость и любовь, торжествующая над его чувствами, заступив место гнева, наполнили мучительными томлениями его душу. Плачевный стон его разливался по окрестностям того места. Лес и долины наполнились его жалобами. Но что в них было пользы? Печальное эхо повторяя их, не приносило ни какой помощи Остане, ни ему отрады. Успокоившись несколько, бросил он обоз свой, и приказав одному из слуг дожидаться себя в Винете, сел на лошадь и поехал искать Остану. Продолжая путь свой чрез два месяца по пустыням, и не видя ни малой надежды открыть

место, где скрылись похитители его любезной, печаль его возросла до крайности. От беспрестанной езды и голода так он ослабел, что походил более на тень, нежели на живого человека. Томные члены принудили его напоследок лечь близ колодца на долине у великой горы. Он заснул тут, и по пробуждении своем, увидел себя лежащим на коленях престарелой женщины. Удивление его от этого неожиданного явления было столь велико, что он, в робости вскочив, обратился было в бегство; но старушка та, окликнув его по имени, принудила остановиться.

– Бедной Святобой! – говорила она. – Не убегай от меня; может я окажу тебе какуюнибудь помощь. – Изумление его усугубилось, услышав, что она его знает. – Не удивляйся, – продолжала она; – я – волшебница, старающаяся оказывать помощь всем несчастным. Поди в мою пещеру, укрепи себя пищею, и после ожидай всякой отрады от моей власти.

Человек злополучный не рассуждает о опасностях, и последует всему, показывающему ему вид надежды. Он пошел за нею. Придя на середину горы, ударила волшебница жезлом своим о каменный утес, который, растворясь надвое, открыл её пещеру. Там поставила она ему обед из древесных плодов, который показался ему тем вкуснее, что он уже несколько дней не вкушал пищи. Желание узнать о дражайшей своей Остане, принудило его весьма скоро кончить стол свой, и просить уведомить его, жива ли его любезная, и где может он найти ее.

– Утешься, Святобой, – говорила она; – злключения ваши скоро найдут конец. Суровый рок королевны утомился, преследуя ее. Теперь уведомлю тебя, что случилось с нею с вашего разлучения. Разбойники увезя ее, приехали на место своего убежища. Красота её учинила то, что каждый пожелал владеть ею один. Это возбудило в них рознь, и потом кровопролитную драку, во время которой успела она спастись бегством. Не ведая, в какое место обратить путь свой, шла она, куда вела её жестокая судьбина. Попадшаяся дорожка привела её к жилищу волшебника, называемого Всезлобом. Она досталась ему в добычу, и терпит гонение от того, что не склоняется на скотские его желания. До сих пор старался он склонить её ласками; но не имея успеха, определил получить то силою, как скоро возвратится с волшебного собрания на берегах реки Днепра, в котором он предводительствует. Поспеши избавить дорогую твою Остану, и очистить свет от его тиранства. Это жезл, (который она подала ему) доведет тебя вместо лошади в его жилище. Там у ворот найдешь ты растущий великий травяной стебель. Сорви его и положи под правую мышку. Это укроет тебя от глаз волшебника. Потом переломи надвое жезл, и верхнюю часть его брось за себя, а нижнюю вперед. Тогда позади себя ты найдешь меч, а впереди – ключ к замку ворот его дома. Отпри замок, и войдя, притаись за вереею⁵², и ожидай Всезлоба. Ворота сами опять затворятся и замок замкнется. Когда тот придет, ты удобно можешь отсечь ему голову, и спасти свою любимую. Ступай, Святобой, не трать времени. Я желаю тебе успеха. Когда же окончишь все, в чем дала я тебе наставление: сними с трупа убитого волшебника висящий на шее его талисман, и дожидайся меня к себе в его дом. Талисман этот ты должен будешь отдать мне; а я за это в одну минуту принесу тебя с Останою в Винету». Отец мой обещался исполнить все сказанное, и поблагодарив, сел на жезл, который и помчал его с невероятною скоростью.

Меньше четверти часа прошло в пути; остановился волшебный жезл, везущий отца моего, у ворот двора Всезлоба, окруженного дремучим лесом и высокими горами. Ограда его была сдавлена из черных камней столь страшным образом, что от одного взгляда волосы на отце моем стали дыбом. Однако ободрясь, сорвал он тот стебель, о коем сказывала ему волшебница, и положив его под правую мышку, он переломил жезл, и бросил, как было ему приказано. Впереди себя увидел ключ, а позади меч. Надежда его увеличилась при исполнении слов волшебницы. Он отпер замок, и отворив ворота вошел на двор. Смертоносные

⁵² «Верее» – это столбы ворот

и вредные человеческому роду травы, росли внутри него. По середине двора стоял колодец, ключ которого вместо воды бил ядовитым соком. Пар исходящий от него, составлял вонючую мглу, покрывающую весь двор. Словом, весь дом был сделан не по-человечески, и все видимое тут не имело естественного знака, а казалось собранием ужасов, и жилищем смерти. Сам ад, едва ли показался бы страшнее отцу моему. Кровь в нем остановилась, и он почти лишился чувств; но мысли о сохранении любимой его Останы, больше чем собственная опасность, принудили его опомниться, и стать за столбом, затворившихся сами собою ворот.

Не долго ждал он Всезлоба. Страшный вихрь, свист, и отворившиеся с треском ворота, возвестили приход его. Волшебник вошел. Сама адская злоба имеет вид не столь страшный, каков был его. Но отец мой его не испугался, и по совету волшебницы, ощутив отвагу, возвел руку, и одним ударом поверг к ногам, отделив от тела именем, видом и делами голову Всезлоба. Он сдернул с него талисман и пошел искать Остану. Ему не стоило труда, дойти в её заключение. Волшебные двери лишились своей непроходимости со смертью их злого хозяина. Он вступил в дом, неся в руках голову волшебника. Остана обомлела, увидя его. Она сочла его за волшебника, пришедшего совершить над нею последнее свое варварство. С трудом смог отец мой, привести её в чувство. Она узнала его, и вскричав: «Ах! Любезный Святобой! Тебя ли вижу?» – упала в обморок. Радость едва не пресекла жизнь её, и не поразила последним ударом моего родителя. Но поскольку тогда уже окончились часы её несчастий: то она скоро пришла в себя, и узнала что находится безопасности. Кто был влюблен, или сносил подобные злосчастия: вообрази тогдашнее восхищение этой любезной четы, когда увидели они себя опять соединенных.

Радостные взоры, смешанные слова, и сладкие поцелуи надолго удержали их в восторге. Отец мой после того уведомил её обо всем произошедшем с ним с часа разлуки; а Остана повторила то же, что слышал он от волшебницы. По окончании этих разговоров, увидели они свою благодетельницу. Она поздравила их со счастливым соединением, предвещала им спокойные дни, и получив талисман, подхватила их обоих за руки, и, как молния, понесла по воздуху. Не успели они опомниться от столь скорой езды, как они уже были в Винете, на том самом дворе, где хранились пожитки моего отца, и стояли его люди. Волшебница исчезла. Святобой нашел все дела свои в порядке, исправил их, и вскоре возвратился в Новгород; где соединился вечными узами с Остановой, и вкушал плоды сладостного брака. Остана забыла все свои несчастья в объятиях нежного супруга. Остальные дни их протекли в удовольствии. Небо одарило их несчетным богатством, и благословило взаимную их верность, усугублению радости и приумножению любви сыном, который не наследовал прежних злосудных моих родительницы.

Таковы приключения моих родителей. Я помню их так, как слышал из их уст, и объявил их вам (продолжал Светомил Гассану) для того, чтоб вы узнали, что печальная часть их досталась мне по наследству. Теперь приступаю я ко описанию моих злосудных. Я не думаю, чтоб кто-либо из смертных мог быть таковой забавой жестокого рока, и жертвой столь несносных огорчений и напастей, как я. Вот история бесконечных бед моих.

Едва достиг я лет, в которые можно познавать самого себя; лишился я сперва родительницы моей, и вскорости затем отца, который, любя её больше жизни, не мог перенести её лишения. Мне оставили они по себе неутешную печаль, и великое имение. Но время, истребляющее все, умалило тоску мою, и хотя не нагнало жалостного воспоминания; но по крайней мере воображение не столь уж было горестно. Я не скрою пред вами порок мой, свойственный, по большей части, молодым людям. Сделавшись полным обладателем моей воли и имения, начал я жить великолепно. Гордая мысль, «Происходит от крови владетельных князей» была тому главной причиною. Дом мой превратился в собрание радостей. Открытый стол и роскошная жизнь, доставили мне великое число друзей и столько же прихлеба-

телей. Подложная их искренность довела меня до разорения, а оно самое истребило из моей памяти тот упадок, который претерпела наша фамилия, и что неусыпные труды отца моего были сперва поправлением дел, и наконец пали жертвой моей расточительности. Мне и в мысль не приходило, что богатство без подкрепления доходами, при неумеренных расходах может ввергнуть меня в крайнюю нищету. Одни высокопарные мысли, набитые мне в голову льстецами, господствовали в моих рассуждениях. Право на чешский престол, изгнало навсегда из моей памяти помыслы отца моего. Я желал достигнуть скипетра, и думал о том день и ночь. Не взирая на тысячные препоны к исполнению этого желания, я был всегда в этих помыслах. Предложения знаменитых людей нашего государства о вступлении с ним в союз, через женитьбу на их дочерях были мною отвергнуты. Высокомерие мое, хотя и служило тому не меньшею опорой, но не чувствительность моя к нежному полу была главной тому причиною. Люди прямодушные такому редкому моему свойству удивлялись, а льстецы подтверждали это, зная отчасти, на чем мое равнодушие к любовной страсти было основано.

Два года протекли в великолепном житье и высокопарных мыслях. Но с исходом их вдруг сказались плоды моей неосмотрительности. Я лишился богатства, сделался весьма беден, потерял друзей. С ними исчезли льстецы, и мысли мои, освобожденные от ослепления, представили моему рассудку, что я есть никто иной, как обедневший дворянин, принужденный доставать пропитание трудами рук своих. Душа, рожденная в ненависти пороков, мучится узнав, что она была подвержена какой-нибудь постыдной страсти. То же ощущал я, и стыдился сам себя о моем ослеплении гордостью; и если с одной стороны жалел о потерянном моем имении: то с другой стороны радовался, что тем были истреблены высокомерные идеи наполнившие мою голову, и привело в познание самого себя. Тогда я понял, что знатное происхождение есть ничто само по себе, когда его не подкрепляют достаток и разумная осторожность.

Приведя в порядок заблудшие мои мысли, я не знал, как мне поправить мои запущенные обстоятельства. Малое иждивение не могло послужить мне надолго пропитанием, поскольку я издержал остатки, не заботясь о приумножении средств. С чего мне следовало начать? Купеческий промысел казался мне диким зверем; но я и несведущ был в нем. Чувствуя склонность к военной службе, порешил я искать счастья моего в оружии. Поэтому продал я дом мой, и превратив всё оставшееся имущество в деньги, простился с моим отечеством, и выехал в варяжское государство. Оно вело тогда жестокую войну с печенегами. Я пожелал, приняв службу у тамошнего князя, воспользоваться этим случаем. Но не доезжая несколько верст до варяжской столицы, напали на меня разбойники, и поскольку был я только вдвоем с моим учителем: то и не мог противиться превосходящему их числу. Они дочиста меня ограбили, и принудили продолжать путь мой пешком; а питаться подаванием добродетельных и милосердных людей. Я остался без всякой помощи, имея единственную надежду на великодушие варяжского князя. Высомерные помыслы, гнездившиеся еще дотоле в голове моей, совсем испарились.

С этим я пришел варяжскую столицу. Сыскался случай изъяснить несчастья мои главному вождю войск, который собирался тогда к выступлению в поход после зимнего отдыха. Счастье еще мне благоприятствующее, сделало так, что я показался ему достойным сожаления. Он представил меня самому князю, пред которым я рассказал о моем происхождении и причинах, доведших меня до столь бедственного состояния. Усердие моё к принятию у него службы, объяснил я пред ним в таких выражениях, что князь обнадежив меня своей милостью, повелел причислить меня в войска свои сотником⁵³, и дать некоторое число денег на мое содержание. Принеся чувствительную благодарность за его щедроты, отправился я в поход при главном вожде, который ежедневно оказывал на мне знаки больше дружества,

⁵³ Старинный чин капитана (прим. автора).

нежели начальства. Обращение моё нравились ему настолько, что я получил первую доверенность между всеми его подчиненными. Мы дошли в неприятельские земли. Начались военные действия. Я бывал с своею ротою во многих отрядах, и поскольку воины мои за снисхождение мое к ним любили меня безмерно: то мог я с ними делать всё, что хотел. Я пускался в великие опасности, и они, любя меня, всюду следовали за мною. Счастье мне благоприятствовало; предприятия мои всегда имели успех. Несколько превосходящих неприятельских разъездов были мною истреблены. Сам сын печенежского государя по случаю был взят мною в плен. Все это усугубило любовь ко мне главного вождя. Он доложил князю о моих подвигах, и я благодаря этому получил чин тысячника⁵⁴. Дошло до главного сражения, долженствовавшего решить всю войну. Я с моим полком присутствовал близ главного вождя, и первым сломил бросившуюся на нас с великой опрометчивостью неприятельскую стену, которая, не выдержав отчаянного нашего сопротивления, уступила. Я не могу присваивать себе столь великой храбрости, которую мне приписывали другие. Может быть, всё это произвело служившее мне тогда счастье; но могу сказать, что я без робости присутствовал во всех местах, где еще не решена была наша победа. Она совершилась тем, когда убит мною был полководец печенежский. Я привез голову его к главному своему вождю, и оповестил о своей победе во всех концах войска, которое ободренное этим, истребило всех рассыпанных врагов своих. Я был послан с этой вестью к варяжскому князю, и пожалован полковым воеводою. Вскоре потом, завладели мы всею печенежской землей, и взяли в плен печенежского государя со всем его домом. Благополучная звезда моя имела еще тогда полный свет свой. Не было ни одного славного дела, в коем я не имел бы участия. Война кончилась; мы возвратились, и я увидел варяжского князя, чтобы испытать на себе всю его милость. Я вновь награжден был чином наместника главного вождя, пожалован деньгами и деревнями; а что и еще больше, доверием княжеским, и заседанием в тайных его советах. Чего мне оставалось желать? Я стал богат, знаменит, присутствовал при дворе; но всё это готовило мне гибель. Благополучие мое доставило мне многих потаенных недругов, которые всеми силами изыскивали как свергнуть меня с моей высоты на дно бесконечных злоключений. Ненависть их умножилось новым моим счастьем. Главный вождь умер бездетным, и при конце своем сделал меня наследником всего своего имения; а Князь, любивший меня столько же, как и покойный вождь, произвел меня на место его. Новая война с сарматскими скифами принудила князя послать меня с порученным мне войском. Я выступил в поход, пришел в Сарматию, одержал трехкратную победу над неприятелем, и нагнал на них великий страх. Где только я присутствовал, слава мне предшествовала, и враги моего Государя клонились к ногам моим. Вот как внесло меня счастье, определяя быть забавой своего непостоянства, чтоб потом низвергнуть в бездну всех бед. Войска, мне данные во власть, от первого до последнего любили меня как отца; за то, что и я числил их, как детей моих. Я мог бы сделать из них всё, разве что захотел бы преступить присягу моему Государю; но знатный чин не мог затмить мой рассудок. Почтение к добродетели связано было с моими желаниями. И хотя я желал когда-нибудь испросить у Варяжского Князя сил его, для достижения на следующий мне Чешский престол; но отлагал это до конца войны с скифами, и надежду эту возлагал на благополучный успех оружия. Между теми как продолжал я поиски над неприятелями отечества, получил я известие от друга моего великого спальника Прелимира, что враги мои постарались всеми силами уменьшить ко мне княжескую любовь и доверие. Они представили ему, что опасно поверять войско чужестранцу, подлинных обстоятельств которого нельзя проводить. Выдумывали на меня ложные измены; но ничто не действовало. Ненависть их ко мне служила к собственной их гибели. Князь, видя несправедливость доносов, наказал их за это; а ко мне усугубил свое благоволение. Я старался заслужить его всеми

⁵⁴ Полковника. (прим. автора).

мерами, и не щадил жизни моей к исполнению его воли. Когда небо благословляло успехи варяжского оружия: оно мне готовило жестокие напасти. Спокойные часы моих счастливых дней уже истекли, и вместо них надвигались беды мои.

Сарматия почти не граничила с варягами следовательно нам не нужно было завоевание её; а вся война продолжалась только для того, чтобы наложить на них дань. Я писал для того к Скифскому царю, чтобы склонился платить нам, и письмо это было следующего содержания:

«Князь Варяжский вверил, мне войско, чтобы я тебя наказал. Неосторожно полагаясь на счастье, не противься его власти. Постарайся употребить в пользу снисхождение его к себе и, что я предлагаю письмом этим, ему покориться. Я могу сделать всё, когда ты обещаешься платить дань. Подумай об этом и отпиши ко мне, как поскорее, чтоб я принял такие меры, и сообщил о том моему Государю.»

Один из тайных моих неприятелей, находясь тогда при войсках, нашел черновик этого письма, который я выронил из кармана моего. Это послужило ему средством к моей гибели. Чего не может изыскать злобная душа, когда вознамерится изблевать на кого яд свой? Письмо это было перегнуто надвое, и на одной половине его начальные строки содержали в себе совсем противное, нежели то, с чем было оно писано, а именно:

«Князь Варяжский отдал мне войско неосторожно полагаясь на счастье. Старайся употребить по пользу то, что я предлагаю письмом сим. Я могу сделать всё, подумай о том, и отпиши, чтоб я такие меры принял.»

Прочтя эту половину, отодрал он тотчас искусно другую, так что и приметить было нельзя, и бросил её, изорвав в лоскутки; а с первую как содержащую в себе явное доказательство в измене, которую он вздумал возложить на меня, бежал из войска, и явившись к варяжскому князю, донес всё то, что злость вложила ему в мысли.

Князю нельзя было усомниться в мнимой вине моей, когда он читал письмо, написанное рукою моей к его неприятелю. Он наполнился гнева, и за эту постыдную измену, о коей я и не мыслил, определил, за презрение всех оказанных ко мне милостей, наказывать меня примерно. Князь в тот же час поручил донесшему на меня злодею, ехать к войску, и привезти меня, закованного в цепи, в столицу. Спешащий совершить мою опалу, летел, а не ехал, имея при себе княжеский указ о взятии моём под стражу. Он прибыл к войску, и тайно объявил об этом многим полковым воеводам, которые повиновались княжескому приказу. Я взят был ночью, и отвезен на переменных лошадях. Можно ли представить, в каком был я недоумении об этом поступке со мною, когда был уверен в моей невинности? Не мог я и подумать, что это стало следствием стараний тайных моих врагов. Однако не взирая на всё это, я повиновался воле моего Государя, полагаясь на чистоту моей совести. Слух о произошедшем со мною тотчас разнесся по всему войску. Любившие меня воины взбунтовались, и не слушаясь своих начальников, погнались за мною. Они скоро достигли нас, и я не успел остановить их запальчивости, как доносчик на меня был ими изрублен в куски. Они взяли меня на руки, и понесли назад с радостным восклицанием: «Благодарим небо, возвращающее нам в целости нашего отца». Тщетно представлял я им, что они напрасно противятся воле Государя своего, навлекая на себя наказание. Они не слушались меня, и донесли обратно в стан. Принуждали опять принять начальство, говоря, что они помрут за одно слово, которое я произнесу.

Необходимость предотвращения начавшегося бунта принудила меня принять начальство, и их успокоить; но я вскоре потом уехал тайно, и явившись пред лицом князя, донес обо всем произошедшем. Приносил оправдание, что я, как в убийстве посланного за мною, так и в вине, в которой доносили на меня, ни не имею ни малейшего участия.

— Еще ты, недостойный, хочешь вывернуться из твоего преступления, — сказал князь. — Прочти письмо это, не твоею ли оно писано рукою? — Он подал мне письмо, и я остолбенел, прочитав его; ибо увидел, что оно писано было точно моею рукою; а что оно, разодранное

наполовину, составляло то, чего я не мог и подумать, и совсем забыл о письме, писанном мною к Скифскому Царю. Я старался доказать невинность мою клятвами, и всеми моими поступками: ничто не помогло. Меня посадили в темницу, произвели надо мною суд, и я как изменник и убийца княжеского посланника, осужден был на смерть. День казни моей наступил. Я выведен был на площадь. Стекшийся на зрелище народ, весьма жалел о моем несчастье, имея в памяти услуги мои их отечеству, и выражал сострадание свое плачевными восклицаниями. Хотя я и знал мою невинность; но совсем отчаялся избавиться от моей участи, и с ужасом ожидал последнего удара, должного прекратить век мой. Палач взмахнул уже грозной рукой; но присланный от князя остановил роковой удар, и повелел меня представить князю.

Причиною этого было доказательство моей невинности. Приехавший из войска вестник привез от скифского царя ответ на письмо мое, в коем отвечал он гордо: что он тогда согласился давать варяжскому князю дань, когда не будет в нем души. Этот ответ был подписан на самом том же письме, которое я послал к нему. Князь прочел его, и помня содержание половины черного письма, заключавшей мою измену, сравнил их и понял, что то было только злостной на меня клеветой.

Потом, когда я предстал Князю, и выслушал его извинения в жестоком и несправедливом против меня поступке, приехал из войска второй гонец, и донес, что войско в мое отсутствие пришло в великое замешательство. Воины не слушали своих начальников, и учинили бунт; что неприятель, пользуясь этим беспорядком, напал на них, и разбил в жестокой битве все войско, остатки которого бегут кучками назад в отечество. Несчастная весть эта изобразила Князю весь тот убыток, который понес он, послушав неосторожно клевету на меня. Крайность принудила просить меня принять опять начальство над войском, и обещать в вознаграждение всё, чего бы я не требовал. Я обрадовался чрезвычайно о том, что мою невинность узнали, и бросаясь к ногам князя, сказал, что я чрезмерно награжден, когда его величество удостоивает меня прежних милости и доверия. Обещавшись не щадить моей крови на исполнение его воли, я вышел, и отправился к войску.

Воины бегущие в беспорядке, встретясь со мною, едва меня увидели, как остановились и закричали: «Вот отец наш идет защитить нас!» Я не меньше их обрадовался, что их вижу. Я собрал остатки пораженного войска, и пошел обратно в Сарматию, полагая в надежде, что незначительность сил преуспеет в оружии; но усердие и доверенность подчиненных к их начальнику может иногда творить чудеса. Я нашел гордящегося своею победою неприятеля в оплошности, напал на него внезапно, и разбил превосходящие его силы так, что едва ли десятая часть из неё спаслась. Пользуясь этим успехом и нагнанным страхом, пошел я прямо к столичному городу, которым овладел, прежде, чем скифы смогли что-либо предпринять к своей обороне. Сам царь со всем своим домом был взят в плен. Война окончилась, Сарматия вся была покорена, и на неё была наложена дань. С этого времени отверзается бездна всех моих злосчастий, и из нее истекает источник бед, потопивший меня до ныне в бесчисленных муках.

Между взятыми в плен детьми скифского царя была дочь по имени Всемила. Природа не пожалела даров своих, чтобы произвести её совершеннейшим творением на свете. При взгляде на нее, состояние моего сердца получало иной вид, и нечувствительность его исчезла. Глаза мои, устремленные на её прелести, трепещущее сердце, и неизвестное до того движение крови, доказали мне, что я испил сладкую отраву любовной страсти.

Мы выехали из Сарматии в Варягию. Во время привалов, каждый день по несколько раз посещал я Скифского Царя; но лишь для того, чтобы видеть предмет страстной любви моей. Всякое свидание служило новыми ранами моему сердцу, которые отворяли в нем чары Всемилы; и наконец понял я, что счастливым мне быть без неё невозможно.

Между тем, как я продолжал свои посещения, мне представился случай застать Всемилу одну в отцовском шатре. Всё, что терзаемые горем страдания могли иметь благородного и жалостного, изображено было на прекрасном лице её. Я оказал ей должное почтение, и она приняла это без презрения и благодарности, как дань надлежащую её достоинству, чувства не ослабели в душе её из-за несчастий. Печаль Всемилы проникла внутрь моего сердца. Несносно мне было видеть её в таком состоянии. Жалость и любовь соединившись вместе, покрыли меня смущением, и напоили тоскою дух мой. Я желал её успокоить, и говорил всё то, что рассеянные мысли влагали мне в голову. Она отвечала мне на это одними слезами и вздохами. Сколь великое действие произвели они в чувствительной и плененной душе моей! Я стонал о моих подвигах, полагая, что они были единственной причиной её огорчения, и укорял себя за свои победы, извергшими драгоценные слезы из прелестных очей Всемилы. Унылость, потупленные вниз глаза, бледное лицо и запекшиеся уста, являли ей печаль мою. Она же не иначе понимала это, как действие моего о ней сожаления. Это приводило её в удивление, и она не знала, как к этому отнестись.

— Поздно вы думаете о моем утешении, — сказала она, став виною всего моего несчастья. — Участь моя слишком отчаянна, чтобы я могла забыть её, и принять утешение из уст врага моего.

— Ах! я не враг вам, — прервал я её горестно, — может ли быть такое? Справедливые небеса! Вам не скрыты тайны сердца моего, вы видите, заслужил ли я такое имя? До какого доведен я бедствия? Исполняя долг мой перед моим Государем, и желая поправить через то собственные мои несчастья, стал я орудием злополучия других и заслужил имя врага! Так, государыня, я стал злодеем вашим против моей воли, но злодей я больше сам себе. Я погубил сам себя, и усугубил жестокость вашей участи. О тщетное счастье! На то ли ты мне благоприятствовало, чтобы тайно погрузить дух мой в бесчисленные томления?

— Перестань притворяться и пенять на склонное тебе счастье, — сказала Всемила. — Чего еще осталось тебе желать, став победителем великого государя, и первым любимцем своего князя? Какого награждения не можешь ты ожидать от того, кому ты доставил нас во власть?

— Прекрасная Всемила, — отвечал я, — внешний вид моего счастья покрывает широкой своею тенью внутренние обстоятельства горестных случаев. Позвольте ли, чтобы я изъяснил их перед вами? Примите на себя великодушный труд выслушать течение моей жизни, и узнайте, что я назначен судьбою произойти на свет ради свирепого рока. Об этом я прошу вас не для сожаления, которое может иметь несчастный от несчастного, но ради снисхождения, которое оказывают великие души к врагам своим.

Она позволила мне говорить, и я начал описывать ей мои случаи, не позабыв изъяснить, во-первых, что я рожден от единственной и законной наследницы чешского престола. Включил я в свой рассказ и несчастья моих родителей, коими доведены они были в крайнюю бедность, собрав все моё красноречие, сколько я имел, поведал я, как потом, лишившись надежды и последнего иждивения, принужден я был забыть свою природу, и вступить на службу варяжского князя, в степени последнего чина в его войсках. Как я ему усердно служил, как дошел было до смерти, и как избавился от казни и опять стал благополучен.

— Но что ж вышло из того? — продолжал я робким и смущенным видом. — Я стал победителем, но потерял мою свободу. Любовь, неизвестная моему сердцу, разрушила нечувствительность мою к нежному полу, и сделала своим невольником. Я заключен навек в её оковы. И как не хочу, чтоб я был от неё свободен, равно и не имею надежды быть счастливым в моей страсти, которая ежеминутно наполняет неизъяснимыми муками мои чувства. Великодушная Царевна! Я не могу скрывать себя, чтоб не изъясниться перед вами. Дерзость мою почтите вы достойной прощения или казни: мне все равно. Став причиной ваших огорчений, я не могу ждать вашего сожаления, ни пенять на вас, что стал из-за вас несчастен. Таково действие одного гневного на меня рока. Я полагаю, что вы усугубили свою ко мне

ненависть, которая и так беспредельна, я её заслужил. Но ведайте, что жесточайшие казни недостаточно сравняться с теми муками, которые я несу, пленяясь без надежды бессмертным сиянием вашей красоты. Я вас люблю, люблю страстно, и больше моей жизни. Воздайте же мне за эту дерзость, возненавидьте меня настолько же, насколько я вас обожаю. Этого мне мало за мои против вас преступления. Я заслужил большего. Лишите меня жизни, одного этого желаю я в моих томлениях. Удовлетворите справедливый гнев свой, и тем избавьте меня несносных дней моих. Есть ли же вам мерзко омыть руки свои кровью вашего врага: я сам свершу это, и тою же рукою, которая стала причиной ваших несчастий, прекращу я мои собственные. – С этими словами я извлек меч свой, и бросаясь на колена, подал его в руки Всемилы.

Во все время, как я продолжал мои речи, Царевна взидала на меня с видом, изъясляющим её удивление. Сожаление о несчастии моих родителей, и о моем собственном, казалось проникающим из очей её, которые не могли скрыть неприязни против неприятеля. Когда же она услышала изъяснения моей к ней страсти, величие её казалось тем оскорблено. Стыдливость и досада переменили вид её. Она старалась преодолеть чувствуемое сожаление, и осыпать жестокими укоризнами меня за дерзость. Движения её это ясно показывали. Но отчаяние и смущение, в котором я тогда находился, доказывали ей беспритворность слов моих. Она вырвала меч из рук моих и, вкладывая его в ножны, говорила: – Мстить врагам своим – действие душ подлых, а прощать вину – должность самой добродетели. Хотя ты был тем орудием, которое повергло нас в несчастье, но что же делать? Ты исполнил этим волю судьбы и своего Государя, и иначе поступать тебе было невозможно. Я почитаю тебя менее виновным, чем полагала прежде, но требования твои оскорбляют мою природу. Что ты надеешься обрести от дочери врага твоего Государя? Не думаешь ли ты, чтоб я была настолько подлой, чтобы допустила закрасться постыдной страсти в мое сердце и почувствовала бы к тебе склонность? Нет не жди этого. Царевна скифская и в невольницах имеет те же чувства, которые имеет от рождения. Не утешай себя своей над нами властью, забудь об этом, и не делай из-за этого себя достойным моей ненависти. Довольствуйся тем, что твои несчастья и твое происхождение, доставляют тебе мои сожаления. Но я много наговорила. Оставь меня, и не умножай тоски моей своим присутствием.

– Я должен повиноваться вашей воле, – сказал я с отчаянием, – и если я настолько несчастен, что вы не можете выносить моего присутствия: я избавлю вас от него. Злоключения делают меня несносным самому себе. Меч, служивший доселе к моей славе, послужит и к достижению покоя. Я иду прекрасная Всемила, иду умереть. Я не жалею расставаться с жизнью, но не могу вообразить, что лишаюсь тебя на веки. Прости, и знай, что жестокость твоя изгоняет из света несчастного Светомила, любившего тебя больше всего в этом мире.

Я пошел, положив твердое намерение умертвить себя. Но Царевна остановила меня, сказав:

– Не воистину ли ты вздумал заколоться!

– Конечно, – тотчас ответил я.

– Нет я не хочу быть причиной того, – продолжала она.

– Вы одним словом можете остановить стремление моего отчаяния, и возвратить меня к жизни, подхватил я.

– Живите, – сказала она, – я позволяю вам не думать о смерти: ненависть моя исчезает.

– Ах! Вы меня оживотворяете, – говорил я, став перед нею на колени. – Но этого мало. Если вы меня не будете ненавидеть, но и не будете любить то, что мне в жизни? Она цепь одних мучений!

– Не мучьтесь, – отвечала царевна. – Я не причиню вам никаких огорчений, но не можно ли мне признаться в том, о чем мне должно много посоветоваться с моим сердцем и рассудком? Обстоятельства твои меня трогают, но признаться тебе в любви я не смогу без

соизволения моего родителя, а открыть ему в этом я весьма страшусь. Уничтожение в плену не уменьшило его гордости. Итак подумай, чего ты можешь от меня ждать?

– Того только, чтоб вы открыли мне, что сможете меня полюбить.

– Вам не будет из того пользы.

– Ах! Я был бы счастливейшим из смертных. Мне не осталось бы ничего на свете желать, как просить варяжского князя, чтоб в награждение за мои услуги, возвратил он родителю вашему свободу вместе с его царством. Он не сможет отказать мне в том. Неужели родитель ваш будет за это столь нечувствителен, и откажется увенчать мою услугу позволением вам любить меня? Потом я попрошу князя, чтоб он дал мне помощь, возвратит престол моего деда, и вручит вам скипетр Чешский.

Ответ на это Всемилы, исполненный скромности и величия, показывал одну только спокойную благодарность. Хотя она пыталась скрывать, но я примечал, что происходит во глубине её сердца. Она стыдилась, что слушала меня со снисхождением, но польза родителя налагала на неё обязанность беречь таковую опору каков был я. Ведь я, обладая благосклонностью варяжского князя, могу испросить у него всё, что в его власти. Словом сказать, старания мои превозмогли. Она открылась мне, что я ей не противен, и что при исполнении всех моих желаний, она почтет она себя благополучною. Мы рождены были друг для друга, и пленились взаимно.

С того времени начал я оказывать знаки почтения и царю скифскому. Все, что могло облегчить его плен было мною сделано. Каждый день видел я Всемилу по несколько раз, и соединял с своими чувствами только нежную и искреннюю к ней горячность, так что она скоро стала укорять себя за ненависть, которую имела ко мне прежде. Я со стороны моей не мог утешиться, что способствовал её несчастьям, и звал в свидетели Небо, что в состоянии предпринять всё, чтобы их загладить.

– Князь Варяжский столь ж великодушен к своим пленникам, сколько неукротим против неприятелей. Удовольствуясь победою, он притеснять уже не может. Услуги мои и милость его ко мне, конечно доставят мне исполнить желаемое, во испрошение дарования вам свободы и вашего владения. Это осушит твои слезы, прекрасная Всемила, но истребит ли в тебе память о том, кто принудил тебя проливать их? Получив опять сияние своего величества, не забудешь ли ты своего несчастного Светомила?

Эти слова извлекли из уст её признание, что она воспылала ко мне равной страстью, и что без меня благополучия не представляет. Мы поклялись в вечной верности, и в продолжении пути, повторяя ежечасно нежные разговоры, выдумывали средства, каким бы образом достигнуть верха наших пожеланий. Я считал себя счастливейшим из смертных, и не думал, чтобы можно было прерваться моим надеждам.

Напоследок приближались мы к столице Варяжской. Первым моим делом было испросить у князя, чтоб побежденный скифский царь не был введен при торжественном моем въезде в город, словно пленник. Это я получил, и сообщил о том радость мою Всемиле. Она приняла это с большим удовольствием, и надеждою по причине первого опыта моей у Князя просьбы о дальнейшем благополучном следствии наших желаний. Торжество окончилось: я предстал пред лицом моего Князя. Если кто и был кто любим своим Государем, так это я.

– О как несправедливо поступил я с тобою, любезной мой Светомил, – говорил Князь Варяжский, обнимая меня. – Неосторожность моя едва не ввергла меня в напасть. Благодарю небо, спасшее нас обоих. Поверь мне, что раскаяние о моем проступке пребудет столько же вечно, как и благодарность к тебе нескончаема. Чем могу я воздать тебе за твои заслуги? Теперь остается тебе желать, а мне исполнять. Просьба твоя будет закон моей власти. Скажи только, и все получишь, что только от меня зависит.

Какой случай мог быть удобнее, для прошения о свободе Царя Скифского? Я употребил его в мою пользу, и бросаясь на колени, говорил к Князю следующее: «Великий Государь!

Чего осталось мне желать, когда ваше величество познали мою невинность, и возвращаете благоволение ваше последнему вашему рабу. счастье мое беспредельно, и я был бы человек неблагодарнейший, когда бы захотел употребить милости ваши к насыщению честолюбия или корысти, будучи и так награжден сверх меры. Но если может раб ваш дерзнуть изложить вам просьбу: она коснется единственно пленника вашего, царя скифского. Удивите свет более вашим великодушием, чем ужасом о славе вашего оружия. Возвратите сарматам свободу и царя их. Удовольствуйтесь одною данью, от которой отречься они не могут. Это промчит славу вашу в концы вселенной. И покажет смертным, что варяжский государь столько же способен прощать и миловать, как и побеждать. Пусть потомки с восхищением будут читать редкий пример щедрот ваших и добродетелей!

Слова мои проникли во внутрь души варяжского князя. Снисходительное сердце его не меньше подвиглось к жалости, как дивился он нечаянному роду просьбы в мое награждение.

– Вот редкий пример беспристрастия в подданном, – говорил он. – Великодушие твое меня трогает. Царь Скифский свободен. Ради тебя, любезный Светомил, возвращаю я ему свободу вместе с его Царством. Но чтобы совершить долг достойный добродетели, я не требую от него никакой дани. Верность твоя ко мне есть дар, превышающий все сокровища на свете. Исполнение этой просьбы есть наименьшее, чем могу я наградить твои заслуги.

– Ваше Величество! – сказал я, обнимая ноги его, – никто не может быть столь награжден как я. Без этого я был бы несчастнейшим человеком. От свободы Скифского Царя зависит всё моё будущее благополучие. Вы больше мой отец, нежели государь. Вы меня, поверженного в крайнее бедствие, приняли под покров своих щедрот, и смягчили суровость моих несчастий своими милостями. Итак, я не должен скрыть пред вами тайных моих обращений. Победенный вами Царь имеет у себя дочь редкой красоты. Столь я ни нечувствителен был к прелестям нежного пола, но первым на нее взором, не мог укрыться я от её чар. Я влюбился в нее смертельно, и понял, что без ней счастлив быть не могу. Она это знает и отвечает мне взаимною склонностью. Но венец наших желаний не мог случиться иначе, как с соизволения отца её, гордость которого воспрепятствовала бы согласиться на мои требования, ежели бы вы, о Государь! не оказали через меня этого снисхождения к нему. Теперь я великую имею опору моей надежде. Но Скифский Царь не знает еще страсти моей к его дочери, и не известно как примет мое о том предложение, для изъяснение которого немеет язык мой. Докончи, Великий Государь мое счастье, соверши беспредельные ко мне милости. Единое из уст ваших в мою пользу сказанное слово возведет на верх моих желаний».

Варяжский князь, подняв меня, обещал о мне стараться, сколько будет его возможности. И в самом деле: того же дня скифский царь предстал перед его очами, и варяжский князь ему сказал: «Я возвращаю тебе твое царство и твою вольность. Благодарю за это Светомила. Одна его просьба успела склонить меня». Царь Скифский, не ожидавший столь скорой перемены своего положения, совсем смешался. Неизвестно, удивление или радость сильнее тогда им овладела. Когда он пришел в себя, и начал в чувствительных словах приносить благодарности варяжскому князю; тот повторил ему, что он всецело обязан за то мне, а не ему, и вынудил обращаться к мне. Потом, когда он подоидя ко мне, говорил: «Великодушный Светомил! Чем могу воздать ко мне безмерное твое ко мне благодеяние!» – я совсем смутился. Язык мой мне изменил, я и бросившись пред ним на колени, то возводил глаза мои на него, и желал употребить мою просьбу, то обращал их на варяжского князя, и безмолвными знаками просил о его за меня предстательствовать. Новое удивление для царя скифского. Он сам смутился и не знал как истолковать это происшествие; но Князь Варяжский объяснил ему мое желание, и усугубил радость его новым удовольствием, что он нашел случай воздать мне за мою слугу. Царь скифский поднял меня с земли, обнял и сказал с восхищением:

– Справедливы небеса! Сколько неиспытанны пределы судеб твоих! Возможно ли, чтоб тот Светомил, который возлагал на меня оковы, пылая неукротимым свирепством, ныне

разорвал их, и вместо всех наград выбрал свою свободу от щедрот своего государя? Грозный герой, бывшим моим врагом, обращается в любезного мне сына.

Но долго пересказывать все слова, им и мною при этом сказанные.

Царь скифский согласился отдать за меня дочь свою. На другой день положено было быть нашему сочетанию, а между тем был обнародован указ о свободе Сарматии и их царя. Все дивились добродетельному поступку варяжского князя, а особенно превозносили похвалами меня. Каждый из бывших тут сарматов, и варягов соединял радость свою с моею: поскольку последние меня любили, а первые почитали своим избавителем.

Представьте мой случай в пример превратного счастья. Чего, думал я, не достает к дополнению моего блаженства. Я любим своим князем, почтен, богат, жених дочери сильного царя. Какие лестные мысли не наполняли мою голову! Радостные мечты, прерываясь друг перед другом, приводили меня вне себя. Остаток дня, и большую часть вечера провел я у моей дражайшей Всемилы. Все, что страсть истинной любви влагала в наши мысли нежнейшего, говорили мы друг другу. Мы расстались, воспламеняясь ещё сильнее, упоённые сладкою надеждою соединиться на веки в следующее утро. Я пошел готовить пристойное всему торжеству, долженствующему происходить в присутствии самого государя в княжеском дворце.

Ночь прошла, прежде, нежели сон мог свести глаза мои. Настала желанная минута. Все были во дворце, скифский царь, любезная моя Всемила, и весь его род. К началу сочетания нашего ожидали только прибытия князя. Он пришел, и с первым взглядом на Всемилу переменился в лице. Беспорядочные ответы его на наказуемое от всех почтение, изъявили его замешательство. Все удивились такому смущению, и не знали, к чему отнести его причину. Я сам не понял, что заключать из этого, но сердце предчувствовало грозящую мне напасть. Оно трепетало, и наполняло ужасом мои чувства. Всякая непритворная любовь недалеко от ревности, итак, я полагал княжеское смущение действием красоты моей невесты. Семидесятилетняя его старость не могла убавить моего подозрения, поскольку я видел влюбчивый нрав его. Я цепенел и примечал все движения моего Князя, и если бы кто взглянул на меня пристальнее, легко увидел бы, что я смущен не меньше, чем и он. Надежда на милости его ко мне бросалась тогда всеми силами с ревностью, и едва не лишала меня чувств. Насколько правдивы сердечные предчувствия! Следствие показало справедливость моих догадок. Князь и в самом деле пленился прелестями моей невесты, и не в силах скрыть смущения, заявил, что он весьма занемог. И отлагает совершение моего брака до облегчения своей болезни. Он пошел во внутренние покои, и все разошлись. Один я в неудовольствии и страхе остался во дворце, где предался печальным размышлениям. Я желал видеть князя, но меня не постили к нему. Он отговорился, что болезнь его требует успокоения. Этот поступок вновь подтвердил моё недоверие. Князь никогда до той поры не запрещал мне входить к себе. Я пошел домой, чтобы наедине свободнее размышлять о наступающем на меня несчастье.

«Какую жестокую напасть готовит мне рок мой!» – думал я в себе. Всякое счастье человеческое, есть одна пустая тень. Подпоры огромного его здания не более, чем гибкие хлыстики. Чего бедственного я могу ждать со стороны моего князя? Мог ли я вообразить вчера, что так скоро скроется свет истинного благополучия? Я лишаюсь надежды; погибель моя очевидна. Чего не в состоянии предпринять сильная страсть любви? О чем раздумывает варяжский князь, как сбить меня с рук своих? Заслуги мои не удержат его избавить себя от соперника, которого его склонность к Всемиле сносить не может. Предпочтет ли меня ему царь скифский? Одно сказанное слово, применит его намерения. Только нежная любовь ко мне Всемилы удерживает еще мое отчаяние. Неужели её прельстит блеск княжеского величества, и променяет она горячность мою, на варяжский скипетр? Ах! нет! Я страшусь подумать, возвести на неё такую измену. Добродетельная её душа никогда на такое не согласиться, и порок не будет торжествовать над её склонностями. Пойду узнать судьбу мою из

уст её. Слова её будут законом, определяющим жизнь или смерть мою. Но если она забудет горячность мою... – Увы! этого не могу я представить. Одно воображение это терзает на части мое сердце. Но что делать? Что ни будет, должно идти. Крепись, несчастный. Приготовь себя, может, к принятию мучительной казни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.